

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

Language
and Text

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№2 (10) 2023

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербакова М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавачца А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Секретарь
Канель И.В.

Редактор и корректор
Бовшик А.С.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru
Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года
Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia), Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia), Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy), Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Secretary
Kanel I.V.

Editor and proofreader
Bovshik A.S.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru
Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

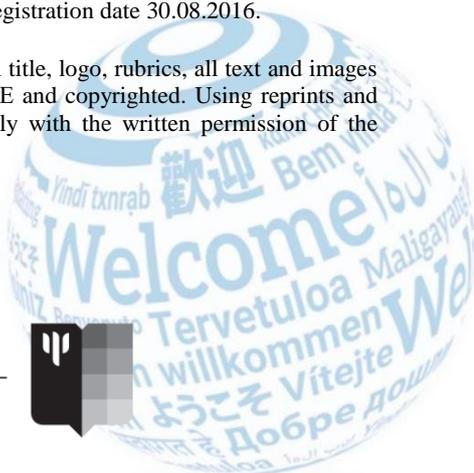
Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:
El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2023

Содержание

2023. Том 10. № 2

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аксиологические ориентиры в социальной рекламе для российской молодежи <i>Асташина М.С.</i>	5-13
Влияние контекстов на формирование словарных значений лексем <i>Кобылко Я., Козловская Е.С.</i>	14-27
Морфологический портрет имени прилагательного аварского языка <i>Маллаева З.М.</i>	28-37
Стилистическая мотивированность при использовании языка амхарских СМИ <i>Меконнен А.М., Хуссиен Э.</i>	38-56
Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинаризма <i>Аверюшкин А.Н., Канель И.В.</i>	57-64

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой <i>Куличева Е.В.</i>	65-77
Китаеведение в России в середине XIX в.: по материалам собрания и архива К.А. Скачкова из фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки <i>Вишневская Е.Э.</i>	78-90
Поэтизация топики жанра видения в визионерской поэме П. Буслаева «Умозрителство душевное...» (1734) <i>Петров А.В., Колесникова О.Ю.</i>	91-99
Экспрессивная функция сегментных единиц поэтического текста: универсальные и национально-специфические признаки <i>Величкова Л.В., Воропаева И.В.</i>	100-114

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Студенческий опыт и отношение к самостоятельному изучению языка: пример Аддис-Абебского университета науки и технологий <i>Абабо А.Б., Анимав А.К.</i>	115-128
--	---------

Contents

2023. Vol. 10

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Axiological Reference Points in Social Advertising for Russian Youth <i>Astashina M.S.</i>	5-13
Influence of Contexts on the Formation of Lexical Definitions <i>Kobylko J., Kozlovskaya E.S.</i>	14-27
Morphological Analysis of the Adjective of the Avar Language <i>Mallaeva Z.M.</i>	28-37
Stylistic Motivation in Amharic Media Language Use <i>Mekonnen A.M., Hussien E.</i>	38-56
Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics Triad: Bronislaw Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity <i>Averyushkin A.N., Kanel I.V.</i>	57-64

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Verbalizers of the Concept «DESIRE» in Prose of 1950-1960 by F.A. Vigdorova <i>Kulicheva E.V.</i>	65-77
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century: According to K.A. Skachkov's Collection and Archive from the Funds of the Manuscript Department of the Russian State Library <i>Vishnevskaya E.E.</i>	78-90
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734) <i>Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.</i>	91-99
Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic Text: Universal and Nationally Specific Features <i>Velichkova L.V., Voropaeva I.V.</i>	100-114

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Students' Practices and Perceptions of Autonomous Language Learning: the Case of Addis Ababa Science and Technology University <i>Ababo A.B., Animaw A.K.</i>	115-128
---	---------

Аксиологические ориентиры в социальной рекламе для российской молодежи

Асташина М.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО
МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

Работа направлена на прояснение роли аксиологии в рекламной деятельности. Аксиологический компонент был рассмотрен в составе социальной рекламы для молодежи в современной России. Представлены материалы анализа (в том числе и лингвистического) рекламных сообщений, опубликованных в официальном телеграм-канале Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) за первую половину 2023 года. Полученные результаты дают возможность говорить о ряде актуальных и социально-значимых ценностей, которые формируются в сознании читателей данного информационного ресурса и молодых граждан Российской Федерации. Отмечается, что существует необходимость проведения междисциплинарных исследований, чтобы определить когнитивное влияние рекламы на конечных потребителей.

Ключевые слова: рекламная деятельность, социальная реклама, функции рекламы, аксиология, аксиологические ориентиры.

Благодарности: Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования научного руководителя проекта И.В. Дергачеву.

Для цитаты: *Асташина М.С.* Аксиологические ориентиры в социальной рекламе для российской молодежи [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 5–13. DOI:10.17759/langt.2023100201

Axiological Reference Points in Social Advertising for Russian Youth

Maria S. Astashina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

This study aims to clarify the role of axiology in advertising. The axiological component has been considered in the composition of social advertising for young people in present-day Russia. The materials of the analysis (including linguistic analysis) of advertising messages published in the official Telegram channel of the

Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh) for the first semester 2023 are presented. The results make it possible to point to a number of relevant and socially significant values, which are formed in the minds of the readers of this information source and young citizens of the Russian Federation. It is noted that there is a need for interdisciplinary research to determine the cognitive impact of advertising on consumers.

Keywords: advertising, social advertising, advertising functions, axiology, axiological guidelines.

Acknowledgements: The author is grateful for assistance in data collection to her supervisor I.V. Dergacheva.

For citation: Astashina M.S. Axiological Reference Points in Social Advertising for Russian Youth. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 5–13. DOI:10.17759/langt.2023100201 (In Russ.).

«Система массовой коммуникации становится доминирующим фактором современной культуры» [8, с. 237]. Пандемия COVID-19 показала, что современное общество уже не может существовать без онлайн-коммуникации. Поскольку массовая коммуникация представляет собой «систематическое распространение сообщений среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей» [16], то рекламу можно рассматривать как одну из ее форм. Данная идея была, в частности, развита отечественными учеными В.В. Ученовой [14] и Н.В. Старых. По их мнению, реклама в качестве неперсонифицированной передачи информации является ответвлением массовой коммуникации, «в русле которого создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты, адресованные группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку» [15, с. 9].

Являясь одним из самых широко используемых инструментов маркетинга [7], рекламная деятельность всегда находится под пристальным вниманием специалистов, которые стремятся определить наиболее эффективные способы привлечения и удержания внимания потребителей. Кроме того, одной из задач рекламы является не только работа со вниманием, но и побуждение получателя рекламного сообщения к какому-то целевому действию. Если такое действие происходит, то рекламу считают эффективной.

У рекламы как у социального феномена есть свои функции. Поскольку в данной статье особый интерес представляет реклама в сфере молодежной политики, мы будем рассматривать функции социальной рекламы, а именно коммуникационную функцию, информационную, мотивационно-побудительную, социализирующую, идеологическую, социоинтегративную [11, с. 58-60].

Несмотря на то, что современные технологии и медиакоммуникации создают иллюзии и дистанцируют людей от реального мира [3, с. 102], социальная реклама является способом создания и поддержания социальных норм и ценностей, формирования общественного мнения и воздействия на социально значимые проблемы (например, такие как дискриминация и экологические проблемы).

Социальная реклама представляет собой сложный коммуникационный процесс, направленный на изменение поведения или мнения людей в отношении социальных проблем, ценностей и норм, с использованием специально разработанных сообщений и каналов коммуникации. В этом процессе участвует и социальная журналистика, и

социальный маркетинг, и социальный PR. Анализируя социальный маркетинг, Г. Г. Абрамишвили и соавторы в работе «Операция “Маркетинг”» дают следующее определение данному феномену: «Социальный маркетинг — совокупность методов осуществления социальных программ государственными и общественными организациями, а также социальные аспекты деятельности рыночных корпораций» [1, с. 86].

Раньше социальная реклама считалась преимущественно инструментом государственной власти. Однако в современной России она начинает привлекать к участию все общественные институты и сектора экономики [10, с. 7].

Ситуация в современной России выдвигает определенные требования к социальной рекламе и обществу в целом. Молодое население Российской Федерации находится в трансформационном периоде, поскольку испытывает ценностную неопределенность и кризис с самоидентификацией. В связи с этим реклама приобретает новую роль одного из главных системообразующих факторов новой организации всей жизни российского социума [13]. Кроме того, социальная реклама должна заниматься формированием человека, который обладает новой ментальностью [5, с. 147]. Ответственность за последствия от рекламных сообщений увеличивается, и важным становится избегание манипулятивного использования рекламного потенциала, который неоднократно применялся в ходе предвыборных кампаний [9, с. 101]. Именно поэтому перед сотрудниками сферы молодежной политики стоит большая задача: качественно использовать рекламные технологии, чтобы транслировать глубоко продуманную и четко выстроенную стратегию национального развития в соответствии с национальными интересами государства и частными интересами отдельного человека. Для этого в рекламные сообщения включают аксиологический компонент.

Аксиология — это наука, изучающая ценности и ценностные отношения. В контексте рекламы аксиология может быть использована для создания эмоциональной связи между брендом и потребителем на основе общих ценностей. В случае с рекламой в сфере молодежной политики — между молодыми гражданами и страной, социальными акциями, действующими проектами.

Аксиология может быть использована в рекламе для создания более эмоционального и личностного подхода к аудитории. Например, вместо простого продвижения продукта (например, открытие сезона грантового конкурса или старт регистрации на всероссийский форум), реклама может использовать ценности, которые объединяют продукт и потенциального пользователя данного продукта, для создания эмоциональной связи с целевой аудиторией и побуждением к целевому действию. Это помогает создать более длительную и лояльную связь между брендом Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) и молодыми гражданами РФ в возрасте от 14 до 35 лет, а также повысить интерес к участию в проектах и увеличить число участников в этих проектах. Например, пост про КотоГранты (29 марта 2023) [Рис. 1]: использование изображений котиков умиляет, приятно располагает адресатов, снижает градус недоверия и вызывает желание досмотреть сообщение до конца. Кроме того, к картинкам добавлены мысли котиков-участников, описывающие эмоции котика-конкурсанта, уже подавшего заявку на грантовый конкурс (а где-то и даже уже выигравшего). Такой пост ярко освещает ценность социальной ответственности: твои действия меняют мир в лучшую сторону (картинка с котиком из категории «#сохраняй_природу»: сейчас речку очищу, и вообще красота) или важность сохранения собственной истории (картинка с котиком из категории «#помни»: помни свою историю, свои истоки, свои корни). Последняя категория представляет особый интерес для развития общества и науки в целом, поскольку современные историки активно занимаются

изучением концепта «историческая» или «коллективная память» [2, с. 95].

Рис. 1. КотоГранты (29 марта 2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rosmolodez/7083?single> (дата обращения: 10.04.2023).

Интересно в этой публикации еще то, что сами номинации используют повелительное наклонение в названии (*открывай, создавай, будь, вдохновляй, расскажи*), как бы призывая молодых людей сделать положительные изменения для общества. А котики-участники грантового конкурса делятся своими идеями, используя будущее время (*проложим маршрут; я передам вам, и вы расскажете*) — неявная метафора-отсылка к концепту «время»: я подаю заявку на грантовый конкурс сейчас, а затем изменю положение дел в обществе завтра. Поскольку «*аксиологические представления о будущем свидетельствуют об уровне морально-этических принципов общества и оказывают влияние на образ жизни до возникновения развитых религиозных систем древности*», то в современном обществе роль социальной рекламы для молодежи приобретает особую значимость [6, с. 516].

Еще одним аксиологическим ориентиром является патриотизм. Российские молодые люди все больше проявляют интерес к своей истории и культуре, поэтому реклама, которая подчеркивает российский характер продукта, может вызвать у них положительную реакцию. Например, пост о «10 гранях патриотизма» (от 3 апреля 2023) [Рис. 2]. Информация в сообщении представлена таким образом, что в видеоролике демонстрируются отдельные ценности, которые определяют любовь к своей стране. Серия «10 граней» разделена на 2 поста: первая часть состоит из 5 слов (история, культура, спорт, медиа, добровольчество), вторая часть пока недоступна для просмотра, поскольку ее публикация предполагается в будущем. Завершается эта публикация фразой: «*Быть патриотом — всю жизнь*», что в свою очередь обращает читателей к таким ценностям, как *время* и *социальная ответственность*. Кроме того, важно отметить наличие хэштега #ПроРодину, который акцентирует внимание на самой важной идее данной публикации.

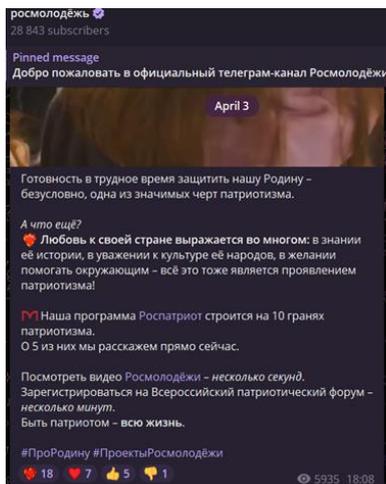

Рис. 2. «10 граней патриотизма» + реклама Всероссийского патриотического форума (3 апреля 2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rosmolodez/7143> (дата обращения: 10.04.2023)

Реклама для молодежи оказывает значительное влияние на формирование ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов. Аксиологические ориентиры, которые присутствуют в рекламе для молодежи в России, могут включать как положительные, так и отрицательные ценности. Для того чтобы избежать негативных влияний рекламы, молодежь должна быть критически настроена и уметь анализировать информацию, обращая внимание на аксиологические ориентиры в рекламе. Необходимо учитывать, что реклама может использовать стереотипы и создавать ложные установки, поэтому важно не принимать ее на веру и подвергать критической оценке. Например, провокационный ролик о том, почему не стоит подавать заявку на Росмолодежь.Гранты (22 марта 2023) [Рис. 3]. Ролик в шуточной форме показывает возможности, которые молодые люди могут получить в результате участия в грантовом конкурсе. Гиперболизируются позитивные изменения от победы в грантовом конкурсе с использованием негативных установок, что, в свою очередь, вызывает интерес подать заявку на развитие социально-значимого проекта в своем регионе.

Рис. 3. Провокационный ролик о том, почему не стоит подавать заявку на Росмолодежь.Гранты (22 марта 2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rosmolodez/7021> (дата обращения: 10.04.2023)

Кроме того, важно помнить, что использование аксиологии в рекламе должно быть осознанным и не должно противоречить этическим принципам. Реклама, которая использует ложные ценности или злоупотребляет уязвимыми ценностями, может привести к отрицательному отношению к бренду (в случае с рекламой в сфере молодежной политики — к скептическим настроениям по отношению к деятельности государства в целом) и уменьшению доверия потребителей (граждан). Реклама, как и другие виды профессиональной деятельности, использует этические нормы, характерные для всего человечества. Например, универсальными категориями этики являются добро, долг, совесть, ответственность, правда (и их антиподы). К специфическим этическим особенностям рекламы как профессиональной деятельности относятся законность, благопристойность, честность, корректность, достоверность [4, с. 123].

Поскольку реклама использует культ личности как один из инструментов и аксиологических ориентиров, то честность, достоверность и законность в рекламе у Росмолодежи выражается через презентацию образа руководителя Федерального агентства по делам молодежи Ксении Разуваевой, в том числе с помощью рекламы Ксении как успешного лидера, представителя молодежи. Например, пост о том, что Ксения стала официальным опекуном гуся Василия (который стал символом программы подготовки команд молодых специалистов социального проекта «Кадры для села» — совместный проект Росмолодежи и Российского союза сельской молодежи). Пост построен таким образом, что он не только дает читателям информацию о руководителе Федерального агентства по делам молодежи, но и рассказывает о возможности участия в программе «Фермерская опека», которая доступна каждому желающему [Рис. 4]. Следует также отметить, что при формировании «образа-примера» или «ролевой модели» для молодежи не следует прибегать к абсолютизации красоты, которая таит в себе опасность некоего эстетического идолопоклонства [12, с. 75] и потери индивидуальности.

Рис. 4. Гусь Василий (6 февраля 2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/rosmolodez/6552> (дата обращения: 10.04.2023)

Таким образом, можно смело утверждать, что аксиологические ориентиры в российской рекламе для молодежи являются важным фактором, который влияет на формирование

ценностей и установок этой группы населения. Поскольку данная работа предполагала проведение анализа рекламных сообщений в официальном телеграм-канале Росмолодежи с целью определения аксиологических ориентиров у российской молодежи, то можно сделать следующий вывод: рекламные сообщения действительно формируют ценностные ориентиры, а именно любовь к родине (патриотизм) и личную ответственность.

Обобщение теоретических работ по рекламной деятельности (в том числе социальной рекламе) и анализ рекламных сообщений выявили многоаспектность понимания рекламных текстов с точки зрения аксиологического подхода (анализ не только языковой, но и визуальной стороны), а также необходимость проведения междисциплинарных исследований, чтобы определить когнитивное влияние рекламы на конечных потребителей.

В заключение следует отметить, что на современном этапе развития российского общества рекламу необходимо рассматривать не только как жизненно важный элемент экономики, но и как относительно самостоятельную форму социальной деятельности, поскольку она способствует формированию определенного образа жизни и распространению социальных ценностей, которые оказывают влияние на отношение к себе, обществу, природе. Соблюдение определенных нормативов в профессиональной рекламной деятельности необходимо, чтобы ментальное здоровье адресата рекламного сообщения (и особенно представителей молодежи) было целым и невредимым, а когнитивные процессы, происходящие в сознании, были позитивными.

Литература

1. *Абрамшвили Г.Г., Война В.А., Трусов Ю.Ф.* Операция «маркетинг». 1976. М.: Междунар. отношения. 224 с.
2. *Аверюшкин А.Н.* Проблема исторической теории в когнитивной практике и методологической рефлексии в XX столетии: дисс. ... канд. филос. наук. 2005. М. 132 с.
3. *Ажимова Л.В.* Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 101-110.
4. *Акопянц А.С.* Этическая культура рекламы // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11), т. 1. С. 122-130.
5. *Водопьянова Н.А.* Философия рекламы в контексте социогуманитарного знания // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 5. С. 146-149.
6. *Дергачева И.В.* Бобок Федора Достоевского и Убик Филипа Дика: мистика инобытия // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9. № 2. С. 515-532. DOI: 10.15826/qr.2021.2.593
7. *Котлер Ф.* Основы маркетинга / пер. на русский язык В.Б. Боброва. 1990. М.: Прогресс. 651 с.
8. *Миронов В.В.* Коммуникативное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. С. 27-43.
9. *Мурадян А.А.* Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 99–106. DOI: 10.17759/langt.2020070408
10. *Николайшвили Г.Г.* Социальная реклама: теория и практика. Учеб. пособие для студентов вузов. 2008. М.: Аспект Пресс. 191 с.
11. *Пядышева Т.Г.* Ценности общества через призму социальной рекламы // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2013. № 1. С. 56-61.
12. *Симонова С.А., Аверюшкин А.Н.* К вопросу об эстетизации современной культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Том 24. № 85. С. 73-77. DOI:

10.37313/2413-9645-2022-24-85-73-77

13. Уралева Е.Е. Аксиологический потенциал современной российской рекламы: автореф. дисс. канд. социол. наук. 2011. Тамбов. 23 с.
14. Ученова В.В. Философия рекламы. 2003. М.: Гелла-принт. 208 с.
15. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа. 1999. М.: Юнити-Дана. 366 с.
16. Философский энциклопедический словарь. Словарная статья «Массовая коммуникация» [Электронный ресурс] / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. 1983. М.: Советская энциклопедия. URL: http://endic.ru/enc_philosophy/Massovaya-kommunikaciya-3826.html (дата обращения: 27.03.2023).

References

1. Abramishvili G.G., Voina V.A., Trusov Yu.F. Operatsiya «marketing». 1976. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. 224 p. (In Russ.).
2. Averyushkin A.N. Problema istoricheskoi teorii v kognitivnoi praktike i metodologicheskoi refleksii v XX stoletii: diss. ... kand. filoz. nauk. 2005. Moscow. 132 p. (In Russ.).
3. Azhimova L.V. Zhan Bodriiyar o fenomene massovykh kommunikatsii v obshchestve potrebleniya // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2012. № 3, pp. 101-110 (In Russ.).
4. Akop'yants A.S. Eticheskaya kul'tura reklamy // Idei i idealy. 2012. № 1 (11), t. 1, pp. 122-130 (In Russ.).
5. Vodop'yanova N.A. Filosofiya reklamy v kontekste sotsiogumanitarnogo znaniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2009. № 5, pp. 146-149 (In Russ.).
6. Dergacheva I.V. Bobok Fedora Dostoevskogo i Ubik Filipa Dika: mistika inobytiya // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. № 2, pp. 515-532. DOI: 10.15826/qr.2021.2.593 (In Russ.).
7. Kotler F. Osnovy marketinga [Marketing Essentials] / per. na russkii yazyk V.B. Bobrova. 1990. Moscow: Progress. 651 p. (In Russ.).
8. Mironov V.V. Kommunikativnoe prostranstvo kak faktor transformatsii sovremennoi kul'tury i filosofii // Voprosy filosofii. 2006, pp. 27-43 (In Russ.).
9. Muradyan A.A. Political Discourse Through Literary Quotations [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 4, pp. 99-106. DOI: 10.17759/langt.2020070408 (In Russ.).
10. Nikolaishvili G.G. Sotsial'naya reklama: teoriya i praktika. Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. 2008. Moscow: Aspekt Press. 191 p. (In Russ.).
11. Pyadysheva T.G. Tsennosti obshchestva cherez prizmu sotsial'noi reklamy // Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy. 2013. № 1, pp. 56-61 (In Russ.).
12. Simonova S.A., Averyushkin A.N. K voprosu ob estetizatsii sovremennoi kul'tury // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2022. Tom 24. № 85, pp. 73-77. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-73-77 (In Russ.).
13. Uraleva E.E. Aksiologicheskii potentsial sovremennoi rossiiskoi reklamy: avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk. 2011. Tambov. 23 p. (In Russ.).
14. Uchenova V.V. Filosofiya reklamy. 2003. Moscow: Gella-print. 208 p. (In Russ.).
15. Uchenova V.V., Starykh N.V. Istoriya reklamy, ili Metamorfozy reklamnogo obraza. 1999. Moscow: Yuniti-Dana. 366 p. (In Russ.).

Асташина М.С.
Аксиологические ориентиры в социальной рекламе
для российской молодежи
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 5–13.

Astashina M.S.
Axiological Reference Points in Social Advertising for
Russian Youth
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 5–13.

16. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. Slovarnaya stat'ya «Massovaya kommunikatsiya» [Elektronnyi resurs] / gl. redaktsiya: L.F. P'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. 1983. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Available at: http://endic.ru/enc_philosophy/Massovaya-kommunikaciya-3826.html (Accessed: 27.03.2023) (In Russ.).*

Информация об авторах

Асташина Мария Сергеевна, аспирант, преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

Information about the authors

Maria S. Astashina, PhD student, Lecturer, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1673-3271>, e-mail: astashinams@mgppu.ru

Получена 01.06.2023

Received 01.06.2023

Принята в печать 15.06.2023

Accepted 15.06.2023

Влияние контекстов на формирование словарных значений лексем

Кобылко Я.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0868-4772>, e-mail: kobylko-ya@rudn.ru

Козловская Е.С.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6308-725X>, e-mail: elaguaverde@yandex.ru

Целью статьи является выявление и изучение контекстуальных значений слов, появляющихся в публицистических текстах и отражающих перемены в общественном сознании, которые могут повлиять или повлияли на их словарные значения. Материалом для настоящей работы были выбраны толковые словари русского языка и современные русскоязычные публицистические тексты, включая тексты из сети Интернет. На данном материале применяется контекстуальный анализ для аксиологически окрашенных слов, дополняющихся созначениями, не зафиксированными в толковых словарях, а также для слов, которые значительно изменили свои лексические значения и нашли свои отражения в словарных дефинициях — что, в свою очередь, доказывает правомерность выдвинутой гипотезы о том, что прогностичность является неотъемлемым свойством публицистического текста. Анализ показал, что прежде чем семантические сдвиги слов могут быть либо были зафиксированы в толковых словарях, они, в первую очередь, многократно контекстуально воспроизводятся в текстах публицистического стиля. Исследование контекстуальных значений аксиологически окрашенных слов позволило выявить трансформации, происходящие в системе общественной этики, которые могут повлиять на формирование лексикографических дефиниций. Результаты предложенного в статье контекстуального анализа вносят вклад в уточнение семантики слов и разработке современных словарных дефиниций.

Ключевые слова: изменение в общественном сознании, контекстуальное значение слова, прогностичность публицистического текста, словарное значение слова.

Для цитаты: Кобылко Я., Козловская Е.С. Влияние контекстов на формирование словарных значений лексем [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 14–27. DOI:10.17759/langt.2023100202

Influence of Contexts on the Formation of Lexical Definitions

Jaroslav Kobylko

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-0868-4772, e-mail: kobylko-ya@rudn.ru

Ekaterina S. Kozlovskaya

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-6308-725X, e-mail: elaguaverde@yandex.ru

The aim of the article is identification and study of contextual meanings of words appearing in journalistic texts reflecting changes in public consciousness that have affected their dictionary meanings. The material for this work was selected dictionaries of the Russian language and modern Russian-language journalistic texts, including texts from the Internet. This material uses contextual analysis for words that are supplemented with meanings at the moment, or have already significantly changed their lexical meanings, which in turn proves the validity of the hypothesis that prognosticality is an integral property of a journalistic text. The analysis showed that before semantic shifts of words are recorded in dictionaries, they are, first of all, repeatedly contextually reproduced in journalistic style texts. The study of the contextual meanings of axiologically colored words revealed the transformations taking place in the system of social ethics.

Keywords: change in public consciousness, contextual meaning of a word, prognosticality of a journalistic text, dictionary meaning of a word.

For citation: Kobylko J., Kozlovskaya E.S. Influence of Contexts on the Formation of Lexical Definitions. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 14–27. DOI:10.17759/langt.2023100202 (In Russ.).

Введение

В статье представлен анализ контекстуальных значений слов, появляющихся в публицистических текстах, на значения которых повлияли изменения условий жизни общества. Такие изменения сначала отражаются в контекстуальных значениях, становятся устойчивыми и только потом находят свое отражение в толковых словарях. Исследование контекстуальных значений аксиологически окрашенных слов позволяет выявить трансформации, происходящие в системе общественной этики. Данные значения многократно воспроизводятся в современных публицистических текстах, но в толковых словарях еще не зафиксированы. Фиксация общественного сознания, по мнению авторов, главным образом, происходит в текстах публицистического стиля, поскольку тексты, относящиеся к иным функциональным стилям, создаются для решения других задач, ограниченных соответствующими сферами общения. Вне зависимости от исторической эпохи и особенностей общественно-политического строя, в публицистических текстах фиксируются не только изменения уже произошедшие в общественном сознании, но и происходящие непосредственно в настоящий момент. В статье доказывается, что возможное расширение лексикографического описания слов напрямую связано с переменами, происходящими в общественном сознании. В настоящий момент наблюдать эти изменения

можно по таким контекстуальным значениям слов, которые являются общеупотребительными в публицистических текстах, но отсутствуют в словарях. Изучение контекстуальных значений слов в публицистических текстах позволяет определить вектор, в направлении которого будут происходить преобразования в общественном сознании, что в особенности справедливо для аксиологически маркированных слов.

«Соотношение функциональных стилей меняется вместе с изменением политической, социальной или культурной ситуации в обществе. В годы Советской власти государство <...> обращается к публицистическим средствам воздействия на “адресата”» [5, с. 257]. Эта тенденция со временем охватывала самые разные сферы общественной жизни и сохранилась в русском языке до настоящего времени. В современном мире социальные сети приобрели такое же доверие аудитории, каким раньше обладали традиционные СМИ — телевидение, радио и пресса. Социальные сети дают возможность не только воспринимать информацию, но и принимать участие в ее обсуждении, во многих комментариях, вне зависимости от обсуждаемого вопроса, прослеживается тенденция выдерживать высказывание в рамках публицистического стиля [7, с. 57]. Причина этого, возможно, заключается в том, что зачастую комментаторы стремятся доказательно убедить аудиторию в своей точке зрения, а убеждение является одной из главных функций публицистического стиля [20]. Также правомерной представляется идея о том, что большинством носителей русского языка публицистический стиль воспринимается как маркер осведомленности, что может быть обусловлено существовавшим ранее в СССР доверием к СМИ, и до сих пор этот стиль инерционно воспринимается как стиль речи компетентного специалиста, передающего информацию в доступной для неподготовленной аудитории форме. Следовательно, возникающие контекстуальные значения слов, появляющиеся и многократно воспроизводимые в современных публицистических текстах, воспринимаются аудиторией как достоверные. Выявление и изучение контекстуальных значений слов, отражающих перемены в общественном сознании, должно позволить определить вектор, в направлении которого преобразовывалось либо будет преобразовываться общественное сознание. Именно эту особенность текстов публицистического стиля авторы называют *прогностичностью* [11, с. 180], понимая стиль как «категорию провиденциальную, не только отражающую, но и предвосхищающую изменение общественного сознания <...>» [5, с. 271]. Идея о том, что прогностичность является одним из свойств публицистического текста, стала гипотезой исследования. Это утверждение подчиняется следующей логике: были выявлены и рассмотрены слова, изменение значений которых контекстуально воспроизводится и закрепляется в публицистических текстах. Однако в толковых словарях это изменение еще не отразилось или отразилось значительно позднее как коннотация, как уже сформировавшееся «добавочное значение лексемы» [2].

Контекстуальные значения слов, отличные от словарных, возникают по двум основным причинам:

1. изменение в системе общественной этики;
2. изменение условий жизни общества.

Первая причина напрямую связана с аксиологичностью публицистического текста, поскольку убеждающая функция в нем реализуется через неизбежное обращение к этическим ценностям. Вследствие этого именно в текстах публицистического стиля сразу же фиксируются перемены, происходящие в системе общественной этики, которая и является стержнем общественного сознания: «*требования человеческого существования приводят к тому, что в оценивающем сознании постоянно появляются новые ценности, а*

другие выпадают из него. То, что сто лет назад было высоконравственным, сегодня может быть безнравственным. <...> “Пирамида” ценностей, основой которых является принадлежность к какому-нибудь народу, имеет общую основную сущность <...> Группа ценностей, объединенных в этой основной сущности, создает нравы, господствующую мораль» [21].

Рассмотрим вторую причину. Значительные перемены в условиях общественной жизни зачастую являются следствием технического прогресса, поэтому такие перемены, как правило, сопровождаются появлением новых терминов, определяющих предметы или понятия, которых ранее не существовало. Например, появление терминов *интернет*, *компьютер*, *электромобиль* связано с изобретением этих вещей.

Возникновение новых контекстуальных значений уже имеющихся слов происходит в другом случае: когда в существующем укладе общественной жизни происходят перемены, которые касаются чего-либо существовавшего ранее. В такой ситуации изобретение нового термина избыточно. Имеющееся в языке слово расширяет либо полностью меняет свое значение. Сначала эти перемены формируются контекстуально, как правило, именно в публицистических текстах, и только впоследствии фиксируются в толковых словарях.

Рассмотрим, как на практическом материале реализуются трансформации контекстуальных значений слов, обусловленные каждой из указанных причин.

Трансформации контекстуальных значений слов в публицистических текстах, обусловленные изменениями в системе общественной этики

Обращение к этическим ценностям, к общественной морали, появляется в публицистическом тексте в таких случаях, когда информационная функция этого текста превалирует над убеждающей. Использование аксиологически маркированных слов позволяет автору текста выразить свое отношение к описываемым событиям: «<...> личность автора публицистического текста — человек социальный, что обуславливает <...> социально-оценочный подход к явлениям действительности» [20].

В прошлом, в зависимости от исторического этапа мораль российского общества определялась господствующей политической идеологией, которая в некоторые исторические периоды опиралась на религиозные нормы. В настоящее время бытует представление, что единого свода моральных правил не существует. Этические нормы, на которые ориентируется отдельный человек, либо небольшая группа людей, определяются различными факторами, включающими религиозную принадлежность, уровень полученного образования, семейного воспитания и множество других.

Отсутствие единых моральных норм должно находить свое отражение в публицистических текстах, где этические ценности могут интерпретироваться по-разному. Исходя из того, что этическая ценность, не имеющая единой, однозначно понимаемой всеми трактовки, ценностью не является, то нормы современной морали представляются многозначными, размытыми. Вследствие этого изучение контекстуальных значений этических категорий в современных публицистических текстах представляет особый интерес, так как позволяет выявить вектор, определяющий ценностные ориентиры современного российского общества.

В качестве примера обратимся к существующим в языке, но не зафиксированным в современных толковых словарях этическим понятиям *гражданский брак*, *гражданская жена*, *гражданский муж*, определения которых можно выявить, главным образом, с помощью изучения контекстуальных значений в публицистических текстах (См. напр.

Национальный корпус русского языка).

Для начала обратим внимание на нейтральную дефиницию слова *брак* в толковом словаре русского языка 1935 года:

«1. **Сожительство супругов**, совокупность бытовых и правовых отношений, связывающих мужа и жену» [19].

В современном толковом словаре Т.Ф. Ефремовой слово *брак* расширяет свое значение и в первую очередь включает составляющую религиозных ценностей общества:

«1. **Венчание как одно из семи христианских таинств**, в процессе которого союз жениха и невесты благословляется священником специальным церковным обрядом. 2. Семейный союз мужчины и женщины; супружество» [13].

Понятия *гражданский брак*, *гражданская жена*, *гражданский муж* в толковых словарях не зафиксированы, но широко используются в публицистических текстах, контекстуальные значения которых уже отражают изменения в системе общественной этики.

Рассмотрим контекстуальные значения понятия *гражданский брак*:

– «С инициативой приравнять **гражданский брак** к официальному <...> Большой общественный **резонанс** вызвало предложение приравнять **сожительство** к официальному браку. Сенатор <...> **раскритиковала** инициативу. - Такие **инициативы** - это **вредительство**. - **Фактический брак** очень **неустойчивый**, порождает много **семейно-правовых споров**» [16].

Выведенные контекстуальные значения:

гражданский брак — ‘это сожительство’, — ‘это то, что вызывает общественный резонанс’, — ‘это то, что предлагают’, — ‘это инициатива’, — ‘это то, что критикуют’, — ‘это вредительство’, — ‘это фактический брак’, — ‘это то, что очень неустойчиво’, — ‘это семейно-правовой спор’

– «Почему на встречи с заключенными пускают только близких родственников? <...> гражданская жена приехала на встречу. Оказалось, что видеться с ним может только мама. Гражданской супруге (сожительнице) разрешение не дали. <...> гражданская жена относится к категории «иные лица», если обращаться к формулировке статьи всегда <...> на свидания пускают только близких. Для гражданских жен (сожительниц) такая возможность появится позже» [3].

Выведенные контекстуальные значения:

гражданская жена — ‘это сожительница’, — ‘это тот, кто не является близким родственником’, — ‘это категория «иные лица»’

– «Женщина живет в особняке, который был оформлен на гражданского мужа. С ней живут дети, старший из них от первого брака, а другие были рождены в союзе с гражданским мужем. Но эта так называемая совместная жизнь только поначалу была идиллией» [12].

Выведенные контекстуальные значения:

гражданский муж — ‘это тот, кто живет в союзе, ‘в так называемой совместной жизни’

Из выявленных контекстуальных значений понятие *гражданский брак* приравнивается ‘сожительству’. Слово *сожитель* в словарях:

«1. Лицо, живущее с кем-нибудь вместе, в одной комнате. 2. Лицо, находящееся с кем-нибудь (с какой-нибудь женщиной) во внебрачной половой связи (устар.). | Супруг, муж

(устар.)» [19].

«1. Тот, кто живет вместе с кем-либо в одной комнате, квартире. 2. разг. Супруг, муж. || Мужчина, находящийся во внебрачной связи с какой-либо женщиной; любовник» [13].

Словарные значения для слова *сожитель* отражают контекстуальные значения, выведенные из публицистических текстов, такие как: — ‘это совместная жизнь’, — ‘это союз’, — ‘это тот, кто не является близким родственником’.

Все чаще в публицистических текстах для *гражданского брака* отражаются противоположные от ‘*сожительства*’ контекстуальные значения, например:

– «Помогите решить проблему»: почему **гражданскую жену** <...> не допускали на свидание с осужденным. <...> **Невестке** все же разрешили повидаться с **супругом**. <...> Считаю, что Настя тоже имеет право повидаться с **мужем**, она уже приезжала, виделась с ним» [3].

Выведенные контекстуальные значения:

гражданская жена: — ‘это невестка’, — ‘это тот, у кого есть супруг’, — ‘это тот, у кого есть муж’

– «Глава <...> взял на контроль проверку в отношении сибирячки и ее любовника, которых обвиняют в убийстве ее **мужа**. <...> мужчина (муж — *примечание авторов*) пропал, когда поехал на встречу к **любовнику своей гражданской жены**. <...> Родные обвиняют бывшую **сноху** и ее любовника» [10].

Выведенные контекстуальные значения:

гражданская жена — ‘это та, у кого есть муж’, — ‘это сноха’, — это тот, у кого может быть любовник’

– «<...> прожили в **гражданском браке** более 15-и лет. **Вдова** не дала денег на его похороны» [12].

Выведенные контекстуальные значения:

Гражданский брак — ‘это брак, в котором после смерти мужа жена становится вдовой’

Для выявленных из публицистических текстов контекстуальных значений: — ‘это тот, у кого есть муж’, — ‘это тот, у кого есть супруг’, — ‘это невестка’, — ‘это сноха’, ‘это вдова’, в современном толковом словаре находим следующие определения:

Муж — «1. Мужчина по отношению к женщине, состоящей с ним в браке; супруг».

Супруги — «1. муж и жена» [13].

Невестка — «1. Замужняя женщина по отношению к родным ее мужа: отцу, матери, братьям, сестрам, женам братьев и мужьям сестер».

Сноха — это «1. Жена сына».

Вдова — «1. Женщина, у которой умер муж» [13].

Контекстуальные значения, выведенные из публицистических текстов для понятий *гражданский брак*, *гражданская жена*, *гражданский муж*, указывают на размытие толкования этих понятий. Тем не менее, современное стремление назвать *сожительство* гражданским *браком*, сожительницу гражданской *женой* и сожителя гражданским *мужем* указывает на то, что моральные нормы в обществе стремятся к традиционным. Таким образом, исследование контекстуальных значений аксиологически маркированных слов в публицистических текстах позволяет выявить современное состояние общественного сознания и оценить действующие в нем этические нормы, которые могут повлиять на

формирование лексических значений.

Трансформации контекстуальных значений слов в публицистических текстах, обусловленные изменением условий жизни общества

В известных толковых словарях русского языка начала XX века лексема *зеленый* фиксируется как имя прилагательное со значением цвета. Впервые оно появляется как субстантивированное имя существительное в виде примечания для дефиниции имени прилагательного *зеленый* в толковом словаре С.И. Ожегова (1986), именно как бытующее контекстуальное значение: «Движение «зеленых» — демократическое движение, один из основных принципов которого борьба за гармонию человека с природой, за сохранение окружающей среды» [18].

В современных словарях значение «Участники общественного движения защиты окружающей среды» [13] для субстантивированного имени существительного *зеленые* фиксируется уже как коннотация, а не отмечается как значение контекстуальное, не являющееся нормативным.

В современном русском языке *зелеными* называют *экологических активистов*. Контекстуально это значение поддерживается и воспроизводится в современных публицистических текстах:

Таблица 1

Контекстуальные значения лексемы *зеленые* в значении *активисты*

Контекст	Контекстуальное значение
– «<...> действия «зеленых» по защите природы продиктованы интересами <...>. Экоактивисты пытались завершить проект» [14].	зеленые — <i>‘те, кто защищают природу’</i> зеленые — <i>‘это экоактивисты’</i>
— «<...> «зеленые» вломились в помещения Volkswagen <...>. Активисты действовали бесшумно <...>» [25].	зеленые — <i>‘это активисты’</i>
– «Против АЭС протестовали «Гринпис» и местные «зеленые»» [24].	зеленые — <i>‘те, кто протестуют против АЭС’</i>

Необходимость использования специального обозначения для *экоактивистов* связана с повышением значимости экологических проблем в обществе. Экология как наука появилась в середине XIX века и стала активно развиваться. Распространение информации об экологических проблемах способствовало тому, что все большее число людей участвовало в их решении, не являясь профессиональными учеными-экологами. Для обозначения людей, поддерживающих экологическое движение, нового слова не появилось. Существующее ранее имя прилагательное *зеленый* субстантивировалось и сейчас используется как имя существительное, отражающее факт действительности, но не имеющее этической оценки [1, с. 110].

Такой же процесс наблюдается при появлении еще одной коннотации для лексемы *зеленые*: название валюты — *доллары*:

Таблица 2

Контекстуальные значения лексемы *зеленые* в значении *доллары*

Контекст	Контекстуальное значение
– «<...> 30 лет с зеленым другом — долларом» [23].	зеленые — ‘это доллары’
— «Инфляция не тронет доллара, на зеленую валюту ничего не повлияет <...>» [26].	зеленые — ‘это доллары’ зеленые — ‘это валюта’
– «Рубль, как и всякая иная — иностранная и самая что ни есть «зеленая» — валюта, всеобщим эквивалентом товаров не является» [14].	зеленые — ‘это валюта’

Появление указанных контекстуальных значений напрямую связано с изменениями условий общественной жизни. Когда в России в конце XX века доллары вошли в свободное обращение, для их обозначения стало использоваться слово *зеленый*, синонимичное английскому *green*, что в свою очередь возникло из-за оформления американских долларов в темно-зеленых оттенках.

Сравним дефиниции слова *зеленый* в толковых словарях разных лет:

1) Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова (1935):

- как имя прилагательное:

Зеленый — «Цвета зелени, травы, листвы (обозначение одного из семи цветов солнечного спектра). Зеленая трава. Зеленая волна. Зеленый переплет. Зеленая крыша. Сукно зеленого цвета» [19].

В словаре 1935 года значение слова *зеленые* как *экоактивисты* отсутствует.

2) Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова (1986):

- как имя прилагательное с примечанием в виде бытующего контекстуального значения:

Зеленый — «1. Цвета травы, листвы. 3. свет (в светофоре: разрешающий движение). 3. огонек (фонарик, горящий за стеклом незанятого такси). 3. чай (сорт чая). 2. О цвете лица: бледный, землистого оттенка (разг.). 3. Относящийся к растительности; состоящий, сделанный из зелени (во 2 и 3 знач.). 4. О плодах: незрелый. Зеленые помидоры. 5. перен. Неопытный по молодости (разг.). б. Движение «зеленых» демократическое движение, один из основных принципов к-рого борьба за гармонию человека с природой, за сохранение окружающей среды» [18].

В словаре 1986 года для субстантивированного имени существительного *зеленый* можно наблюдать появление коннотации *экоактивисты*, но только в качестве значения, существующего контекстуально.

- как имя существительное:

Зеленый — «(разг.). Доллар США. Расплатиться зелеными» [18].

Появление в словаре значения слова *зеленый* в разговорной речи как название *валюты* также связано с изменениями условий жизни общества.

3) Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой (2000):

- как имя существительное:

Зеленые — «1. Участники общественного движения защиты окружающей среды. 2. разг. Доллары» [13].

В современном словаре 2000 года имя существительное *зеленые* уже толкуется отдельной

словарной статьей с выстроенной дефиницией.

Анализ словарных дефиниций доказывает, что характер трансформации значения слова *зеленые* был прагматическим: перемены в значении стали следствием изменений, происходивших в общественной жизни.

Другим примером может послужить слово *абитуриент*, привычно воспринимающееся в настоящее время как обозначение человека, который собирается поступать в какое-либо учебное заведение, ранее же имело другое значение.

Абитуриент — слово латинского происхождения (лат. *abiturus*), в буквальном переводе означало ‘тот, который должен уйти’. Согласно этимологическому словарю, в русский язык это слово пришло в XIX в., от нем. *abiturient* — это “сдающий выпускные экзамены” [22]. В самом известном толковом словаре русского языка XIX века В.И. Даля это слово отсутствует. Оно впервые появляется в толковом словаре Д.Н. Ушакова 1935-1940 гг., в котором дефиниция *абитуриент* определена как «учащийся среднего учебного заведения, который держит выпускные экзамены» [19]. Именно такое значение фиксируется в толковых словарях русского языка вплоть до пятидесятых годов XX века как единственно существующее. В СССР с конца пятидесятых годов термин *абитуриент* начинает приобретать дополнительное смысловое значение — поступающий в учебное заведение [4].

Изменения в семантике стали следствием изменений в жизни российского общества. В начале XX века, окончив школу, выпускники начинали свою трудовую деятельность. Позже производство технически усложнялось во многих сферах общественной деятельности, что, в свою очередь, потребовало более серьезной образовательной подготовки кадров. Ценность высококвалифицированных специалистов на рынке труда повышалась, поэтому окончание школы становилось только первой ступенью в получении образования, необходимого для дальнейшей работы. По этой причине слово *абитуриент* постепенно приобретало дополнительное значение: ‘человек, поступающий в учебное заведение после окончания школы’. Это значение долгое время оставалось контекстуальным, так как оно появляется в толковом словаре только в восьмидесятых годах XX века.

В современном русском языке *абитуриентом* называют человека, который хочет поступить и продолжить образование. Человека, оканчивающего школу, называют *выпускником*. Несмотря на то, что дефиниция *абитуриент* в современных толковых словарях сохраняет значение ‘выпускник школы’ с пометкой устаревшего, контекстуально это значение не поддерживается и не воспроизводится в современных публицистических текстах:

Таблица 3

Контекстуальные значения слова *абитуриент* в современных публицистических текстах

Контекст	Контекстуальное значение
– «<...> абитуриенты смогут на основе ЕГЭ подать вступительные документы » [17].	абитуриент — ‘тот, кто сможет подать вступительные документы’
— «<...> абитуриенты признались, что им хватило школьных знаний для поступления в вуз » [6].	абитуриент — человек, которому ‘хватило школьных знаний для поступления в вуз’
– « По целевому направлению от ЦГБ (Центральной городской больницы —	абитуриент — ‘тот, кто поступает в вуз по целевому направлению’

примечание авторов) поступали четверо абитуриентов» [15].

Если сравнить значения слова *абитуриент* в толковых словарях разных лет, можно увидеть, что семантика внутренней динамики этого слова с течением времени изменила свое значение практически на противоположное, отражающееся в контекстуальных значениях:

ранее: абитуриент — ‘*тот, который уходит из среднего учебного заведения*’

сейчас: абитуриент — ‘*тот, который приходит поступать учиться в высшее или среднее учебное заведение*’

Таблица 4

Сравнение значений дефиниций слова *абитуриент* в толковых словарях разных лет

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова 1935	Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова 1986	Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой 2000
«Учащийся среднего учебного заведения, который держит выпускные экзамены»	«1. Выпускник средней школы (устар.). 2. Человек, поступающий в вуз»	«1. Тот, кто поступает в высшее или среднее специальное учебное заведение. 2. устар. Выпускник средней школы»

Дефиниция слова *абитуриент*, подчиняясь изменениям в системе образования, трансформировала свое значение с «*учащегося среднего учебного заведения, который держит выпускные экзамены*», [19] на «*того, кто поступает в высшее или среднее специальное учебное заведение*» [13].

Прежде, чем быть зафиксированной в толковых словарях, трансформация лексемы *абитуриент* формировалась в контекстуальных значениях в публицистических текстах, одновременно отражающих и формирующих информационное пространство общества. Это доказывает, что характер трансформации значения слова *абитуриент* был прагматическим: перемены в значении стали следствием изменений, происходивших в общественной жизни.

Примером трансформации контекстуальных значений слов, вызванными изменениями в условиях жизни, также может служить слово *санкция* с архаичным словарным значением «1. **Признание** законности какого-нибудь явления, **утверждение** чего-нибудь высшей инстанцией (юр.). 2. перен. **Одобрение** (книж.). 3. **Условие, обеспечивающее выполнение** закона, договора (юр.)» [19]. Из-за изменений в общественно-политической ситуации слово *санкция* приобрело коннотацию с противоположным смыслом — ‘*наказание*’ [9, с. 353], что нашло свое отражение в современных словарных дефинициях: «**Мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор**» [13].

Прежде, чем быть зафиксированными в толковых словарях, трансформации значений лексем формировались в контекстах публицистических текстов, одновременно отражающих и формирующих информационное пространство общества.

Заключение

В результате проведенного исследования была доказана правомерность выдвинутой гипотезы, сущность которой заключалась в том, что прогностичность является

неотъемлемым свойством публицистического текста: изучение контекстуальных значений слов в текстах публицистического стиля позволяет оценить состояние общественного сознания и выявить вектор происходящих в нем перемен.

Изучение многократно воспроизводимых контекстуальных значений слов в современных публицистических текстах дает возможность уточнить и дополнить известные толкования слов, что в дальнейшем открывает возможность для дополнения соответствующих словарных дефиниций в толковых словарях.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 1999. М.: Языки русской культуры. 896 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 1969. М.: Советская энциклопедия. С. 198.
3. «Блокнот» [Электронный ресурс]. URL: <https://bloknot-shakhty.ru/news/pomogite-reshit-problemu-rochemu-grazhdanskiyu-zhe> (дата обращения: 14.12.2022).
4. Большая советская энциклопедия [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. Издание 3-е. 1969-1978. М.: Сов. энцикл.
5. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. 2016. М.: Издательский дом ЯКС. 440 с.
6. «Время» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vremyan.ru/news/> (дата обращения: 14.12.2022).
7. Иванова М.В. Публицистика в истории русского литературного языка // Сборник научных трудов «Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации». 2017. Т. 1. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. С. 54-58.
8. Киров Е.Ф. Значение слова в модели понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 761-774. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774.
9. Кобылко Я., Муслех Хусам А.Р. Стратегия убеждения, формирующая семантические значения политологической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6. Тамбов: Грамота. С. 352-355. DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-2.33.
10. «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/4548869/> (дата обращения: 14.12.2022).
11. Козловская Е.С., Кобылко Я., Медведев Е.Ю. Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. М.: РУДН. Т. 23. №. 1. С. 165-184. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184.
12. «МК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/12/12/mnogodetnaya-zhenshhina-tainstvenno-ischezla-iz-elitnogo-posyolka-pod-istroy.html> (дата обращения: 14.12.2022).
13. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т.Ф. Ефремовой. 2000. М.: Русский язык.
14. «Новые известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/article/general/02-03-2021/> (дата обращения: 08.01.2023).
15. «Новый Качканар» [Электронный ресурс]. URL: <https://новыйкачканар.рф> (дата обращения: 14.12.2022).
16. «Прокопьевск» [Электронный ресурс]. URL: <https://prokopievsk.ru/news/obschestvo> (дата

обращения: 14.12.2022).

17. «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2010/5703da8b9a79470ab5021176> (дата обращения: 14.12.2022).

18. Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. Издание 18-е. 1986. М.: Русский язык. 797 с.

19. Словарь 1935-1940 — Толковый словарь русского языка (в 4 т.) / под ред. Д.Н. Ушакова. 1935-1940. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов.

20. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. 2003. М.: Флинта: Наука. 696 с.

21. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.А. Губского. 2003. М.: «Инфра — М». 576 с.

22. Этимологический словарь русского языка / под ред. Г.А. Крылова. 2005. СПб.: ООО «Полиграфсервис». 432 с.

23. «Finversia» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finversia.ru/publication/experts/> (дата обращения: 08.01.2023).

24. «Obzor» [Электронный ресурс]. URL: <https://obzor.lt/news/n73872.html> (дата обращения: 08.01.2023).

25. «Quoto» [Электронный ресурс]. URL: <https://quto.ru/journal/news/smeshnye-i-strannye> (дата обращения: 08.01.2023).

26. «Vesti» [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.ua/business/economics/> (дата обращения: 08.01.2023).

References

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. 1999. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 896 p. (In Russ.).

2. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 1969. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 198. (In Russ.).

3. «Bloknot» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://bloknot-shakhty.ru/news/pomogite-reshit-problemu-pochemu-grazhdanskuyu-zhe> (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

4. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [v 30 t.] / gl. red. A. M. Prokhorov. Izdanie 3-e. 1969-1978. Moscow: Sov. entsikl. (In Russ.).

5. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskii S.Yu., Rybakov M.A. Sistemnyi vzglyad kak osnova filologicheskoi mysli. 2016. Moscow: Izdatel'skii dom YaKS. 440 p. (In Russ.).

6. «Vremya» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.vremyan.ru/news/> (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

7. Ivanova M.V. Publitsistika v istorii russkogo literaturnogo yazyka // Sbornik nauchnykh trudov «Chelovek v informatsionnom prostranstve: ponimanie v kommunikatsii». 2017. T. 1. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo, pp. 54-58 (In Russ.).

8. Kirov E.F. Znachenie slova v modeli ponimaniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2019. T. 10. № 4, pp. 761-774. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774 (In Russ.).

9. Kobylko Ya., Muslekh Khusam A.R. Strategiya ubezhdeniya, formiruyushchaya semanticheskie znacheniya politologicheskoi terminologii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 6. Tambov: Gramota, pp. 352-355. DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-2.33 (In Russ.).

10. «Komsomol'skaya pravda» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://>

www.nsk.kp.ru/online/news/4548869/ (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

11. Kozlovskaya E.S., Kobylko Ya., Medvedev E.Yu. Smysloformiruyushchaya funktsiya konteksta v publitsisticheskikh tekstakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 2019. Moscow: RUDN. T. 23. №. 1, pp. 165-184. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184 (In Russ.).

12. «МК» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.mk.ru/incident/2021/12/12/mnogodetnaya-zhenshhina-tainstvenno-ischezla-iz-elitnogo-posyolka-pod-istroy.html> (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

13. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi / pod red. T.F. Efremovoi. 2000. Moscow: Russkii yazyk (In Russ.).

14. «Novye izvestiya» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://newizv.ru/article/general/02-03-2021/> (Accessed: 08.01.2023) (In Russ.).

15. «Novyi Kachkanar» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://novyikachkanar.rf> (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

16. «Prokop'evsk» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://prokopievsk.ru/news/obschestvo> (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

17. «RBK» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2010/5703da8b9a79470ab5021176> (Accessed: 14.12.2022) (In Russ.).

18. Slovar' russkogo yazyka / pod red. S.I. Ozhegova. Izdanie 18-e. 1986. Moscow: Russkii yazyk. 797 p. (In Russ.).

19. Slovar' 1935-1940 — Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (v 4 t.) / pod red. D.N. Ushakova. 1935-1940. Moscow: Gos. in-t «Sov. entsikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. (In Russ.).

20. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. M.N. Kozhinoi; chleny redkollegii: E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova, A.P. Skovorodnikov. 2003. Moscow: Flinta: Nauka. 696 p. (In Russ.).

21. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' / pod red. E.A. Gubskogo. 2003. Moscow: «Infra — M». 576 p. (In Russ.).

22. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. G.A. Krylova. 2005. Saint Petersburg: ООО «Poligrafuslugi». 432 p. (In Russ.).

23. «Finversia» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.finversia.ru/publication/experts/> (Accessed: 08.01.2023) (In Russ.).

24. «Obzor» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://obzor.lt/news/n73872.html> (Accessed: 08.01.2023) (In Russ.).

25. «Quoto» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://quto.ru/journal/news/smeshnye-i-strannye> (Accessed: 08.01.2023) (In Russ.).

26. «Vesti» [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://vesti.ua/business/economics/> (Accessed: 08.01.2023) (In Russ.).

Информация об авторах

Кобылко Ярослав, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2 подготовительного факультета института русского языка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0868-4772>, e-mail: kobylko-ya@rudn.ru

Козловская Екатерина Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 5 института русского языка, Российский университет дружбы народов

Кобылко Я., Козловская Е.С.
Влияние контекстов на формирование словарных
значений лексем
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 14–27.

Kobylko J., Kozlovskaya E.S.
Influence of Contexts on the Formation of Lexical
Definitions
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 14–27.

имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-6308-725X>, e-mail: elaguaverde@yandex.ru

Information about the authors

Jaroslav Kobylko, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of the Russian Language no. 2 of the Preparatory Faculty of the Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0868-4772>, e-mail: kobylko-ya@rudn.ru

Ekaterina S. Kozlovskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language no. 5 of the Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6308-725X>, e-mail: elaguaverde@yandex.ru

Получена 01.06.2023
Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023
Accepted 15.06.2023

Морфологический портрет имени прилагательного аварского языка

Маллаева З.М.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4303-6663>, e-mail: logika55@mail.ru

В статье исследуются актуальные не только для дагестановедения, но и для общего языкознания, неоднозначно трактуемые в лингвистической литературе вопросы выделения притяжательных прилагательных как самостоятельного разряда слов в дагестанских языках. Исследуются также вопросы реализации грамматических категорий в структуре имен прилагательных аварского языка, не нашедшие должного освещения в авароведении. Рассматриваются активно дискутируемые в кавказоведении вопросы грамматического статуса генитивных форм имени, функционирующих в атрибутивной функции. Определяется грамматический статус сравнительных конструкций, образованных на основе традиционных устойчивых сравнений, квалифицируемых в научной литературе то как сложные прилагательные, то как фразеологизмы. Отмечается возможность реализации посессивных отношений не только именем существительным в форме родительного падежа, но и именем существительным в форме номинатива. Наряду с описательным методом в статье применяется сравнительно-типологический метод. Для сравнения и типологического анализа привлекается материал родственных дагестанских языков. Часть иллюстративного материала впервые вводится в научный оборот. Полученные результаты позволяют говорить о том, что в аварском языке, в отличие от большинства родственных дагестанских языков, наряду с генитивными формами имени в атрибутивной функции, представлены морфологически оформленные притяжательные прилагательные.

Ключевые слова: аварский язык, имя прилагательное, посессивные отношения, грамматический статус.

Для цитаты: Маллаева З.М. Морфологический портрет имени прилагательного аварского языка [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 28–37. DOI:10.17759/langt.2023100203

Morphological Analysis of the Adjective of the Avar Language

Zulaikhat M. Mallaeva

Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4303-6663>, e-mail: logika55@mail.ru

The article examines the topical issues of distinguishing possessive adjectives as an independent category of words in the Dagestan languages, which are relevant not only for Dagestan studies, but also for general language studies and are ambiguously interpreted in the linguistic literature. The study investigates the implementation of grammatical categories in the structure of the Avar adjectives, which have not found adequate coverage in the Avar studies. This paper considers the issues of the grammatical status of genitive forms of the name, functioning in the attributive form, which are being actively discussed in Caucasian studies. In this research we also determine the grammatical status of comparative constructions formed on the basis of traditional persistent comparisons, qualified in the scientific literature as either compound adjectives or phraseological expressions. It is noted the possibility of realization of possessive relations not only by a noun in the genitive case, but also by a noun in the nominative form. Along with the descriptive method, the article applies the comparative-typological method. For the purpose of comparison and typological analysis the material of related Dagestan languages is used. A number of illustrative materials are introduced into scientific usage for the first time. The obtained results suggest that in the Avar language, in contrast to most related Dagestan languages, along with genitive forms of name in the attributive function morphologically formed possessive adjectives are presented.

Keywords: Avar language, adjective, possessive relations, grammatical status.

For citation: Mallaeva Z.M. Morphological Analysis of the Adjective of the Avar Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 28–37. DOI:10.17759/langt.2023100203 (In Russ.).

Введение

В статье содержится интегральное описание всех морфологических характеристик имени прилагательного аварского языка. Ряд из них носит спорный характер и активно дискутируется в лингвистической литературе по дагестановедению. Суть такого описания языковой единицы состоит в том, чтобы дать всестороннюю характеристику «*всех лингвистически существенных свойств лексемы, выполненную в рамках интегрального описания языка*» [2, с. 303-304].

Прилагательное в аварском языке отличается от других частей речи нивелированностью своих форм по многочисленным диалектам и говорам аварского языка. Частеречный формант прилагательного *-а-КЧП* (классно-числовой показатель) неизменно представлен во всех говорах и диалектах аварского языка.

В аварском языке, исходя из семантики и структурной организации, можно выделить три разряда прилагательных: качественные, относительные и притяжательные, вопреки

принятому в авароведении мнению о наличии в аварском языке двух разрядов прилагательных — качественных и относительных.

Качественные прилагательные, как правило, входят в основной словарный фонд, являются непроеизводными и по своей семантике обозначают такое качество или признак предмета, который в той ли иной степени выражен в этом предмете. Это может быть признак предмета или явления по следующим параметрам:

1) по форме: *гургинаб* «круглый», *битIараб* «прямой», *лъаббокIонаб* «треугольный», *тIеренаб* «тонкий», *Лебаб* «широкий» и т.д.

2) по размеру или объему: *кIудияб* «большой», *гIатIидаб* «широкий», *гьитIинаб* «маленький», *халатаб* «длинный», *къокъаб* «короткий», *гьваридаб* «глубокий» и т.д.

3) по цвету: *багIараб* «красный», *чIегIераб* «черный», *гIурччинаб* «зеленый», *тIогьилаб* «желтый», *сурмияб* «коричневый», *къерукъаб* «бесцветный» и т.д.

4) по запаху: *цIуIекIаб* «кислый», *гьуьинаб* «сладкий» и т.д.

5) по вкусу: *цIуIекIаб* «кислый», *гьуьинаб* «сладкий», *къогIаб* «горький», *цIуIамхIалаб* «соленый», *тIагIамаб* «вкусный» и т.д.

6) по свойству, по физическим качествам предмета: *лъамияб* «жидкий», *тамахаб* «мягкий», *къвакIараб* «твердый», *лъедераб* «редкий» и т.д.

7) по внешним, физическим качествам людей и животных: *хIалакъаб* (чу) «худой (конь)», *къарийаб* «жирный», *азараб* «худой», *къокъав* «короткий», *виццатав* «толстый», *къуватав* «сильный» и т.д.

8) по внутренним качествам характера, по психологическому складу: *сихIурав* «хитрый», *барахшарав* «жадный», *хьантIараб* «алчный», *нахьегIанав* «подлый», *хIеренав* «добрый», *цидалав* «злой», *сахаватав* «щедрый» и т.д.

9) по весу: *бакIаб* «тяжелый», *тIадагъаб* «легкий» и т.д.

10) по звуку: *цIуIикIараб*, *кутакаб* «громкий», *сасараб*, *гIодобиччараб* «тихий» и т.д.

11) по температуре: *хинаб* «теплый», *цIуIорораб* «холодный», *бухIараб* «горячий» и т.д.

12) общей оценке: *берцинав* «красивый», *лебалав* «живой», «проворный», *тирияв* «шустрый», *кIохIалав* «ленивый», *сихIурав* «хитрый», *гIакъилав* «умный», *сурукъав* «некрасивый», *бахIарчийав* «мужественный», *басрийаб* «старый» и т.д.

13) по возрастным признакам людей или животных: *гIолохъанав* «молодой», *херав* «старый», *кIодольарав* «преклонного возраста».

Качественные прилагательные в аварском языке располагают категорией сравнения, которая выражает степень качества предмета. В структуре прилагательного аварского языка данная категория не находит морфологического выражения ни в сравнительной, ни в превосходной степенях. Анализ семантики качественных имен прилагательных с целью выделения категории, в основу которой положено понятие «степень качества», позволило выделить два типа степеней качества: абсолютный и релятивный. Релятивный (относительный) тип представлен положительной (обычной), сравнительной и превосходной степенями сравнения имен прилагательных.

Положительная степень, как известно, репрезентирует качество безотносительно к степени сравнения. Сравнительная степень указывает на наличие в объекте какого-либо качества больше, чем в другом, а превосходная степень — больше, чем во всех остальных объектах.

Абсолютный тип степени качества представлен прилагательными с семантикой ослабления степени качества и со значением усиления степени качества. В аварском языке «усиление степени качества репрезентируют, как правило, сравнительные конструкции с четко выраженным уподобительно-усилительным значением. Уподобительно-усилительные составные прилагательные этого типа возникают на базе традиционных устойчивых сравнений типа: *глазуглан хъахIаб* «как снег белый», *тIурччиIан чIегIераб* «как уголь черный», *гъедугIан чIегIераб* «как ворон черный», *чиниIан хъахIаб* «как фарфор белый», *нисуIан хъахIаб* «как творог белый»; *рахъIан хъахIаб* «как молоко белый»; *чакаргIан хъахIаб* «как сахар белый», *чакаргIан гъуьинаб* «как сахар сладкий», *гъоуцIоIогIан гъуьинаб* «как мед сладкий», *загъруIан кьогIаб* «как яд горький» и т.д. [11, с. 46]. В аварском языке прилагательные уподобительно-усилительной семантики могут быть представлены и без уподобительной частицы (послелога), например: *глазухъахIаб* «как снег белый», *рахъхъахIаб* «как молоко белый», *лахIчIегIераб* «как сажа черный», *кантIогъилаб* «ярко-желтый» и т.д. Такие прилагательные Г.И. Мадиева относит к разряду сложных прилагательных [10, с. 80].

Аналогичные языковые единицы, возникшие на основе традиционных устойчивых сравнений, имеются во всех дагестанских языках. Вопрос о грамматическом статусе таких образований носит дискуссионный характер. На наличие большого количества таких сравнительных конструкций в кавказских языках, «определяемых то как сложные прилагательные, то как фразеологизмы», указывает С.М. Махмудова, отмечая, что: «Такие образования имеют широкое распространение и в рутульском языке: *йиз кал джагварды* «белый как снег», *ит кал идды* «сладкий как мед», *укъ кал шилды* «зеленый как трава», *сер кал лыхIды* «как сажа черный» ...» [12, с. 184]. С.М. Махмудова совершенно обоснованно считает «подобные образования прилагательными, так как семантика их — определение, признак, передаваемый с особым акцентом» [12, с. 184].

Подобные образования в лакском языке Д.С. Измайлова [4] и Г.А. Гасанова [4] называют производными прилагательными с семантикой сравнения и находят их семантические эквиваленты в русском языке. «В случае отсутствия основания сравнения, в существительном выдвигаются на первый план переносные значения, и семантический объем такой единицы расширяется, как и в метафоре-существительном. Ср.: *бюрни кунасса* «подобный оленю» (букв.: олень подобный); *бюрни куна ляхъсса* «олень как высокий»; *бюрни куна ххуйсса*, букв.: «олень как красивый»; *бюрни куна цIаксса*, букв.: «олень как сильный». Ср. также: *бюрни* «олень (о стройном, высоком, крепком, сильном юноше)». В русском языке переносные значения развиваются в семантической структуре прилагательных, образованных от существительных прибавлением суффиксов *-ий*, *-ин-*, *-н-*, *-ск-*, *-ов-* и др. с общим значением относительности: *лусий*, *змеиный*, *зверский*, *орлиный*, *лошадиный*, *тараканий*, *отеческий*, *монашеский*. Подобным метафорическим производным соответствуют лакские образования с *кунасса*» [4, с. 62].

Относительные прилагательные обозначают неградуированный признак, т.е. такой признак предмета, который не может быть в предмете в большей или меньшей степени. В отличие от качественных прилагательных, относительные прилагательные называют предмет не непосредственно, а через отношение к другому предмету [3, с. 21].

Относительные прилагательные не имеют краткой формы, степеней сравнения, не сочетаются с наречиями меры и степени, типа: *цIакъ* «очень», *бицун* «самый», *гIемер* «много», не могут образовывать синонимические и антонимические пары. С точки зрения деривации относительные прилагательные — это всегда производные прилагательные,

образованные от именных основ и обладающие более конкретным характером, чем качественные прилагательные, грамматический статус которых не вызывает сомнения.

Семантика относительных прилагательных зависит от семантики производящей основы. В зависимости от семантики исходного слова относительные прилагательные репрезентируют следующие значения:

1) материала, из которого создан объект: *маххул(аб)* «железный» «металлический» (*махх* «железо», «металл» → *махх-ул* — форма генитива → *махх-ул-аб* — относительное прил.); *ццлорол(аб)* «ледяной» (*ццлер* «лед» → *ццлор-ол* — форма генитива → *ццлор-ол-аб* — относительное прил.); *ганчлил(аб)* «каменный» (*гамачл* «камень», → *ганчл-ил* — форма генитива → *ганчл-ил-аб* — относительное прил.); *цлулал(аб)* «деревянный» (*цлул* «дрова, дерево» → *цлул-ал* — форма генитива → *цлул-ал-аб* — относительное прил.); *цагилл(аб)* «глиняный» (*цегл* «глина» → *цагл-ил* — форма генитива → *цагл-ил-аб* — относительное прил.) и т. д.

2) место нахождения или происхождения объекта: *глурул(аб)* «речной» (*глор* «река» → *глуру-ул* — форма генитива → *глуру-ул-аб* — относительное прил.); *галхул(аб)* «дикий» (*галлах* «глушь», «неосвоенная земля» → *галх-ул* — форма генитива → *галх-ул-аб* — относительное прил.); *районийаб* «районный» (*район* «район» → *район-ий-аб* — относительное прил.); *ватланийаб* «отечественный» (*ватлан* «родина» → *ватлан-ий-аб* — относительное прил.) и т.д. В двух последних примерах форма генитива образована по аналогии с русским языком. Как видим, заимствуется не только лексика, но и способы формообразования.

3) время: *гьоркъиссеб глазу* «прошлогодний снег», *ихдалилаб роххел* «весенняя радость», *жакъассеб чед* «сегодняшний хлеб», *цебессеб макъала* «предыдущая статья», *кидагосеб хабар* «всегдашний разговор» и т.д.

4) количество: *клитлалаяб мина* «двухэтажный дом», *ункъбоклонаб бакл* «четырёхугольный стул», *лъаббоклонаб бакл* «треугольная табуретка», *клиабилеб тлала* «второй этаж» и т.д.

5) назначение *гелмияб хлалти* «научная работа», *критикияб макъала* «критическая статья», *промышленнияб къайи* «промышленные товары», *канцеляриялъал(аб) къайи* «канцелярские товары» и т.д.

Притяжательные прилагательные образуются путем прибавления суффикса *-а-КЧП* (классно-числовой показатель) к форме родительного падежа существительного, означающего живое существо, например: *хлама* «осел» — *хламил-аб* «ослиный», *гланкI* «заяц» — *гланкIил-аб* «заячий», *цер* «лиса» — *царал-аб* «лисий», *бацI* «волк» — *бацIил-аб* «волчий» и т.д. По признанию всех авароведов, такие прилагательные в аварском языке не получили распространения. Еще в прошлом веке М.-С.Д. Саидов отмечал, что «притяжательные прилагательные в аварском языке употребляются сравнительно редко» [14, с. 749].

Мнения исследователей относительно наличия в дагестанских языках относительных и притяжательных прилагательных расходятся. Так, З.К. Тарланов считает, что «в лезгинских языках нет относительных и притяжательных прилагательных, которые хорошо представлены, например, во флективных языках, в том числе и в русском. В них роль этих прилагательных выполняет генитив, выражающий possessивные отношения и способный принимать в соответствующих синтаксических условиях тот же формант

прилагательности или призначной определенности » [15, с. 146]. Далее приводятся примеры, где генитивные формы слов выполняют функции относительных прилагательных, которые «можно было бы квалифицировать как относительные прилагательные. Но поступать таким образом нет никаких грамматических оснований: нельзя называть прилагательным падежную форму существительного, закономерно соотношенную с остальными падежными формами» [15, с. 147].

Рассматриваемые генитивные формы З.К. Тарланов предлагает рассматривать как *«адъективные дериваты генитивного падежа, выражающие посессивные отношения субстантива адъективированно.*

Выходит, таким образом, что в лезгинских языках сегмент грамматической системы, обслуживающий посессивные отношения, находится в совместном ведении двух частей речи — прилагательных и существительных. С другой стороны, сама природа посессивных отношений такова, что они могут быть представляемы и соответствующими прилагательными и соответствующими существительными» [15, с. 147].

С.М. Махмудова также отмечает, что *«прилагательные рутульского языка формально не дифференцированы на качественные и относительные» [12, с. 147]* и отмечает возможность функционирования причастных конструкций в атрибутивной функции [13].

Существительные, репрезентирующие посессивные отношения, представлены не только в лезгинских языках, но и в других дагестанских языках, и не только формами родительного падежа, но и формами номинатива. Так, И.Х. Абдуллаев [1, с. 126] не только выделяет в лакском языке целый ряд имен существительных в форме номинатива, выступающих в функции определений имени, но и полагает, что такие имена присущи и другим дагестанским языкам, в частности даргинскому и называет их *«атрибутивными существительными»*. К атрибутивным существительным И.Х. Абдуллаев относит *«используемые в качестве определений имена, не снабженные специальными атрибутивными аффиксами и вообще не принимающие таких формантов, т.е. не имеющие соотносительной оформленной основы. Обычно в качестве таких определений выступают имена существительные в форме именительного падежа. Такие определения являются названиями предметов, вещей, через соотношение с которыми характеризуются другие предметы. В качестве атрибутивного существительного могут употребляться этнические, географические, социальные названия, а также названия некоторых предметов, лиц и др.» [1, с. 126-127].* Аварский язык в этом вопросе не является исключением, здесь также представлен целый ряд имен существительных, которые в форме номинатива в препозиции к определяемому имени могут выражать посессивные отношения, например: *Гъуниб район* «Гунибский район», *Хунзахъ район* «Хунзахский район», *Совет хлукумат* «советская власть», «советское правительство», *Араб мацццI* «арабский язык», *ингилис мацццI* «английский язык» и т.д. В даргинском языке также представлены аналогичные атрибутивные существительные, например: *дарган мез* «даргинский язык», *лезги мез* «лезгинский язык», *совет хлукумат* «советская власть».

Что касается имени существительного в форме генитива, выступающего в функции относительного прилагательного, то от него путем присоединения форманта прилагательного *-а-КЧП* регулярно образуются притяжательные прилагательные, например:

маххул «железный» — *маххул-аб* «(этот), который железный»;
цццIорол «ледяной» — *цццIорол-аб* «(этот), который ледяной»;

ганчIил «каменный» — *ганчIил-аб* «(этот), который каменный»;
цIулал «деревянный» — *цIулал-аб* «(этот), который деревянный»;
цагIил «глиняный» — *цагIил-аб* «(этот), который глиняный»;
меседил «золотой» — *меседил-аб* «(этот), который золотой»;
гIарцул «серебряный» — *гIарцул-аб* «(этот), который серебряный»;
квасул «шерстяной» — *квасул-аб* «(этот), который шерстяной» и т. д.

Вопрос выделения притяжательных прилагательных как самостоятельного разряда слов в дагестанских языках достаточно дискутируемый. Так, в единственной монографии, посвященной специально исследованию имени прилагательного аварского языка, Д.Р. Гаджиева выделяет следующие разряды имен прилагательных: «а) качественные; б) относительные, относительно-притяжательные, качественно-относительные» [3, с. 23]. Этой точки зрения придерживаются и все остальные авароведы. Г.И. Мадиева также считает, что в аварском языке по своему значению имена прилагательные бывают «качественные и относительные» [10, с. 70].

Прилагательные аварского языка располагают следующими формообразовательными категориями: числа, падежа и грамматического класса. Краткие формы прилагательных (по другой терминологии — неоформленные прилагательные) не изменяются по грамматическим классам, числам и падежам. По падежам прилагательные склоняются только при самостоятельном употреблении, например:

ном. *кIудия-в вачIана* «старший пришел»;
эрг. *кIудия-с бачIана* «старший принес»;
дат. *кIудия-се босана* «старшему купил»;
ген. *кIудия-сул буго* « у старшего есть».

В качестве определений к именам существительным, т.е. в атрибутивной функции имена прилагательные в аварском языке, как и во всех дагестанских языках, по падежам не изменяются, например:

ном. *кIудия-в вас вачIана* «старший сын пришел»;
эрг. *кIудия-в вас-ас бачIана* «старший сын принес»;
дат. *кIудия-в вас-се босана* «старшему сыну купил»;
ген. *кIудия-в вас-сул буго* « у старшего сына есть».

Имена прилагательные в атрибутивной функции согласуются с определяемым словом только в классе и числе, причем и грамматический класс и число выражаются единым совмещенным показателем:

-в — первый (мужской) грамматический класс единственного числа: *кIудия-в вас* «старший сын»;

-й — второй (женский) грамматический класс единственного числа: *кIудия-й йас* «старшая дочь»;

-б — третий грамматический класс единственного числа: *кIудия-б росо* «большое село»;

-л — множественное число всех трех грамматических классов: *кIудия-л вас-ал* «старшие сыновья», *кIудия-л йас-ал* «старшие дочери»; *кIудия-л льимал* «старшие дети», *кIудия-л роса-би* «большие села».

В некоторых языках прилагательные при вершинах в косвенных падежах демонстрируют

согласование по косвенности. В том или ином виде согласование по косвенности М.А. Даниэль отмечает, опираясь, в том числе, и на труды Дианы Форкер [16; 17] и Е.А. Лютиковой [9]: «в нахских, цезских, части лезгинских и хиналугском языках; в языках даргинской и аваро-андийской ветви и в лакском языке такое согласование не отмечается» [5, с. 102].

Исследовав стратегии согласования прилагательных в атрибутивной позиции по числу в нахско-дагестанских языках и языках других семей, находящихся в ситуации языкового контакта с нахско-дагестанскими языками, А.Н. Закирова [6; 7] выявляет факторы, влияющие на возможность такого согласования. На материале аварского языка А.Н. Закирова приходит к выводу, что «суффикс *-l* является специализированным показателем множественного числа атрибутивных зависимых, в то время как *r*- можно трактовать и как специализированный показатель множественного числа, и как кумулятивный КЧП» [7, с. 99]. По факту и тот, и другой суффикс являются совмещенным (кумулятивным) классно-числовым показателем, различаются они только тем, что обслуживают разные категории слов: *-l* — это суффикс прилагательных и причастий, *-r* — это суффикс наречий.

Заключение

Проведенное в данной статье исследование семантики и структурной организации прилагательных аварского языка позволяет выделить три самостоятельных разряда прилагательных: качественные, относительные и притяжательные. Традиционно в грамматических исследованиях аварского языка притяжательные прилагательные не выделяются. Каждый из этих разрядов имеет свой семантический диапазон, свою сферу функционирования и особенности структуры. Все разряды имеют в ауслауте переменный классно-числовой показатель, который согласуется с определяемым именем в классе и числе. Краткие формы прилагательных не изменяются по грамматическим классам, числам и падежам. По падежам прилагательные склоняются только при самостоятельном употреблении.

Литература

1. Абдуллаев И.Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология. 2010. Махачкала: ИЯЛИ. 385 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / 2-е изд., испр. и доп. 1995. М.: Школа «Языки русской культуры». 472 с.
3. Гаджиева Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке. 1979. Махачкала: Дагучпедгиз. 100 с.
4. Гасанова Г.А. Производные прилагательные с семантикой сравнения в лакском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12. Ч. 4. Тамбов: Грамота. С. 59-63.
5. Даниэль М.А. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 102-130. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130
6. Закирова А.Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // Родной язык. 2020. № 2. С. 94-123.
7. Закирова А.Н. Согласование прилагательных по числу в нахско-дагестанских языках: генеалогические и ареальные закономерности // Родной язык. 2022. № 1. С. 5-49.
8. Измайлова Д.С. Лексико-грамматические особенности имен прилагательных в лакском

языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 1995. Махачкала. 21 с.

9. Лютикова Е.А. Согласование по косвенности в хваршинском языке // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Мугалова / Под ред. Т.А. Майсака, Н.Р. Сумбатовой, Я.Г. Тестельца. 2021. М.: ООО «Буки-Веди». С. 187-213.
10. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. 1981. Махачкала. 158 с.
11. Маллаева З.М. Способы выражения категории степени качества в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2022. № 84. С. 43-46. DOI: 10.31029/vestdnc84/7
12. Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. 2001. М. 256 с.
13. Махмудова С.М. Простые осложненные конструкции с причастными оборотами в рутульском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 70-76. DOI: 10.17759/langt.2021080207
14. Саидов М.-С.Д. Краткий грамматический очерк аварского языка // Аварско-русский словарь. 1967. М.: Советская энциклопедия. С. 705-806.
15. Тарланов З.К. Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка. 2013. Махачкала: ИЯЛИ. 392 с.
16. Forker D. Avar Grammar sketch // Handbook of Caucasian Languages / M. Polinsky (ed.). 2020. Oxford: Oxford University Press.
17. Forker D. Gender agreement is different // Linguistics. 2018. Vol. 56, no. 4, pp. 865-894.

References

1. Abdullaev I.Kh. Laksii yazyk v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. Morfologiya. 2010. Makhachkala: IYaLI. 385 p. (In Russ.).
2. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy. Tom 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka / 2-e izd., ispr. i dop. 1995. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 472 p. (In Russ.).
3. Gadzhieva D.R. Imya prilagatel'noe v avarskom yazyke. 1979. Makhachkala: Daguchpedgiz. 100 p. (In Russ.).
4. Gasanova G.A. Proizvodnye prilagatel'nye s semantikoi sravneniya v lakskom yazyke v sopostavlenii s russkim // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 12. Ch. 4. Tambov: Gramota, pp. 59-63 (In Russ.).
5. Daniel' M.A. Soglasovanie po kosvennosti v nakhsko-dagestanskikh yazykakh: obzor empiricheskikh dannykh // Rema. Rhema. 2021. № 2, pp. 102-130. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130 (In Russ.).
6. Zakirova A.N. Soglasovanie po chislu v andiiskom yazyke: ekspansiya iz paradigmy sushchestvitel'nykh // Rodnoi yazyk. 2020. № 2, pp. 94-123 (In Russ.).
7. Zakirova A.N. Soglasovanie prilagatel'nykh po chislu v nakhsko-dagestanskikh yazykakh: genealogicheskie i areal'nye zakonomernosti // Rodnoi yazyk. 2022. № 1, pp. 5-49 (In Russ.).
8. Izmailova D.S. Leksiko-grammaticheskie osobennosti imen prilagatel'nykh v lakskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 1995. Makhachkala. 21 p. (In Russ.).
9. Lyutikova E.A. Soglasovanie po kosvennosti v khvarshinskem yazyke // Durkh"asi khazna. Sbornik statei k 60-letiyu R.O. Mutalova / Pod red. T.A. Maisaka, N.R. Sumbatovoi, Ya.G. Testel'tsa. 2021. Moscow: ООО «Buki-Vedi», pp. 187-213 (In Russ.).
10. Madieva G.I. Morfologiya avarskogo literaturnogo yazyka. 1981. Makhachkala. 158 p. (In Russ.).
11. Mallaeva Z.M. Sposoby vyrazheniya kategorii stepeni kachestva v avarskom yazyke // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 2022. № 84, pp. 43-46. DOI: 10.31029/vestdnc84/7 (In Russ.).

Russ.).

12. Makhmudova S.M. Morfologiya rutul'skogo yazyka. 2001. Moscow. 256 p. (In Russ.).
13. Makhmudova S.M. Simple Complicated Constructions with Articipial Turns in the Rutul Language [Elektronnyi resurs]. *Âzyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 70-76. DOI: 10.17759/langt.2021080207 (In Russ.)
14. Saidov M.-S.D. Kratkii grammaticheskii ocherk avarskogo yazyka // *Avarsko-russkii slovar'*. 1967. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 705-806 (In Russ.).
15. Tarlanov Z.K. Problemy obshchei grammatiki i grammatika agul'skogo yazyka. 2013. Makhachkala: IYaLI. 392 p. (In Russ.).
16. Forker D. Avar Grammar sketch // *Handbook of Caucasian Languages* / M. Polinsky (ed.). 2020. Oxford: Oxford University Press.
17. Forker D. Gender agreement is different // *Linguistics*. 2018. Vol. 56, no. 4, pp. 865-894.

Информация об авторах

Маллаева Зулайхат Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела грамматических исследований дагестанских языков, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4303-6663>, e-mail: logika55@mail.ru

Information about the authors

Zulaikhat M. Mallaeva, Doctor in Philology, Professor, Chief Scientist, Department of Grammatical Researches of Dagestan Languages, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4303-6663>, e-mail: logika55@mail.ru

Получена 01.06.2023
Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023
Accepted 15.06.2023

Стилистическая мотивированность при использовании языка амхарских СМИ

Абейеху М. Меконнен

Аддис-Абебский университет, г. Аддис-Абеба, Эфиопия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2159-4632>, e-mail: abity123@gmail.com

Элиас Хуссиен

Аддис-Абебский университет науки и технологий, г. Аддис-Абеба, Эфиопия
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2206-4865>, e-mail: eheliash60@gmail.com

В настоящей статье анализируется проблема мотивов стилистического использования английских слов в амхарских СМИ. При обработке данных был применен качественный описательный подход, чтобы исследовать стилистическую мотивированность употребления языка в амхарских медиапрограммах, посвященных спорту, медицине, науке и технике. Эти программы отбирались методом целенаправленной выборки, в результате чего удалось собрать 1090 двуязычных отрывков. Мы уделили особое внимание английским словам, чтобы изучить мотивы их применения в стилистике амхарских медиа. В ходе исследования выяснилось, что в средствах массовой информации на амхарском языке встречаются многочисленные примеры использования английских заимствований, поскольку они короче и экономнее (т.е. ввиду своего лаконизма), чем их амхарские аналоги. Кроме того, результаты данного исследования показали, что английские заимствования используются в амхарских СМИ для уточнения некоторых слов, не имеющих однозначного амхарского эквивалента. Еще один вывод настоящего исследования состоит в следующем: в амхарских медиа наблюдается вариативность выражений, позволяющая избежать излишнего повторения слов. Таким образом, в языке амхарских медиакоммуникаций присутствуют три аспекта стилистической мотивированности, выделенные Галинским.

Ключевые слова: стилистическая мотивированность, краткость, точность, вариативность выражений.

Для цитаты: Меконнен А.М., Хуссиен Э. Стилистическая мотивированность при использовании языка амхарских СМИ [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 38–56. DOI:10.17759/langt.2023100204

Stylistic Motivation in Amharic Media Language Use

Abebayehu M. Mekonnen

Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2159-4632>, e-mail: abity123@gmail.com

Elias Hussien

Addis Ababa Science and Technology University, Addis Ababa, Ethiopia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2206-4865>, e-mail: eheliash60@gmail.com

This article looked into the stylistic motivations of English words used in Amharic media. It used the qualitative descriptive approach to examine the data of this research so as to be able to investigate the stylistic motivation of language use in the Amharic media programs that are concerned with sport, medical science, and science and technology. Purposive sampling was used to select these programs, resulting in 1090 bilingual extracts. The English words were given due focus to examine the stylistic motivation that they have served in the Amharic media. In this study, it is found that there are numerous examples of English borrowing used in the Amharic media because they are shorter and more economical (i.e., for their brevity) than their Amharic counterparts. It is also found in this study that English loan words are used in Amharic media in order to precise some words for which there is no unequivocal Amharic equivalent. Employing variation of expression to avoid tedious recurrence of words in Amharic media is another finding in this study. Therefore, three aspects of the stylistic motivation developed by Galinsky are found to be available in the Amharic media language.

Keywords: stylistic motivation, brevity, precision, variation of expression.

For citation: Mekonnen A.M., Hussien E. Stylistic Motivation in Amharic Media Language Use. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 38–56. DOI:10.17759/langt.2023100204

Introduction

Different authors see language styles differently. For example, K. Wales in Missikova [6] describes how, just as there are different ways of doing things, style can simply refer to the way of expressing oneself in writing and speaking.

Style as situation. As it is obvious, there are different styles for different situations; the same activity can be done in different styles. Thus, style here can be viewed as variation in language use, be it literary or non-literary. The common term used for systemic linguistic variation in register, especially in non-literary situations such as advertising, sports commentary, and legal language.

Style as a choice. Situation may not be the only factor that makes style differences. It may differ depending on the medium and degree of formality, the type of genre (in literary language), or the period in which it was used. Therefore, in all the above cases, style is distinctive. This is to mean that it is the set or sum of linguistic features of a register, genre, or period, among others. This definition of style especially works at the level of text. For example, Jane Austen's *Emma* described style as individual and deviation.

Style as individual is making style distinctive is the choice of items and their pattern and distribution. It is obvious that each author uses the words available in the language in any particular period. The other way style can be defined is by comparing one set of features with another, as in comparing deviation from a norm. This is accomplished by comparing any text or piece of language to the linguistic norms of its genre or period, as well as the common core of the language as a whole.

Bliss [1] explains the influences of media on politics, markets, social situations, and, most importantly, the languages of nations. She says more recent influences, since the eighteenth century, have come by way of various media, which include spoken messages, personally written messages, hardcopy publications of one form or another, and more recently, electronic media such as the telephone, telegraph, television, computer, and the new portable communication system and its thousands of apps (applications): mobile cellular phones. The media can also manipulate the thoughts and perceptions of people through its massive control. The mass media have an enormous influence on people's thoughts and understanding of the world [3].

When one examines language use in various Amharic-based media in Ethiopia, one may notice a lot of foreign words that do not appear to be of Amharic origin, among other things. These phenomena might have flourished because of the influence English has on the Amharic language. Anbessa Teferra [11] states that the subtitles used in Amharic dramas show the immense influence of English on Amharic. In some videocassette or DVD recordings of Amharic theatre drama, released in Ethiopia and the USA since 2000, subtitles (if they occur) are entirely in English. This use of foreign words in Amharic media may have resulted from different stylistic motivations. In other words, these foreign words may be used in Amharic media to achieve brevity, clarity, variation of expression, or some other stylistic motivation. Thus, this paper dealt with the stylistic motivation of the borrowed English words in Amharic media. It tried to answer the following question.

What are the stylistic motivations that triggered the borrowing of English words in the Amharic media?

Review of Literature

What is stylistics?

There is no agreement among scholars on what stylistics is. As a result, there is no explicit definition. However, it is important to see into the various views of scholars. According to Zulfiqar [12], stylistics simply refers to the study of style and pattern of use by a speaker or a writer. It is a method of identifying usage patterns in writing and speech.

Crystal and Davy defined stylistics as a field of study that takes a fresh look at both literary and non-literary materials. It is crucial to how literature is taught in India. It has been defined as a "sub discipline" of linguistics that focuses on the systematic analysis of language style and how it might vary depending on things like genre, context, historical time, and author [2]. In this definition, stylistics is the study of the style that is used in literary and non-literary language and the effect of this language use on the reader or hearer. It explains the language use of individuals or groups by its principles. Furthermore, Simpson [10] defines stylistics as the study of literary language based on different tools of linguistic analysis. The method of literary interpretation known as stylistics gives language center stage. The numerous forms, patterns, and degrees that make up language significance in discourse serve as a gateway to its interpretation, which is why stylistic scholars place such a high value on it. Although linguistic characteristics do not in and of themselves define a text's "meaning", a description of linguistic characteristics nevertheless serves to support a

stylistic interpretation and to help the analyst understand why particular meanings are feasible. In stylistics, "literature" as high art or more widely read non-canonical types of writing are the preferred study subjects.

Stylistic Aspects

English has been used in various fields in Ethiopia, but borrowed words from English are not always appropriate for a specific field. It is therefore necessary to study the stylistic aspect of borrowed words in the Amharic media language. Following Gentsch's [5] work, this study also examines four out of the seven of Galinsky's stylistic motivations for the usage of English words in the Amharic media language. In addition to this, the study uses Rodriguez Gonzalez's work to give more details for the stylistic motivations of using English borrowing in the Amharic media.

Before we move on to the description of the stylistic aspects of the English words, let us first briefly go through the list of stylistic effects of borrowings put forward by Galinsky, as it is a ground-breaking work in the research of stylistic aspects of Anglicism in German. Thus, it serves as the main reference in investigating the stylistic effect of English borrowing in Amharic media language use in this study. In this section, seven of Galinsky's lists of stylistic motivation for the usage of Anglicism in German are explained.

The stylistic functions for using English in German by Galinsky [4]:

1. Local color — this is to make the narration as close as to life as possible. Conveying an English / American atmosphere or setting (reference to locations and idiomatic expression for which German equivalents either do not exist or would not suffice in conveying an authentic American setting. For example, Green (which village, pub, first lady, queen, high school, campus, college, cowboy, skin head, playboy, and new wave).
2. Establishing or enhancing precision (der Job in German refers to a temporary position or part time work to earn extra money, and der Swimming — pool refers to a pool inside or outside a building on a private property only, thus they have specific, limited meanings).
3. Creating or facilitating intentional disguise or euphemism, especially sex and drug-related expressions, e.g., Bordell ~ Apartment house; Eros center; prostitute ~ Hostess, Callgirl, Drogenabhängig ~ Fixer.
4. Effecting brevity (the adaptation of single- or two-syllable American words) where multi-morphemic or compound German equivalents already exist, Anglicisms are more economical, handier and more convenient (e.g. Boom ~ Wirtschaftsan fscwung, Budget ~ Haushaltsplan, Campus ~ Universitätsgebäude).
5. Producing vividness, often by way of metaphor — the metaphorical nature of many American English words furnishes yet another appeal in American English — German language contact. Literal transfers are rare, while translations abound. "Brainwashing" (Brainwäsche) and "summit conference" (Gipfelkonferenz) are two examples.
6. Conveying a comic or playful touch: The playful note is sustained by the place of these neologisms in a kind of linguistic no man's land between (American) English morphemes, free or bound, but their combination is un-English. It is affected by German, but neither language community is making use of these "nonce-words". Hence, part of the commercial tone springs from the linguistic status of such coinages and from the reversal of the customary process of word-coining. It is not the native speaker but the foreigner who imaginatively, 'enriches' the native's tongue by a word actually

understandable to the native. In other words, these neologisms are innovations not only in the recipient, but also in the source language. The instances mentioned are ‘dis learnt’, ‘super mobile’ and an automobile whose size adequately reflected that of Texas.

7. Creating or increasing variation of expressions — this is achieved through the ‘collocation’ of the two words, the foreign and the native. This may be achieved by using the conjunction "or" and with the aid of a parenthesis. The purpose of such collocations is to make one’s meaning clearer and definite. For example, (Hi — Hello, Baby — Säugling, Fan — Anhänger, Boss Chef, Team — Mannschaft, Ticket — Fahrschein, although they may have different connotations at times).

Methods

The purpose of this linguistic investigation is to examine the different stylistic motivations of borrowed English words in the Amharic media. Thus, a qualitative descriptive approach is used to investigate the stylistic motivation of the use of English words in the Amharic media language.

Samples

As this article is aimed at finding out the stylistic motivation of English words in Amharic media language use, different programs in Amharic media in Ethiopia are the samples for this investigation. Therefore, the media programs, that have an inclination towards using a large number of English words in their language use, are selected. In this respect, sports, science and technology, and medical science are selected for their susceptibility to using too many English terms in their language use. Hence, a year's worth of publication in one print medium and a year's worth of broadcast programs in four electronic media formats, which were all in print and on air in the 2007 Ethiopian calendar, were selected by using purposive sampling. These Amharic programs, which were selected to study the stylistic motivation of English words in Amharic media, were Medical magazine, Tribune Sport, Tech Talk on EBS, EBC Sport, and EBS Sport. Therefore, 1090 bilingual clauses were selected as extracts to study the stylistic motivation of English words in Amharic media language use.

Data Collection

In this article, to examine the use of English words in Amharic media, data from a print publication and electronic media programs was gathered.

The analysis of stylistic motivation was carried out in the language use of sports, science and technology, and medical science programs of the Amharic media. Thus, a one-year publication of ‘Medical Magazine’, which is published in the Amharic language and primarily focused on medical science and technology issues, was selected. Moreover, a one year broadcast of four electronic media programs — two of which were television programs and the other two, which were radio programs — was selected. Thus, bilingual clause extracts were selected from the data to meet the objectives of this article.

The model employed to analyze Amharic media language use was Galinsky’s [4] model, which is a pioneer in the study of stylistic aspects of usage of English in German. The model consists of seven stylistic functions for using English in Germany. The first function is 'local color' to make narrations more true to life as possible, the second is 'precision' which occurs when there is no equivalent term in the recipient language for the English term. The third is 'Creating or facilitating intentional disguise or euphemism' which serves for expressions, especially those related to sex and drugs. The fourth is 'effecting brevity' or adapting single or two-syllable English words for

multimorphemic counterparts in the sender language. The fifth is 'producing vividness', often using metaphors, and the sixth is 'conveying a comic or playful touch'. The seventh is 'creating variation in expressions', which is the supplied collocation of both the foreign and the native terms side by side in the same expression. Analyses of the stylistic motivations in this study revealed only three of them were examined, focusing on brevity, precision, and variation in expressions. The other motivations were not attested in the data.

Results and Discussion

Stylistic motivations for borrowing of English words

This section of this study examines only three of Galinsky's stylistic motivations (brevity, precision, and variation of expression) for the usage of English words in the Amharic media language use. The stylistic aspect of the instances of the borrowed words from the data is presented in the different categories, namely sports, science and technology, and medical science.

Brevity

The stylistic aspects of borrowing involve a tendency towards brevity and simplification, with borrowed words being used by the speaker and writer when they are urged by the economy of expression and the law of least effort. In this study, several borrowed English words were found to have longer Amharic equivalents, suggesting that these words may have been borrowed for brevity reasons.

Table 1

Brevity (simplification / economy) in sport

English borrowings	Amharic equivalents
Offside	kəcəwata wici:
Training	masəlt'an,
Squad	jəbudin sibilib
Budget	ləsira jəmi:mməddəb jəgənzəb mət'an, wəci:na gəbi:
Coach	asəlt'aññ
Record	kəmin gizem jəbəllət'ə, kibrə wəsən
Header	bəcinkillat kwas məfji:
Fair play	t'iru cəwata
Report	zəgəba, məzəziz

For instance, the English term 'offside' which is a trisyllabic word, has a multimorphemic compound equivalent word 'kəcəwata wici:'. Similarly, the borrowed English word 'squad' has a multimorphemic Amharic counterpart, 'jəbudin sibilib'. Similarly, we can also see the disyllabic English term 'budget' in the above list from the sports section of the data. This English term has a multi-morphemic Amharic equivalent, as in 'ləsira jəmi:mməddəb jəgənzəb mət'an', and 'wəci:nna gəbi:'. Another disyllabic English term borrowed in Amharic sports media is 'record'. 'kəmin gizem jəbəllət'ə' and 'kibrə wəsən' are its Amharic counterparts that are also multimorphemic like the previous instances mentioned above. The other instance mentioned in the list above is 'fair play' that is another disyllabic English term borrowed in the Amharic sports media. This English word has a multisyllabic Amharic equivalent, which says 't'iru cəwata'. The Amharic compound word 'bəcinkillat məfji:' is a multi-syllabic Amharic compound, and it has an English equivalent, the disyllabic word 'header'. In the above list, we also have the other borrowed disyllabic English term, 'training' taken from the Amharic sports media. Its Amharic equivalent

term, ‘masəlt’ən’ has more syllables. In a similar manner, the disyllabic English term ‘report’ borrowed in the Amharic sports media, has tri-syllabic Amharic equivalents ‘zəgəba’ and ‘məzəzɨr’. Lastly, there is a monosyllabic borrowing of the English word ‘coach’ in the Amharic sports media. Its Amharic counterpart is the trisyllabic word ‘asəlt’aññ’.

The above instances show the differences in length between English borrowings and their Amharic equivalents. As we can see above, the English borrowings are shorter than their Amharic equivalents. Most of the Amharic equivalents are longer and multimorphemic compounds, whereas the English borrowings are monosyllabic and disyllabic words. All of the English borrowed instances are disyllabic except for the words ‘coach’ and ‘offside’ which are monosyllabic and trisyllabic, respectively. Therefore, it is possible to deduce from the instances presented above that it is for the purpose of the stylistic motivation known as brevity that the word choices in the Amharic sports media turned out to be English borrowings because of their economic nature.

In the data of this research, we also find English borrowings in the Amharic media language use in the science and technology programs for the purpose of stylistic aspects. Likewise, the above instances and the English borrowed examples below are also presented side by side with their Amharic equivalents.

Table 2

Brevity (simplification / economy) in science and technology

English borrowings	Amharic equivalents
Galaxy	kokəbof jəmmi:sənuɓbət
Wheel chair	təʃkərkari: wənbər
Drone	səw alba bərari:
Post	lətt’əfə
Password	jəmələja kal, jəmaləfi:ja kal, jəjiləf kal
Lift	asansər, adərrəsə
Scan	məkəññət, bəʃfikkola məkətt adərrəgə, mərəmmərə
Network	awtarə mərəb

Most of the borrowed English terms in the above instances, taken from the Amharic science and technology media programs, are mono syllabic and di syllabic with the exception of the term ‘galaxy’ which is a tri syllabic word. The Amharic equivalent for ‘galaxy’ is a multi-morphemic Amharic compound word ‘kokəbof jəmmi:sənuɓbət’. When we look at the di syllabic terms borrowed from English in the list above, we find ‘wheel chair’ in the first place. Its Amharic counterpart is a multi-morphemic compound ‘təʃkərkari: wənbər’. Similarly, another di syllabic borrowed English term in the Amharic science and technology media programs is ‘pass word’ whose Amharic counterparts are multi-morphemic compounds like the previous instances ‘jəmələja kal’, ‘jəmaləfi:ja kal’, and ‘jəjiləf kal’. In the above instances from Amharic science and technology media, we do also find another borrowed disyllabic English term ‘network’. The multi-morphemic Amharic compound term ‘awtarə mərəb’ is its equivalent.

As we can see in the above examples, the shorter English borrowings are preferred for their shortness and economy, making them economical, handier and more convenient for Amharic media science and technology programs.

Amharic media language use in medical science uses English borrowings for brevity and simplification.

Table 3

Brevity (simplification / economy) in medical science

English borrowings	Amharic equivalents
Pharmacy	mədhani:t bet
Operation	kədido t'iggəna
Fitness	məlkaminnət
Cancer	jənəkərsa bəfita
Nurse	mogzi:t, astamami:
Cell	hiwas

As can be seen in the instances, all the English borrowings with the exception of the terms ‘Pharmacy’, and ‘operation’, which are trisyllabic words, are monosyllabic and disyllabic words. However, when we look at their Amharic counterparts, apart from the term ‘hiwas’ meaning ‘cell’ which is a disyllabic word, all the other Amharic counterparts are longer and formed from multi morphemic compounds.

The substitution of shorter English terms from Amharic media outlets in medical science fields is seen as a way to distinguish between longer and multi morphemic compounds. This substitution may be employed to resolve the issue of brevity.

Precision

The stylistic aspects of borrowing examples in this study focus on precision and clarity, as there is no unequivocal Amharic equivalent for the English term. Examples from the three fields are presented to shade light on it. The most important details are provided to explain the difference in connotation between English and Amharic borrowing instances.

Table 4

Precision and clarity in science and technology

English borrowings	Amharic equivalents	Difference in connotation
Smart phone	/baləkard silk/	/baləkard silk/ refers to a phone which operates with a sim card whereas, smart phone is a mobile phone which incorporates a palmtop computer or PDA.
Crew	/sərratəññiof/	/sərratəññiof/ denotes a group of people who perform any task, crew however refers to a group of people who work on and operate a ship, boat, aircraft, or train. Such a group other than the officers.
Editor	/azzəgadɟ/	Editor refers to a person who is in charge of a newspaper, magazine, or multi author book, whereas, /azəgadɟ/ refers to a person who prepares, arranges, or makes ready.
Download	/mawrəd/	/mawrəd/ refers to put some load or to bring something down, or to unload whereas, download refers to copying data from a computer system or to a disc.
Upload	/məćan/	Upload refers to transfer (data) to a larger computer whereas, /məćan/ refers to load,

		put a load on a pack animal or a person.
Browse	/mammalkat/	Browse implies to read or survey (data files) via a network whereas, /mammalkat/ refers to observe or to be spectator.
Broadcast	/mastalaləf/	/mastalaləf/ refers to transmit, transfer, or to let or allow to pass whereas, broadcast refers to transmit by radio or television.
Platform	/madrək/	/madrək/ refers to a stage where performance presented whereas; platform refers to the declared policy of a political party or group.
Data	/marrəḏga/	Opportunity to voice one's view.

Borrowing English terms is important when foreign words have no Amharic equivalents. Journalists use this to ensure precision in their expressions, resulting in the appropriateness of their ideas and an understanding of their readers and listeners.

English borrowings are used in science and technology programs in the Amharic media to provide a clearer and more precise way to put ideas in a clearer manner. These terms are technical terms that are introduced with technology, and can be found in the Amharic paraphrases and near synonyms of Amharic language. Therefore, the borrowings above can be considered stylistically motivated for the purpose of precision.

Let us see the instances one by one. The Amharic term 'baləkard silk' refers to a phone that works with a sim card in it. However, 'a smart phone' is a mobile phone, which includes a palmtop computer. Thus, the journalists' word choice came to be the English borrowing 'smart phone' for the purpose of precision that avoids confusion. In a similar manner, the Amharic word which says 'sərratəññof' denotes a group of people that work any task, whereas, 'crew' refers to a group of people who perform and operate on a ship, boat, air craft, or train. Therefore, because of the stylistic motivation known as precision, the English borrowing 'crew' is used to precisely put the idea in the text.

When we look at the next English borrowing, we find the term 'editor'. It refers to a person who is in charge of a magazine or newspaper. The Amharic term 'azzəgadɔ' however, refers to a person who prepares or arranges. In this case, 'editor' has a specific denotation. As a result, it precisely transfers the meaning of the text. Thus, it is for the stylistic motivation called precision that the borrowed term 'editor' is used. Similarly, the Amharic term 'mawrəd' refers to bring something down or to unload. The English term 'download' however, specifically denotes copying data from a computer system or to a disc. Similarly, the English term 'upload' refers to the transfer of data to a computer. The term 'məcan' in Amharic, however, refers to putting a load on a pack animal or a person. The Amharic media preferred English terms 'download' and 'upload' to accurately convey their ideas, which is stylistically motivated to achieve precision.

In addition to the above two terms from digital technology, the English word 'browse' implies reading or surveying data files using a network. The Amharic term 'mammalkət' however, refers to observe or to be a spectator. Therefore, the borrowed term 'browse' turns out to be specific. Similarly, the other borrowed example says 'data' refers to facts and statistics used for reference or analysis, whereas, the Amharic term 'marrəḏga' denotes any information. Thus, in this instance as well, the English term 'browse' is definite enough to give a clear meaning in the contexts in which it is used. A similar case in the instances above is the Amharic term 'madrək', which implies a stage on which performances are presented. The English term 'platform' implies a context in which people's views are entertained, while the Amharic term denotes a place. The journalists in the

Amharic media chose the three English terms (browse, data, and platform) to express their ideas clearly and precisely, using the stylistic motivator precision.

Table 5

Precision and clarity in sport

English borrowings	Amharic equivalents	Difference in connotation
Performance	/kiwwane/	/kiwwane/ refers to producing something, which did not exist before whereas; performance refers to the action or process of performing a task or function.
Quality	/t'irat/	/t'irat/ refers to purity, or refinement of something whereas, quality refers to the standard of something as measured against other things of similar kind.
Sponsor	/daggafit:/	/daggafit:/ refers to supporter, partisan, adherent, benefactor; one who supports, holds up a person who walks beside a mounted person holding on to the saddle and helps the rider mount and dismount whereas, sponsor refers to a person or organization that pays for or contributes to the costs of an event or broadcast in return for advertising.
Professional	/balamuja/	/balamuja/ refers to skillful, handy, expert, handyman, craftsman whereas, professional refers to a person who is engaged in an activity as a paid occupation rather than as an amateur.
Pressing	/maccan/	/maccan/ refers to oppressive act or intimidation whereas; pressing refers to requiring quick or immediate action or attention.
Condition	/huneta/	/huneta/ refers to circumstance, or state whereas, condition refers to the state of something or someone with regard to appearance, fitness, working order.
Highlight	/mirt'/	/mirt'/ refers to someone or something chosen whereas; highlight refers to an outstanding part of an event or period of time.

In the above instances, the English borrowings and their Amharic equivalents are presented in the instances. The Amharic term 'kiwwane' refers to production of something that wasn't before, while the English word 'performance' denotes the action or process of performing a task. Thus, English borrowing is chosen for the stylistic purpose of precision. In similar manner, we have the English term 'quality' and its Amharic counterpart 't'irat'. 't'irat' refers to purity, or refinement of something whereas, 'quality' refers to the standard of something measured in contrast with other things of similar kind. Therefore, as the two terms do not have an equivalent denotation, the journalists' word choice became the English borrowing 'quality'. This phenomenon seems to happen

because of the stylistic motivation element called precision, as one of its functions is to fill the gaps created by the lack of equivalent native words for foreign terms.

The English term 'sponsor' is translated to 'dəgafī' in Amharic, meaning supporter, partisan, or adherent. Whereas the English translation refers to an organization that contributes to or pays for the costs of an event or broadcast in return for advertising. A borrowed word in a similar case is 'professional' which is translated in Amharic as 'baləmuja', The Amharic term refers to skilled, handy, expert craftsman, while 'professional' refers to those who are involved in a paid occupation. Both English borrowings above have specific denotations, making them preferred to be used to their Amharic counterparts. Precision is a stylistic motivation for using English terms over Amharic.

Another English borrowing from the sport programs is 'pressing' which is translated in Amharic as 'məcān' refers to an oppressive act or intimidation, whereas pressing in sport is referring to requiring quick or immediate action or attention. Likewise, another borrowed English term; 'condition' is translated to Amharic as 'huneta'. The Amharic term refers to a certain situation or state of something or someone with regard to appearance, fitness, or working order. The choice of words by the journalists turned out to be the English borrowings 'pressing' and 'condition', due to the definiteness and precision of the meanings of the two English terms.

Similarly, another term from sport instances is the English word 'highlight', which is translated to Amharic as 'mirt'. The Amharic word refers to something or someone chosen, while the English term 'highlight' is used to refer to an outstanding part of an event or sport, and is used by journalists in the Amharic media to emphasize the meaning intended. This suggests that precision was the stylistic motivation behind the choice of the borrowed English word 'Highlight' over its Amharic counterpart.

Table 6

Precision and clarity in medical science

English borrowings	Amharic equivalents	Difference in connotation
Stroke	<i>/jədəm mərgat bəfita/</i>	Stroke refers to a sudden loss of consciousness whereas; <i>/jədəm mərgat bəfita/</i> refers to the problem of coagulation or blood clotting.
Sister	<i>/ihit/</i>	Sister in British English refers to a senior female nurse whereas; <i>/ihit/</i> refers to a woman or a girl in relation to other daughters and sons of her parents.
Artificial	<i>/səw sərraf/</i>	Artificial is made as a copy of something natural whereas, <i>/səw sərraf/</i> refers to something made by human.
Ultrasound	<i>/jəwist' akal məmərmərija məsarija /</i>	Ultrasound refers to sound or other vibration having an ultrasonic frequency, particularly as used in medical imaging whereas, <i>/jəwist' akal məmərmərija məsarija/</i> refers to any medical instrument that is used to diagnose the internal part of human body.
Diabetes	<i>/jəsikkwar bəfita/</i>	Diabetes is a disorder of metabolism causing excessive thirst and the production of large amount of urine whereas; <i>/jəsikkwar bəfita/</i> refers to a disease that is created by sugar.
Dialysis	<i>/jəkulali:t it'bət/</i>	Dialysis is the chemical purification of blood by dialysis as a substitute for the normal function of the kidney. <i>/jəkulali:t it'bət/</i> refers to washing the kidney.

The medical science-borrowed English instances above are presented together with their Amharic equivalents as well as the difference in their connotations. The first instance is the borrowed English term, which says 'stroke'. It has an Amharic multimorphemic compound equivalent, 'jədəm mǝrgat bǝʃita'. The English term 'stroke' refers to a sudden loss of consciousness, whereas, the Amharic counterpart 'jədəm mǝrgat bǝʃita' refers to the problem of coagulation or blood clotting. Thus, the English borrowing refers to a specific denotation, which is preferred to be used in the Amharic media to its Amharic counterpart. Precision is the stylistic motivation used to make the word choice in the Amharic medical science media.

The Amharic medical science media borrowed the term 'sister' from English that implies a senior female nurse, whereas, the Amharic counterpart 'ihit' refers to a woman or a girl in relation to other daughters and sons of her parents. Thus, the English term is used to denote the intended idea, due to its definiteness and precision, as well as for its stylistic motivation of precision. The Amharic medical science media borrowed the term 'sister' from English that implies a senior female nurse, whereas, the Amharic counterpart 'ihit' refers to a woman or a girl in relation to other daughters and sons of her parents. Thus, the English term is used to denote the intended idea, due to its definiteness and precision, as well as for its stylistic motivation of precision.

The other English borrowing instance from the Amharic medical science media is 'artificial'. It is translated in Amharic as 'səw sǝraʃ' refers to something made by human being whereas, the borrowed English term 'artificial' refers to something made as a copy of something natural. In this instance, as the two terms do not have equivalent denotation, the stylistic motivation of precision is used to bridge the gap created by the absence of equivalent native words, resulting in the borrowed English term 'artificial' being used instead of native words.

Another borrowed English term from the medical science instance above is 'ultrasound', which is translated in Amharic by the multimorphemic compound 'jəwist' akal mǝmǝrmǝrija mǝsarija'. The English term 'ultrasound' refers to sound or other vibration having an ultrasonic frequency, particularly as used in medical imaging. The Amharic counterpart, 'jəwist' akal mǝmǝrmǝrija mǝsarija' denotes any medical instrument that is used to diagnose the internal parts of the human body. Thus, Amharic journalists use the English word in medical science media due to the stylistic motivation of precision for a specific denotation.

In a similar manner, we have another borrowed English term in the medical sciences: instances 'diabetes'. Its Amharic equivalent is the multi-morphemic compound 'jəsikkwar bǝʃita'. The English term 'diabetes' refers to a disorder of metabolism causing excessive thirst and the production of large amounts of urine. However, the Amharic equivalent, 'jəsikkwar bǝʃita' refers to a disease that is created by sugar. Therefore, the choice of word for journalists was the English word 'diabetes' due to its definiteness in connotation, which may be prompted by the stylistic motivation of precision.

Similarly, another borrowed English term from the medical sciences is 'dialysis'. Its counterpart is known as 'jəkulali:t it'bat'. The English term 'dialysis' refers to the chemical purification of blood by dialysis as a substitute for the normal function of the kidney while the Amharic term refers simply to the washing of the kidney. Thus, the English term is used in medical science media. It is initiated by the stylistic motivation of precision.

Variation of expression

The third stylistic motivation in borrowing English words is a technique used to reach variation in expressions by using an English word for something previously stated by the Amharic

equivalent, known as a co-referential device intended to provide the text with elegance and cohesiveness. In each of the instances, the same phenomenon was repeatedly referred to by both the English as well as the Amharic term.

This research focuses on the Amharic science and technology programs, where English words are combined with their Amharic equivalents in one sentence. This is often referred to as the concept is mentioned for the first time or when the writer recognizes it as not well known. The two equivalent terms are separated in the texts with the help of a parenthesis, or with the Amharic conjunction that says ‘wəjim’ which refers to ‘or’.

Variation of expression in science and technology:

1. silə ARTIFICIAL INTELLIGENCE wəjim silə səw sərəf kihilot inniwəjjalən
about artificial intelligence or about man made skill we will discuss
‘We will discuss about artificial intelligence.’
2. i:lamaɸəwin t’əbbikəw jət’əlatin TARGET məmtat jəmi:ɸilu GUIDED WEAPON SYSTEMS
allu
their target by maintaining enemy’s target to hit which are able guided weapon systems there
are
‘There are guided weapon systems which are able to hit enemy’s target.’
3. wədəfi:t ROBOT oɸ SELF AWARE wəjim jənəku MACHINE oɸ li:honu jɸɸilallu
in the future robots self-aware or conscious machines to be they could be
‘In the future robots could become conscious machines.’
4. WATSON jəsəwin sibinna (PERSONALITY) indi:ja’əna ijjetədərəgə nəw
Watson of human personality so as to study it is being made
‘Watson is being made to study human personality.’
5. majət jətəsanatɸəw wəgənoɸaɸɸinin ləmərdat SMART KANE wəjim bilih bətir təfə’irwall
to see who are impaired our society to help smart kane it is created
‘To help our visually impaired society, smart kane is created.’
6. lelaw dərədza məwɸat inna məwrəd jəmi:ɸil WHEEL CHAIR wəjim təɸkərkari: wənbər nəw
the other stairs to climb up and go gown that can wheel hair it is
‘The other is a wheel chair that can climb up and go down stairs.’
7. silə DRONE oɸ wəjim səw alba PLANE oɸ laskañatɸɸihu
about drones or man less planes let me show you
‘Let me show you about drones.’
8. jɸh hullu PERFECTION (fi:su:minnət) jəməla mit ajməslim
this all perfection of theory it doesn’t seem
‘These all perfection doesn’t seem theoretical.’
9. Kallut 110 bəlaɸ maidinoɸ wəjim ELEMENTS wisɸ jəmajigəññut t’iki:toɸ biɸɸa naɸɸəw
Among available 110 more than elements inside those, which are not present a few only they
are
‘From those more than 110 available elements only a few of them are not present.’

The above instances appear in the science and technology data of this study. The first of the

extracts is the English phrase ‘artificial intelligence, followed by its Amharic equivalent term ‘səw sərraf kihilot’ in the same sentence. Variation of expression is used to make meaning clearer and more emphatic by combining both the English and Amharic equivalents.

The second extract above we can see that the Amharic word ‘i:lamaʃʃəwɪn’ in the same sentence together with its English equivalent ‘target’. The use of synonyms in the same sentence may be to make the meaning clearer or to avoid monotonous redundancy, known as variation of expressions or stylistic synonymy.

In the extracts, there are also instances, which show the separation of the two terms with aid of parenthesis. The extracts in (4 and 8) are good examples of such cases. In extract 4, for example, the Amharic word ‘sibinna’ is used in the same sentence as its English counterpart ‘personality’. In a similar manner, in extract 8, we can see the English term ‘perfection’ and the Amharic equivalent ‘fissuminnət’ in the same sentence, and they are separated with parenthesis. The use of English and Amharic synonyms in these instances can be used to make the meanings clearer and more emphatic. This may be for the stylistic purpose of variation of expressions.

In the remaining extracts from the science and technology programs, the Amharic and English equivalents are used next to each other, and they are separated with the aid of the Amharic conjunction word ‘wəjim’ which means ‘or’. In these instances as well, variation of expressions is used in certain contexts to make meaning more clear by using the Amharic and English synonyms.

Variation of expression in medical science:

10. simetaʃʃəw jətərəgaga wəjim EMOTIONALLY STABLE səwoʃ bələloʃ səwoʃ simet jiwərərallu

their feeling stable or emotionally stable people by other people emotion they are overwhelmed
‘Emotionally stable peoples are overwhelmed by other people emotion.’

11. kəzi:h gar jəaimiro ʃʃigiroʃ wəjim PSYCHIATRIC DISORDERS jijajazall
with this together of mental problems or psychiatric disorders it is connected
‘Together with this mental problems or psychiatric disorders are related.’

12. kəʃitəñña jəmədəbət bəʃita wəjim MAJOR DEPRESSION irasin kəmatʃfat gar jijajazall
higher of depression disease or major depression with suicide it is related
‘Major depression is related with suicide.’

13. jih bətəʃəʃro wəjim bəwirs (HEREDITY) li:kkəsət jifilall
this by nature or by inheritance (heredity) to happen it could be
‘This could happen naturally or by heredity.’

14. ləmin indi:h adərəghu bilo irasin məwkəs (SELF BLAMING) jinorall
why like this I did by saying self to blame there will be
‘There will be self-blaming by saying why did I do like that’

15. jəbətəʃinnət simet (INFERIORITY COMPLEX) kələloʃ ansalləhu bilo massəb nəw
Inferiority complex from others I am less than by saying to believe it is
‘Inferiority complex is to believe that one is not as adequate as others.’

16. jəkirinfud mi:smar mitməsləw nəgər TOXIC wəjim mərzamma nəʃ
of clove nail that resembles thing toxic it is
‘The clove’s that resembles nail is toxic.’

17. wədə 12 PERCENT jəmi:honut OBESE naʃfəw wəjim idzɔzɔg jəbəzza wifrət allaʃfəw
around 12 percent that are obese they are or exceptionally extra fatness they have
'Around 12 percent of them are obese or exceptionally very fat.'

The extracts from "13 to 15" present instances from medical science that show stylistic motivation for variation of expressions as Amharic and English words being used together in the same sentence with parenthesis to distinguish them. As in the extract '13', the Amharic word 'bəwirs' and the English term 'heredity' are used in the same sentence to give clearer meaning to the idea under discussion. In a similar manner, in extract '20' we can also notice the Amharic phrase 'irasin məwkəs' preceding its English equivalent 'self-blaming' by using parenthesis to separate them. When we look at extract '15', the English phrase 'inferiority complex' is separated with parenthesis from its Amharic counterpart 'jəbətəʃinnət simmet'. Variation of expressions is a technique used to make the meaning of terms more clearly. This is done by using both Amharic and English terms next to each other.

Variation of expression in sport:

18. jədzi:buti: aʃfawin bəat'əkəlalaj wəjim bəAGGREGATE arət ləbado aʃfənnifwall
the Djibouti counterpart in total or on aggregate four to nil it has bitten
'On aggregate it has bitten Djibouti four goals to nil.'

19. bəkət'ita jəminnaləw jəi:tjo'pi:ja UNDER TWENTY wəjim kəhaja amət bətaʃ wididdir nəw
directly that we pass of Ethiopia under twenty competition it is
'We directly pass on to the Ethiopian under twenty competition.'

20. jəbiskilet wididdir bəmin ajnət məlku UPGRADE wəjim madəg alləbbət
of bicycle competition by what way upgrade or to develop it should be
'In what way should the bicycle competition be upgraded?'

21. jihe tillik TORNAMENT wəjim wididdir nəw
this huge tournament or competition it is
'This is a huge tournament.'

22. STADIUMu kəPITCHu wəjim kəmedaw gar bətəjajazə jan jahil aməʃfi: ajdəlləm
The stadium from the pitch or the field together in relation that much comfortable it is not
'In relation to the pitch, the stadium is not that much comfortable.'

These instances from sports section of the research focuses on the use of Amharic words and English synonyms used in the same sentence with the Amharic conjunction 'wəjim' that means 'or' in between them as in extracts "18 to 22". These are (bəat'əkəlalaj wəjim bəaggregate, under twenty wəjim kəhaja amət bətaʃ, upgrade wəjim madəg, tournament wəjim wididdir, kəpitchu wəjim kəmedaw). As we can see, all of the Amharic and English pairs of words and phrases are separated with the Amharic conjunction 'wəjim' which is translated in English as 'or'.

Thus, sports data from this research showed that the same phenomenon was repeatedly denoted by both English and Amharic terms, suggesting that these instances are a sign of variation of expressions.

Discussion

One of the purposes of this study was to examine the different stylistic motivations that triggered the borrowing of English words in the Amharic media. Therefore, this section of the study is devoted to the discussion of major findings as related to the literature on stylistic aspects of linguistic

borrowing, namely, brevity, precision, and variation of expressions. These are discussed based on the data from sport, science, and technology, as well as media programs of the Amharic media.

This section contains discussions on how the research data support the stylistic motivations known as brevity, precision, and variation of expression. Thus, from the data of this research a considerable amount of borrowed English words are realized in the language use of science and technology, medical science and sport outlets of the Amharic media. These appearances of borrowings in the Amharic media have different purposes. Some of the functions of English borrowings in the data of the Amharic media are for the sake of brevity. As we have already witnessed, most of the English borrowings are shorter than their Amharic equivalents, which are multi-morphemic compounds. As a result, the journalists in the Amharic media preferred to use the English borrowings. This choice of theirs might have occurred to achieve the stylistic motivation known as brevity. For example, the English term ‘cell’, which is a disyllabic word, has a trisyllabic Amharic counterpart ‘hiwas’. In the examination of the data of this study, a large number of English borrowings whose Amharic counterparts are longer are found.

It has been clearly shown in the analysis of this study that the Amharic media journalists use English borrowings since most of their Amharic equivalents are longer and multimorphemic compounds. This use of Anglicism in the Amharic media could be a result of the fact that most of the professional fields, such as sport, science and technology, and medicine, have undergone different developments in those English-speaking countries. Therefore, in the data we have seen numerous examples of English borrowings in the Amharic media for they are shorter and economic than their Amharic counterparts. Thus, one may deduce this as the stylistic motivation known as brevity. This result corresponds with the findings obtained in Rodriguez Gonzalez [8], which suggest that there is a tendency towards ‘simplification’, which means brevity. The speaker and the writer are motivated to use the borrowed terms because of their economy of expression.

The other finding in this study, which suggests that the language use in the Amharic media employs English loan words to precisely express some words, which do not have exact Amharic equivalents, is precision. Different instances from the data of the Amharic media language use in sport, science and technology and medical science programs have shown that when there is no unequivocal Amharic equivalents, the Amharic loanwords are employed for the purpose of clarity. This finding is in agreement with Rodriguez Gonzalez [8], which claims the employment of new and shorter English terms when there is a lack of unambiguous Spanish equivalent. The finding is also similar to Pfitzner [7], in Rudakova [9], who refers to achieving linguistic precision as a borrowing, which occurs when words do not have exact German equivalents and they "help re-pattern a German semantic field". For example, the English word ‘download’ refers to copying data from a computer system or a disc. Whereas, the Amharic equivalent term ‘mawrəd’ refers to put some load, to bring something down, or to unload. Thus, in this case the use of Anglicism serves the purpose of precision. There are a number of instances presented from the data to show similar phenomena. Rudakova emphasizes the appearance of technical languages from English in various fields. Large number of English technical languages exist in the areas of technology, engineering, electronics, physics, chemistry, biology, medicine and computer technology [9].

Another finding in the stylistic aspects of this study is the achievement of variation in expression. The extracts, which are taken from the data of this research in sports, science and technology, and medical science fields in the Amharic media, show that the same phenomenon was referred to by both the English and Amharic terms. The journalists in the Amharic media in this case might have borrowed English words in order to avoid tedious repetition of words. In addition to this, using two

words with similar meaning from two languages gives a better meaning than using a word alone (Rudakova, [9]. For instance, using the English phrase ‘artificial intelligence’ together with its Amharic equivalent ‘səw sərraf kihilot’ in the same sentence makes the meaning clearer. This finding is similar to that of Gentsch [5], who states that English words have been borrowed in the German media to avoid monotonous repetition. The same phenomenon was repeatedly stated in both English and German. This is referred to as the stylistic motivation variation of expression.

Conclusion

This study examined the use of English borrowings in the Amharic media and found that there were a great number of English words in sports, science, technology, and medical science terms, as most of which originated in the English-speaking world.

English terms are borrowed to the Amharic media language for various stylistic purposes, often due to stylistic reasons. Therefore, journalists increased use English terms even when there are Amharic equivalents is examined.

In the analysis of the data, it was found that one of the stylistic purposes of using English borrowings in the Amharic media is brevity. In this regard, those English terms, which are shorter and simpler than their Amharic counterparts with multimorphemic compounds, are preferred for simplification and economic purposes. For instance, the English sports term ‘coach’ is shorter and more economical than its counterpart, ‘asəlt’añ.

The other type of stylistic motivation for the appearance of borrowed English terms in the Amharic media is precision. Amharic journalists prefer English terms when there is no Amharic equivalent for the English term. For instance, the Amharic term ‘mawrəd’ refers to bring something down or to unload. However, the English term ‘download’ is preferred for its definiteness and precision in data analysis, leading to English borrowings in Amharic media.

Variation of expressions is another finding of the analysis, indicating stylistic motivation for the appearance of English terms in the Amharic media language. This mechanism provides the text with stylishness and cohesiveness. In this case, the same phenomenon was repeatedly expressed in both English and Amharic. Therefore, rather than using tedious repetition of words, the Amharic journalists preferred to use the English equivalents.

Литература

1. Bliss A. Globalization and language change in Chile (a look at the –ish languages and more) // Alicanto. 2011. Ed. 4, pp. 17-26.
2. Crystal D., Davy D. Investigating English style. 2016. London: Routledge. 278 p.
3. Ekström M. Research on media and democracy. Reflections on changes and challenges // Nordicom Review. № 29 (2), pp. 45-52.
4. Galinsky H. Stylistic aspects of linguistic borrowing: a stylistic and comparative view of American elements in modern German, and British English // Jahrbuch für Amerikastudien. 1963. Vol. 8, pp. 98-135.
5. Gentsch K. English borrowings in German newspaper language: motivations, frequencies and types, on the basis of the Frankfurter Allgemeine Zeitung, Muenchner Merkur, and Bild [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.tricolib.brynmawr.edu/bitstream/handle/10066/10344/Gentsch_thesis_2005.pdf?iAllowed=y&sequence=1 (дата обращения: 30.03.2023)
6. Miššiková G. Linguistic stylistics. 2003. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta. 126 p.

7. Pfitzner J. Der Anglizismus im Deutschen. Ein Beitrag zur Bestimmung seiner stilistischen Funktion in der heutigen Presse. 1978, Stuttgart: Metzler. 250 s.
8. Rodríguez González F. Functions of anglicisms in contemporary Spanish // Cahiers de lexicologie. 1996. Vol. 1. № 68, pp. 107-128.
9. Rudakova T.O. Anglo-American borrowing in the modern German language: reasons and factors determining its intensity // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2012. № 14 (249). С. 96-112.
10. Simpson P. Stylistics: a resource book for students. 2004. London: Psychology Press. 247 p.
11. Teferra A. Amharic: political and social effects on English loan words // Globally speaking: motives for adopting English vocabulary in other languages / Edited by: J. Rosenhouse, R. Kowner. 2008. Bristol: Multilingual Matters. 300 p.
12. Zulfıgar A. Stylistics and discourse analysis: a contribution in analyzing literature // Academy of the Punjab in North America. 2016.

References

1. Bliss A. Globalization and language change in Chile (a look at the –ish languages and more) // Alicanto. 2011. Ed. 4, pp. 17-26.
2. Crystal D., Davy D. Investigating English style. 2016. London: Routledge. 278 p.
3. Ekström M. Research on media and democracy. Reflections on changes and challenges // Nordicom Review. № 29 (2), pp. 45-52.
4. Galinsky H. Stylistic aspects of linguistic borrowing: a stylistic and comparative view of American elements in modern German, and British English // Jahrbuch für Amerikastudien. 1963. Vol. 8, pp. 98-135.
5. Gentsch K. English borrowings in German newspaper language: motivations, frequencies and types, on the basis of the *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Muenchner Merkur*, and *Bild* [Elektronnyi resurs]. Available at: https://scholarship.tricolib.brynmawr.edu/bitstream/handle/10066/10344/Gentsch_thesis_2005.pdf?isAllowed=y&sequence=1 (Accessed: 30.03.2023)
6. Miššiková G. Linguistic stylistics. 2003. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta. 126 p.
7. Pfitzner J. Der Anglizismus im Deutschen. Ein Beitrag zur Bestimmung seiner stilistischen Funktion in der heutigen Presse. 1978, Stuttgart: Metzler. 250 s.
8. Rodríguez González F. Functions of anglicisms in contemporary Spanish // Cahiers de lexicologie. 1996. Vol. 1. № 68, pp. 107-128.
9. Rudakova T.O. Anglo-American borrowing in the modern German language: reasons and factors determining its intensity // Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Filologichni nauki. 2012. № 14 (249), pp. 96-112.
10. Simpson P. Stylistics: a resource book for students. 2004. London: Psychology Press. 247 p.
11. Teferra A. Amharic: political and social effects on English loan words // Globally speaking: motives for adopting English vocabulary in other languages / Edited by: J. Rosenhouse, R. Kowner. 2008. Bristol: Multilingual Matters. 300 p.
12. Zulfıgar A. Stylistics and discourse analysis: a contribution in analyzing literature // Academy of the Punjab in North America. 2016.

Информация об авторах

Абебайеху Месселе Меконнен, кандидат филологических наук в области клинической

Меконнен А.М., Хуссиен Э.
Стилистическая мотивированность при использовании
языка амхарских СМИ
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 38–56.

Mekonnen A.M., Hussien E.
Stylistic Motivation in Amharic Media Language Use
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 38–56.

лингвистики, доцент кафедры лингвистики, Аддис-Абебский университет, г. Аддис-Абеба, Эфиопия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2159-4632>, e-mail: abity123@gmail.com

Элиас Хуссиен, магистр, кафедра английского языка, Аддис-Абебский университет науки и технологий, г. Аддис-Абеба, Эфиопия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2206-4865>, e-mail: eheliash60@gmail.com

Information about the authors

Abebayehu Messele Mekonnen, PhD in Clinical Linguistics, Assistant Professor, Department of Linguistics, Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2159-4632>, e-mail: abity123@gmail.com

Elias Hussien, MA, Department of English, Addis Ababa Science and Technology University, Addis Ababa, Ethiopia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2206-4865>, e-mail: eheliash60@gmail.com

Получена 01.06.2023
Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023
Accepted 15.06.2023

Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинаризма

Аверюшкин А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Канель И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Начало XX века ознаменовалось переориентацией философского мышления в область языка, знаков и их смыслов. Эта перемена противостояла метафизическому и рационалистическому стилю мысли классической философии, в центре внимания которой был разум, выраженный в «Cogito, ergo sum» Декарта. Язык, как и культура, дает возможность понять сущность происходящих явлений; слово — ключ к постижению истины, способный объединять народы и разрушать цивилизации. Культура также стала предметом многочисленных исследований в XX веке, рассматриваемая в разных аспектах, включая биологию и психологию. Б. Малиновский, на которого оказали влияние идеи «психологии народов» (Völkerpsychologie) В. Вундта, считал, что для полноты понимания смысла слов и выражений крайне важно изучать местный язык и культуру. Он утверждал, что истинное значение слова может быть раскрыто только в контексте других слов, а также предложил свой подход к вопросу о процессе перевода. Введенный Малиновским термин «контекст ситуации» стал ключевым понятием в системно-функциональной лингвистике.

Ключевые слова: философия культуры, психология, лингвистика, перевод, контекст ситуации, Бронислав Малиновский, концепция Völkerpsychologie, Вильгельм Вундт.

Для цитаты: *Аверюшкин А.Н., Канель И.В.* Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинаризма [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64. DOI:10.17759/langt.2023100205

Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity

Aleksandr N. Averyushkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Irina V. Kanel

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

A shift in philosophical thinking towards language, signs and their meanings marked an early 20th century. It was a contrast to the metaphysical and rationalist thought style of classical philosophy, centred on reason as expressed in Descartes' «Cogito, ergo sum». Language, like culture, reveals the essence of what is happening; the word is the key to understanding the truth that can unite peoples and destroy civilizations. In 20th century, too, culture continued to be studied from various angles, including biological and psychological. Influenced by W. Wundt's ideas on folk psychology (Völkerpsychologie), B. Malinowski considered it crucial to explore the local language and culture to discover the full meaning of words and expressions. He argued that the true meaning of a word could only be seen by contextualizing it with other words, and offered his own approach to translating. Malinowski's term «situational context» became a key concept in functional linguistics.

Keywords: philosophy of culture, psychology, linguistics, translation, situational context, Bronisław Malinowski, Völkerpsychologie concept, Wilhelm Wundt.

For citation: Averyushkin A.N., Kanel I.V. Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64. DOI:10.17759/langt.2023100205 (In Russ.).

Актуальность вопроса о связи языка и реального мира возросла в начале XX века после того как в философии произошел «лингвистический поворот», ознаменовавший тенденцию к изменению метафизического и рационалистического мышления классической философии в сторону неклассической, нацеленной на язык, анализ знаков и смысловых значений — вместо разума, выраженного Декартом как «Cogito, ergo sum». На изучении этого самого разума сосредоточились более ранние теории. Современная эпоха, в свою очередь, характеризуется антропоцентричностью, интерактивностью и отрицанием, но в то же время и стремлением к поиску смыслов [13].

Философия, согласно концепции Уильяма Джеймса [20], выражает себя в языке через его парадигму. Вербальные, синтаксические и иные языковые формы служат неким «зеркалом», в котором отражаются культура и психология. Некоторые положения эссенциалистской линии Платона и его предшественников (Парменида и Гераклита) подтверждают данную мысль. Например, язык первичен по отношению к мышлению [12] и детерминирует его; в настоящее время (XXI веке) он рассматривается в более широком смысле, как культурный

код любой нации [2]. Кроме того, мы познаем присущую окружающим нас вещам сущность именно через язык: ключ к постижению истины — слово, «*способное объединять народы и разрушать цивилизации*», по выражению А.А. Мурадян [14]. Правда, американский философ Уиллард Ван Орман Куайн заметил, что «*истина как таковая зависит как от языка, так и от экстралингвистических фактов*» [9].

Существует и противоположная эссенциалистской линия — *номиналистская*, сторонники которой больше склоняются в сторону рационализма и эмпиризма; концепция номиналистов также заключается в следующем: знания делятся на **синтетические** (знания о мире) и **аналитические** (знания о терминах или же о языке) [17].

Причинами вышеупомянутого «лингвистического поворота» в философии являются и социальные, национальные и общекультурные факторы [4]. Лингвистику, без сомнения, многие отнесут к гуманитарным наукам; однако, по словам французско-бельгийского этнолога, социолога, философа и культуролога Клода Леви-Стросса, она принадлежит к числу социальных наук и «*занимает, тем не менее, среди них исключительное место <...> она не является такой же социальной наукой, как другие, уже потому, что достигнутые ею успехи превосходят достижения остальных социальных наук*» [10]. Среди всех прочих наук Леви-Стросс отдает предпочтение именно лингвистике, поскольку ей «*удалось выработать позитивный метод и установить природу изучаемых ею явлений*» [10].

Еще раз подчеркнем взаимосвязь языка, философии и психологии [17]; добавим к этой триаде новый ожидаемый элемент — культуру — или, вернее, объединим два в одном, получив философию культуры. Элемент этот немаловажен, если судить с позиций экспириентной теории: она гласит, что культура является социально значимым опытом, передающимся от предков к потомкам с помощью примера, показа и языка [15].

Это прямое доказательство связи культуры с лингвистикой; однако нелишним было бы прояснить роль, которую она играет в обществе. В XX веке в стремлении расставить все точки над *i* в этом вопросе было сломано немало копий различными исследователями — как в отечественной культурологической мысли, так и в зарубежной [1]. Культура рассматривалась даже с точки зрения биологии и психологии. Так, британский антрополог польского происхождения Бронислав Каспер Малиновский (1884-1942) полагал, что основной функцией любой культуры является удовлетворение психологических и биологических потребностей личности. Экспрессивный компонент культуры — религия [8], магия, искусство, игра — и тот анализируется с позиций утилитаризма. По мнению Малиновского, магию можно назвать прагматической попыткой человека исполнить свои желания либо удовлетворить потребности; но все же, утверждал он, полноценно понять суть ряда магических обрядов/ритуалов невозможно без хорошего знания местного языка. Однако знать язык — не единственное, что важно для лучшего понимания смысла слова/высказывания [11]: следует всесторонне ознакомиться с обычаями, социальной психологией, племенной организацией народа, говорящего на данном языке [3].

Изучая язык аборигенов — жителей Тробрианских островов и Новой Гвинеи — за время своего проживания среди них, ученый обосновал целесообразность перевода знакомых слов на английский язык и дал подробные комментарии по поводу переводческого процесса в «Аргонавтах западной части Тихого океана» («Argonauts of the Western Pacific») на примере отрывка из статьи «The Tolabwaga Sub-clan and their Sea-faring Privileges» (рис. 1). Британский лингвист Джон Руперт Ферс рассматривал подход Малиновского в четыре этапа [19]:

1. Подстрочный перевод слово-в-слово, *вербальный, буквальный* («an interlinear word-for-word translation», *verbal, literal*) [22];
2. «Свободный перевод» на «разговорный английский» («running English»);
3. Сравнение буквального перевода со свободным;
4. Комментарий, подытоживающий расхождения между этими двумя видами перевода.

Был сделан следующий вывод: **полное значение слова может быть выявлено лишь в контексте других слов.**

THE TOLABWAGA SUB-CLAN AND THEIR SEA-FARING PRIVILEGES

<i>I Bikugwo,</i> I He might be first	<i>ikapusi</i> he fall down (it is launched)	<i>siwaga</i> their canoe	
<i>Tolabwaga,</i> Tolabwaga,	<i>boge</i> already	<i>bimilakatile</i> he might be clear	<i>bwarita.</i> sea.

Рис. 1. Перевод устной речи коренного населения, сделанный Малиновским

Отсюда появился новый термин — «контекст ситуации», который Малиновский обозначил как *взаимодополняющие отношения между вербальными и невербальными аспектами процесса коммуникации*, а также рассматривал как фундаментальный элемент при изучении культур различных этнических групп. Об этом он писал в своей монографии «Коралловые сады и их магия» («Coral Gardens and Their Magic»): «*Лингвисты должны однажды покинуть свою двухмерную вселенную, состоящую из свитков пергамента и клочков бумаги* («à deux dimensions, fait de parchemins et de bouts de papiers» — такую цитату приводит французский ученый Бруно Амбруаз [18]), *и выйти на место событий, чтобы понять живую речь в контексте их реальных ситуаций*» [21]. Во многом благодаря пониманию культуры народа и его языка как неотделимых друг от друга и взаимосвязанных звеньев единой системы, сложившейся под влиянием контекста ситуации, исследователь смог разобраться в хитросплетениях происходивших в то время социальных процессов — это относится не только к тробрианскому обществу, но и ко многим другим. *Контекст ситуации*, наряду с *контекстом культуры* [16], стал ключевым понятием в зародившейся благодаря австралийскому ученому британского происхождения Майклу Халлидею в середине XX века **системно-функциональной лингвистике** [6].

Также одним из направлений исследования культур является так называемая «психология народов», основоположниками которой являлись немецкие философы Хейман Штейнталь (1823-1899) и Мориц Лацарус (1824-1903); «*язык наиболее ярко иллюстрирует все принципы психологии народов*», считал Штейнталь [23]. Помимо этих двух исследователей, свой огромный вклад в развитие данной дисциплины внес психолог Вильгельм Максимилиан Вундт (1832-1920). С его точки зрения, народное сознание в концепции *Völkerpsychologie* («*психологии народов*») [5] — это не что иное, как единство сознаний отдельных индивидов, следствием которого становится новая реальность, выраженная в актах надындивидуальной или надличностной деятельности — в **языке** (ему

Аверюшкин А.Н., Канель И.В.
Триада «философия культуры — психология —
лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в
аспекте интердисциплинарности
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64.

Averyushkin A.N., Kanel I.V.
Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics
Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards
Interdisciplinarity
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64.

соответствуют *представления* как область индивидуальной психологии), *мифах* (им соответствуют *чувства*), *религии*, *обычаях* (им — *воля*). Вундт предлагал эмпирически исследовать язык мифов и ритуалов народа [7]. Возвращаясь к Малиновскому, заметим, что именно идеи Вундта оказали сильное влияние на его дальнейшую научную деятельность за два года обучения в Лейпцигском университете.

Таким образом, мы видим, что концепция функционализма культуры Бронислава Малиновского, несмотря на решительную критику в научных кругах того времени, отличается междисциплинарностью, поскольку в своих исследованиях ученый обращался к данным и методам самых разных отраслей знания — социологии, философии, культурологии, лингвистики, психологии и т.д. Это свидетельствует о неоспоримой оригинальности научных взглядов исследователя, не ограниченного рамками единственной специализации.

Литература

1. Аверюшкин А.Н. Проблема исторической теории в когнитивной практике и методологической рефлексии в XX столетии: дисс. ... канд. филос. наук. 2005. М. 132 с.
2. Аверюшкин А.Н. Философские проблемы искусственного интеллекта в эпоху модернизации современного образования // Нейрокомпьютеры и их применение: XVII Всероссийская научная конференция. Тезисы докладов, Москва, 19 марта 2019 года. 2019. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет. С. 420-А.
3. Беляев А.С. Ситуативность как один из важнейших элементов этнографической теории языка Б. Малиновского // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. 2018. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». С. 149-153.
4. Васильев В.А. Лингвистический поворот в философии [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 172-181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-povorot-v-filosofii> (дата обращения: 27.05.2023)
5. Вундт В. Психология народов. Серия: Антология мысли. 2002. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica. 864 с.
6. Гаврилова Ю.В. Системно-функциональное направление в лингвистике Майкла Халлидея // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 16-21.
7. Григорьева И.В. Концепты «менталитет» и «этнос» в контексте изучения межэтнического диалога [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2011. Том I (Гуманитарные науки). № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-mentalitet-i-etnos-v-kontekste-izucheniya-mezhetnicheskogo-dialoga> (дата обращения: 27.05.2023)
8. Канель И.В. Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 44-51. DOI: 10.17759/langt.2022090405
9. Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // Слово и объект / Перевод с англ. А.З. Черняк. 2000. М.: Логос, Праксис. 386 с.
10. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Перевод с французского В.В. Иванова. 2001. М.: ЭКСМО-Пресс. 512 с.

Аверюшкин А.Н., Канель И.В.
Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинарности
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64.

Averyushkin A.N., Kanel I.V.
Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics
Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64.

11. *Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н.* Значение и смысл текста учебников как фактор формирования профессионального мировоззрения и методологической культуры мышления у студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 168-177. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-168-177
12. *Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н.* Философский взгляд на язык как средство и способ реализации [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 3. С. 35-42. DOI: 10.17759/langt.2019060304
13. *Мурадян А.А.* Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 99-106. DOI: 10.17759/langt.2020070408
14. *Мурадян А.А.* Стратегическая модель репрезентации оппозиции «свой-чужой» в контексте политического выступления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 68-73.
15. *Семенов Ю.И.* Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). 2003. М.: Современные тетради. 776 с.
16. *Симонова С.А., Аверюшкин А.Н.* К вопросу об эстетизации современной культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Том 24. № 85. С. 73-77. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-73-77
17. *Чернобров А.А.* Философско-методологические основы лингвистики [Электронный ресурс] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-metodologicheskie-osnovy-lingvistiki> (дата обращения: 27.05.2023)
18. *Ambroise B.* De l'action du discours: le concept de speech act au prisme de ses histoires. 2018. London: ISTE Editions Ltd. 318 p.
19. *Firth J.R.* Ethnographic analysis and language with reference to Malinowski's views // Selected papers of J.R. Firth, 1952-1959. 1968. Bloomington, IN: Indiana University Press, pp. 137-167.
20. *James W.* Pragmatism: a new name for some old ways of thinking. 2003. New York: Barnes & Noble. 142 p.
21. *Malinowski B.K.* Coral gardens and their magic. Volume 1: a study of the methods of tilling the soil and of agricultural rites in the Trobriand islands. 1978. Mineola (NY): Dover Publications. 350 p.
22. *Malinowski B.K.* Coral gardens and their magic. Volume II: the description of gardening. 1935. London: Routledge. 610 p. DOI: 10.4324/9781315888842
23. *Steinthal H.* Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander. 1855. Berlin: F. Dümmler. 432 s.

References

1. Averyushkin A.N. Problema istoricheskoi teorii v kognitivnoi praktike i metodologicheskoi refleksii v XX stoletii: diss. ... kand. filol. nauk. 2005. Moscow. 132 p. (In Russ.).
2. Averyushkin A.N. Filosofskie problemy iskusstvennogo intellekta v epokhu modernizatsii sovremennogo obrazovaniya // Neurokomp'yutery i ikh primenenie: XVII Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya. Tezisy dokladov, Moskva, 19 marta 2019 goda. 2019. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet, p. 420-A (In Russ.).
3. Belyaev A.S. Situativnost' kak odin iz vazhneishikh elementov etnograficheskoi teorii yazyka B. Malinovskogo // Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statei XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.

Аверюшкин А.Н., Канель И.В.
Триада «философия культуры — психология —
лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в
аспекте интердисциплинарности
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64.

Averyushkin A.N., Kanel I.V.
Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics
Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards
Interdisciplinarity
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64.

- V 2 ch. Ch. 1. 2018. Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie», pp. 149-153 (In Russ.).
4. Vasil'ev V.A. Lingvisticheskii povorot v filosofii [Elektronnyi resurs] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 1 (768), pp. 172-181. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskii-povorot-v-filosofii> (Accessed: 27.05.2023) (In Russ.).
 5. Vundt V. Psikhologiya narodov. Seriya: Antologiya mysli. 2002. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Terra Fantastica. 864 p. (In Russ.).
 6. Gavrilova Yu.V. Sistemno-funktsional'noe napravlenie v lingvistike Maikla Khallideya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2014. № 3, pp. 16-21 (In Russ.).
 7. Grigor'eva I.V. Kontsepty «mentalitet» i «etnos» v kontekste izucheniya mezhetnicheskogo dialoga [Elektronnyi resurs] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2011. Tom I (Gumanitarnye nauki). № 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-mentalitet-i-etnos-v-kontekste-izucheniya-mezhetnicheskogo-dialoga> (Accessed: 27.05.2023) (In Russ.).
 8. Kanel I.V. Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 44–51. DOI: 10.17759/langt.2022090405
 9. Kuain U. V. O. Dve dogmy empirizma [Two Dogmas of Empiricism] // Slovo i ob"ekt / Perevod s angl. A.Z. Chernyak. 2000. Moscow: Logos, Praksis. 386 p. (In Russ.).
 10. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya / Perevod s frantsuzskogo V.V. Ivanova. 2001. Moscow: EKSMO-Press. 512 p. (In Russ.).
 11. Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. Znachenie i smysl teksta uchebnikov kak faktor formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya i metodologicheskoi kul'tury myshleniya u studentov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 4, pp. 168-177. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-168-177 (In Russ.).
 12. Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. Philosophical view of language as a means and way of implementing practice-oriented education in the university [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 3, pp. 35–42. DOI: 10.17759/langt.2019060304. (In Russ.)
 13. Muradyan A.A. Political Discourse Through Literary Quotations [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 4, pp. 99–106. DOI: 10.17759/langt.2020070408. (In Russ.)
 14. Muradyan A.A. Strategicheskaya model' reprezentatsii oppozitsii «svoi-chuzhoi» v kontekste politicheskogo vystupleniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2016. № 3, pp. 68-73 (In Russ.).
 15. Semenov Yu.I. Filosofiya istorii (obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei). 2003. Moscow: Sovremennye tetradi. 776 p. (In Russ.).
 16. Simonova S.A., Averyushkin A.N. K voprosu ob estetizatsii sovremennoi kul'tury // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2022. Tom 24. № 85, pp. 73-77. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-73-77 (In Russ.).
 17. Chernobrov A.A. Filosofsko-metodologicheskie osnovy lingvistiki [Elektronnyi resurs] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. № 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-metodologicheskie-osnovy-lingvistiki> (Accessed: 27.05.2023) (In Russ.).
 18. Ambroise B. De l'action du discours: le concept de speech act au prisme de ses histoires. 2018.

Аверюшкин А.Н., Канель И.В.
Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинарности
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64.

Averyushkin A.N., Kanel I.V.
Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics
Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64.

London: ISTE Editions Ltd. 318 p.

19. Firth J.R. Ethnographic analysis and language with reference to Malinowski's views // Selected papers of J.R. Firth, 1952-1959. 1968. Bloomington, IN: Indiana University Press, pp. 137-167.

20. James W. Pragmatism: a new name for some old ways of thinking. 2003. New York: Barnes & Noble. 142 p.

21. Malinowski B.K. Coral gardens and their magic. Volume 1: a study of the methods of tilling the soil and of agricultural rites in the Trobriand islands. 1978. Mineola (NY): Dover Publications. 350 p.

22. Malinowski B.K. Coral gardens and their magic. Volume II: the description of gardening. 1935. London: Routledge. 610 p. DOI: 10.4324/9781315888842

23. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander. 1855. Berlin: F. Dümmler. 432 s.

Информация об авторах

Аверюшкин Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и гуманитарные науки», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Канель Ирина Валерьевна, магистр лингвистики, кафедра «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr N. Averyushkin, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Humanities, Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Irina V. Kanel, MA in Linguistics, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Получена 01.06.2023

Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023

Accepted 15.06.2023

Вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой

Куличева Е.В.

ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

Цель исследования — выявление средств вербализации концепта «ЖЕЛАНИЕ» как носителей семы ‘желание’, проявляющейся в лексическом значении или в качестве ядерной, или периферийной в прозе 1950–1960 гг. Ф.А. Вигдоровой. Установлено, что вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» представлены различными частями речи (с преобладанием глагольной лексики), которые характеризуют чувства героев, их психологическое состояние, транслируют нравственные установки, стремления, отражают социальное положение людей, живших в 1920-1950 гг., демонстрируют педагогические, аксиологические, прагматические взгляды писательницы. Актуальность работы обусловлена вниманием ученых (Ю.С. Степанов, П.А. Лекант, Е.В. Алтабаева, С.В. Мастерских, Н.Н. Орлова и др.) к изучению категории оптативности с точки зрения антропоцентрического подхода в лингвистике, новизна — ее неизученностью в художественных текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой. В статье рассматривается концепт «ЖЕЛАНИЕ» в качестве единицы концептосферы Ф.А. Вигдоровой, что дает возможность расширить представление об идиолекте и прагматиконе писательницы как языковой личности.

Ключевые слова: оптативность, вербализатор, концепт, сема, полисемант, желание, идиостиль, язык произведений Ф.А. Вигдоровой.

Для цитаты: Куличева Е.В. Вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 65–77. DOI:10.17759/langt.2023100206

Verbalizers of the Concept «DESIRE» in Prose of 1950-1960 by F.A. Vigdorova

Evgenia V. Kulicheva

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

The purpose of the study is to identify the means of verbalization of the concept of «DESIRE» as carriers of the seme ‘desire’, manifested in lexical meaning or as nuclear or peripheral in the prose of 1950-1960 by F.A. Vigdorova. It is established

that the verbalizers of the concept «DESIRE» are represented by various parts of speech (with a predominance of verbal vocabulary), which characterize the feelings of the characters, their psychological state, convey moral attitudes, aspirations, reflect the social status of people who lived in 1920-1950, demonstrate pedagogical, axiological, pragmatic views of the writer. The relevance of the work is due to the attention of scientists (Yu.S. Stepanov, P.A. Lekant, E.V. Altabaeva, S.V. Masterskikh, N.N. Orlova et al.) to the study of the category of optativity from the point of view of the anthropocentric approach in linguistics, the novelty is its unexplored in the literary texts of 1950-1960 by F.A. Vigdorova. The article considers the concept of «DESIRE» as a unit of the conceptual sphere of F.A. Vigdorova, which makes it possible to expand the idea of the idiolect and pragmatics of the writer as a linguistic personality.

Keywords: optativity, verbalizer, concept, seme, polysemant, desire, idiostyle, language of F.A. Vigdorova's works.

For citation: Kulicheva E.V. Verbalizers of the Concept «DESIRE» in Prose of 1950-1960 by F.A. Vigdorova. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 65–77. DOI:10.17759/langt.2023100206 (In Russ.).

Введение

Цель исследования — описать средства вербализации концепта «ЖЕЛАНИЕ» как носителей семы ‘желание’, которая проявляется в лексическом значении или в качестве ядерной или периферийной в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой, для чего необходимо решить следующие **задачи**: установить частотность употребления лексемы *желание* и других экспликаторов концепта, рассмотреть их лексикографические характеристики, проанализировать полевую структуру концепта «ЖЕЛАНИЕ».

Научная новизна статьи состоит в том, что впервые предпринята попытка описать средства вербализации концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой. **Актуальность исследования** обусловлена тем, что концепт «ЖЕЛАНИЕ» служит источником представлений об особенностях отражения языковой картины мира в художественных текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой; он рассматривается с антропоцентрической точки зрения в текстах писательницы.

В работе применялись такие **методы исследования** как лингвистическое наблюдение, описание, интерпретация, статистический подсчет, элементы компонентного анализа.

К вопросу о разработке категории оптативности обращались ученые: Н.Д. Арутюнова [14], Ю.Д. Апресян [13], Ю.С. Степанов [34], П.А. Лекант [27, 28], Е.В. Алтабаева [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12], В.В. Леденева [25, 26], С.В. Мастерских [29, 30], Н.Н. Орлова [33], О.Е. Орлова [31, 32], М.В. Колосова [22], О.Е. Грива, Л.В. Попова [20], В.Н. Шашкова [37], И.Г. Родионова [35], В.Д. Кравцова, М.М. Гераськова [24], чьи труды послужили **теоретической** основой для исследования.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы преподавателями высшей школы при подготовке лекций, практических занятий по стилистике, лингвокультурологии, теории и истории языка художественной литературы.

Состав ядра концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой

Как справедливо отметила Е.В. Алтабаева, средства выражения желательной семантики

представляют собой полевою структуру (ядерно-периферийную) [2].

В состав ядра концепта «ЖЕЛАНИЕ» входят его экспликативы — единицы словообразовательного гнезда с вершиной *желать*, однако, как указали Ю.С. Степанов, Е.В. Алтабаева, с исторической точки зрения «...наилучшим языковым выражением концепта 'Желание, хотение' является форма 1-го лица глагола — *Хочу*» [34, с. 314]; [см.: Алтабаева 2007; 2008; 2009; Апресян 1995; Колосова 2013], [ср.: 25, с. 181].

Глагол *хотеть* («Иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-н.» [36]) в текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой частотный, как и в узусе (*хотеть* — 861 употребление, *хотеться* / *хочется* — 205, *захотеть* — 57, *захотеться* — 15): *Я хотела сказать ей еще что-то* [18]; *Раньше я не хотел тебя тревожить* [19].

Лексема *желание* используется писательницей 28 раз в основных узуальных значениях с актуальными дифференциальными семами: 'внутреннее стремление' [36], 'наличие желания у субъекта' (*У них появляются другие мысли, другие желания* <...> [15]), а в отрицательных конструкциях — 'отсутствие стремления к чему-нибудь', 'отсутствие желания у субъекта' (<...> *у Леши не было желания заниматься в комендатуре* <...> [16]).

Модальное имя с семантикой желательности (*желание*) в данных бытийных предложениях выполняет различные синтаксические функции. В первом предложении *желание* — именительного падежа, подлежащее, синтаксический субъект. Во втором предложении модальное имя — родительного падежа, синтаксический объект.

В прозе Ф.А. Вигдоровой, яркой идиостилевой чертой которой является преобладание разговорной лексики, частотны, как и в узусе, предложения с семантикой 'отсутствие желания', которые состоят из предикативной основы — отрицательного слова *не* с модальным именем желательности: *Я не желаю слышать, что говорит Коля Зимарев* [16]; *Не желаю больше об этом думать* [15].

Предложения с модальным именем желательности выражают внутренний мир человека (см. [14], [1], [33]), транслируют физическое и психологическое состояние героев текстов (<...> *недосып был долгим, мучительным и желание забыться сном хоть на минуту* <...> [18]), их нравственные ориентиры и устремления (*На лице у Лиды мгновенно сменяются волнение, страх* <...> и *желание непременно помочь* [19]).

Слово *желание*, помимо эксплицитных смысловых компонентов, раскрывает и имплицитные: 'воля' (<...> *все зависит от нас, <...> от нашего доброго желания* <...> [15]), 'стремление', 'намерение', 'решимость' (<...> *когда появятся у нас общие цели и общие мысли, общая радость и общие желания, — вот тогда-то можно будет сказать: коллектив есть!* [15]), 'увлечение' (*Теперь это уже не только твое желание — это твоя обязанность* [15]), 'потребность', 'цель' (*чтоб учеба стало для ребят радостью, чтоб или они в школу <...> с нетерпеливым желанием узнавать день ото дня все больше* [15]), 'склонность', 'призвание' (*С детьми без желания работать нельзя* [16]), 'эгоизм', 'амбиции' (*В центре Вселенной уже не стоял сам он, Митька Король, со своими обидами, желаниями, самолюбием* [19]).

Лексема *желание* используется в текстах и с положительно-оценочной коннотацией, и с отрицательно-оценочной — с преобладанием первой.

Положительно-оценочные смысловые компоненты слова *желание* транслируют взгляды писательницы: аксиологические (о таинстве рождения как удивительном, радостном событии в жизни, заставляющем по-новому посмотреть на мир: *Странно, неужто сегодня жизнь на*

земле та же, что и вчера, и у людей те же заботы, **желания**? [17]), педагогические (о призвании учителя, его целях, задачах, о воспитании, о личном примере: <...> *сидя вдвоем с Антоном Семеновичем в затихшем кабинете, я не желал себе иной доли: только работать рядом с ним, и помогать ему, и постоянно учиться у него* [15]); демонстрируют социальное положение малоимущих семей, стремящихся к тому, чтобы их дети ни в чем не нуждались (<...> *о желаниях, чтобы сын ходил не хуже других* [19]).

Отрицательно-оценочные коннотации слова *желание* писательница использует для того, чтобы показать духовное преображение героев, осмысление ими прошлого. Так, ироничное отношение Дмитрия Поливанова к соседке, за внешней красотой которой скрывается холодность, раздражительность, капризность, имплицитно выражает его горькую насмешку над собой, поскольку совсем недавно ему нравились именно такие женщины, как соседка, внешне ухоженные, статные, но не умеющие любить, бездуховные (*Что-то было в этой женщине вызывавшее не то улыбку, не то желание пошутить* [16]). С помощью слова *желание* писательница описывает эмоциональное состояние героя Леши, которым в минуту опасности овладел страх, когда он осознал, что смертен (*Где-то в самой глубине души встрепенувшееся желание защитит, сберечь себя притупилось, ушло* [16]); дает отрицательно-оценочную психологическую портретную характеристику воспитаннику Якушеву (*Но он так любил свое, так берег, что это легко могло перейти в желание прихватить, урвать* [19]); выражает негативное отношение к учителям, не желающим заниматься воспитанием ребят, к их равнодушию (*На уроках не слушал, на переменах дрался, и учительница Клавдия Васильевна не имела ни малейшего желания искать какие-то там подходы <...>* [18]).

В художественных текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой, по данным сплошной выборки, словообразовательное гнездо с вершиной *желать* по частотности представлено следующим образом: *желать* (38), *желание* (28 употреблений), *желаю* (12), *пожелать* (11), *доброжелательный* (6), *доброжелательно* (5), *пожелание* (3), *желающий* (2), *доброжелателен* (2), *желаемый* (1), *благожелатель* (1), *недоброжелательный* (1), *недоброжелателен* (1), *недоброжелательно* (1), *благожелательно* (1): *Твое пожелание учтено, слушай...* [16] («высказанное, выраженное желание чего-нибудь (преим. приятного, доброго)» [36]); *Один хочет орденов, желает прославиться <...>* [18] («иметь внутреннее стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь, хотеть (книжн.)» [36]); *Я желаю вам счастья <...>* [16] («высказывать или делать какие-нибудь пожелания» [36]); ... *райсовет и районная милиция, не желающие вмешаться, когда речь идет о явном беззаконии <...>* [16] (прич. наст. от *желать* [21]); <...> *редакция предлагает всем желающим высказаться — можно ли использовать в обычной школе педагогическое наследство А.С. Макаренко?* [19] (в знач. сущ. *желающие*, мн., «те, кто желает получить что-л., принять участие в чем-л.» [21]).

Средствами выражения концепта «ЖЕЛАНИЕ» в текстах Ф.А. Вигдоровой выступают почти все самостоятельные части речи: существительные, прилагательные, глаголы, включая причастия и деепричастия, наречия, выражающие эксплицитные и имплицитные смысловые компоненты, имеющие положительно-оценочную коннотацию (*доброжелателен, благожелательно*) и отрицательно-оценочную (*недоброжелательный, недоброжелателен, недоброжелательно*). Наиболее частотны в произведениях, как и в узусе, глаголы, особенно *хотеть, желать*, поскольку они входят в состав ядра средств экспликации желательной модальности с ярко выраженной семантикой желательности по сравнению с другими глаголами, выражающими дополнительные семантические компоненты (*требовать* —

семантический компонент намерения; *жаждать* — сильное, страстное желание; *мечтать* — сильно желать чего-л., *предложить* — заявить о желании).

Слова с семантикой желательности в произведениях демонстрируют желание чего-нибудь, внутреннее стремление к чему-нибудь, какие-либо пожелания, указывают на лицо, используются для описания внутреннего мира героев, их устремленности, деталей советской эпохи, в частности, социальной сферы жизни: бездействию, халатном, формальном отношении органов власти к незащитной восьмидесятилетней Варваре Герасимовне, которую соседка выселила из комнаты; неоднозначном отношении к педагогической деятельности А.С. Макаренко. По справедливому заключению Е.В. Алтабаевой, «для характеристики 'желания' как фундаментальной единицы славянского менталитета свойственна разнообразная вербальная репрезентация концепта» [7, с. 257; 25, с. 3].

Околоядерная и периферийная зоны концепта «ЖЕЛАНИЕ» в произведениях 1950–1960 гг. Ф. А. Вигдоровой

Гиперсема 'желать' ('желание') / 'хотеть' ('хочу') концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой объединяет большинство лексем с семантикой желательности, образующих синонимические ряды, выступающих как гипонимы, члены лексико-семантической группы, конкретизирующие представления о чувствах героев, как ближайшую к ядру зону. Они обобщены родовым словом *желание*: *охота*, *неохота*, *выразитель*, *просьба*, *зависть*, *мечта*; *жаждать*, *хотеть*, *требовать*, *предложить*; *охотно*, *нехотя*, *неохотно*, *завистливо*.

Средства выражения концепта «ЖЕЛАНИЕ» в художественных текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой представлены различными частями речи, которые указывают на разную степень нарастания интенсивности желания, образуя градосемы (термин Колесниковой С.М.) 'сильный', 'страстный', указывающие на интенсивность желания, и выражая дифференцирующие компоненты значения 'степень', 'сила' [25, с. 3]: глаголы *жаждать* (книжн., перен. «испытывать сильное желание, страстно хотеть» [36]: <...> *этот человек полон ненависти и жаждет гибели чуть ли не половины редакции* [16]); *хотеть* («иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-н.» [36]: *Катя вечно хотела спать* [17]). Наречие *охотно* (разг.), по справедливому замечанию В.В. Леденевой, выражает высокую степень желания, актуализирует семы 'большое желание', 'удовольствие' [25, с. 3]. Оно наделено мелиоративной окраской: *Охотно поет, не стесняется* [17].

Существительное *охота* используется в значении 'желание', омонимичный предикатив *охота* употребляется в произведении в значении сказуемого 'хочется', имеет разговорную, просторечную окраску, указывает на сильное желание героев чего-либо, несет мелиоративную оценку (*В баню охота* <...> [15]) и, с другой стороны, пейоративную (*Да я на вашу хозяйку поглядел – сразу удавиться охота...* [17]), выражая негативное отношение Лешки к зажиточной хозяйке квартиры, олицетворяющей собой беззаботную сытую жизнь в тылу, противопоставленную военной. Интенция писательницы заключалась в стремлении показать, как в трудное для страны время люди жертвуют собой ради родных, близких людей, ради сохранения страны, ее целостности (такие запечатлены в образах Андрея, Саши, Лешки, Поливанова и др.). В произведениях наблюдается их духовное преображение, переосмысление ими действительности, простых человеческих ценностей — любви, семьи, дружбы, жизни. Так, стыдно Леше в безопасности, сытости в то время, когда его товарищи проливают кровь друг за друга, за семью, за Родину. Другие персонажи книг, подобные хозяйке квартиры, думают лишь о своем благополучии, достатке, что страшно и губительно для государства.

На слабую (вплоть до отсутствия) степень желания указывает предикатив *неохота* («в знач. сказуемого. Не хочется» [36]: *Он почти не смотрит по сторонам, не командует, ему неохота отрываться от дела* [19]), на отсутствие желания — наречие *нехотя* (разг. «без желания, неохотно» [36]: *Потом встает и нехотя, медленно, словно раздумывая — не вернуться ли, уходит к себе* [16]).

В текстах встречаются антонимические лексемы: предикативы *охота* — *неохота* (*Старого поминать нельзя, не то человеку станет казаться, что никогда он не развяжется с прежними грехами, и неохота ему будет начинать новую жизнь* [19] — ‘не хочется’, ‘нет желания’; *Вот она, задача: чтоб учебе стало для ребят радостью, чтоб шли они в школу не по обязанности, а с охотой, с нетерпеливым желанием узнавать день ото дня все больше* [15] — ‘желание’, ‘стремление’); наречия *охотно* — *неохотно* (*Охотно поет, не стесняется* [17] — ‘с большим желанием’, ‘с удовольствием’; *Даже поиграть во двор они теперь выходили неохотно* [19] — ‘против желания’). Писательница использует в произведениях данные лексемы для портретной характеристики, в частности, маленькой героини Ани — озорной, веселой, любознательной девочки; для трансляции своих педагогических, мировоззренческих взглядов, близких А.С. Макаренку: о задачах, которые стоят перед учителем, воспитателем; о необходимости прощать, не вспоминать о прошлых неблагоприятных поступках человека, чтобы дать ему возможность исправиться; о взаимопомощи (воспитанники детского дома с таким рвением и энтузиазмом учили Настю читать, что той даже не хотелось выходить во двор); для указания на желания и нежелания персонажей, отмечая тем самым разные характеры, взгляды, подчеркивая несовершенство и гибкость человеческой природы, способной к изменению.

Лексема *требовать* как полисемант функционирует в произведениях во 2 ЛСВ «предполагать наличие каких-н. качеств в ком-чем-н., желать, ожидать каких-н. действий от кого-чего-н., проявления каких-н. свойств» [36], выражает педагогические взгляды писательницы (об уважении к человеку как личности, терпении, дисциплине, системности воспитания: *Если уважать человека и требовать с него, если постоянно видеть в человеке человеческое и всем строем жизни, каждым днем и часом растить в нем именно человеческое, это не замедлит принести плоды* [15]), аксиологические установки (о призвании, долге: *Это было не то, о чем он мечтал, но это требовало хорошей головы, умения вести расчеты <...>* [17]).

Книжное слово *выразитель* Ф.А. Вигдорова использует для указания на лицо — того, «кто выражает, формулирует какую-нибудь идею, чьи-нибудь интересы, желания, мнения» [36], хотя слово может приобретать ироническую окраску: *... Дмитрий Поливанов — выразитель надежд и чаяний своего народа* [16]. Глагол *предложить* выступает во 2 ЛСВ «заявить о готовности или желании предоставить для чьего-нибудь употребления, в чье-нибудь распоряжение» [36]: *<...> Король предложил написать заметку в «Ленинские искры»* [15]; *<...> вообрази, что тебе предложили бы преподавать бокс* [16]. Предикативная (грамматическая) желательность представлена ирреально-модальной формой глагольного наклонения — сослагательного. Средства представления предикативной желательности указывают на отношение модального субъекта к потенциальному действию как к нежелательному, на отрицательное отношение героя Леши к новому месту работы жены Тани.

Слово *просьба* в текстах выражает чью-либо волю, направленную на выполнение кем-то чьего-либо желания, выступает в 1 ЛСВ «обращение к кому-н., призывающее удовлетворить какие-н. нужды, желания» [21]: *Просьба стучать* [16]. *У меня к вам просьба, Витя* [15].

Лексема *зависть* выступает в значении «чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого» [36], указывает на желание ребят иметь то, что есть у других людей, демонстрирует детское любопытство. Желание обладания имеет пейоративную окраску (*Вот, наверно, всего повидали! — с завистью говорят ребята* <...> [15]). Наречие *завистливо* («испытывать зависть») наделено дополнительными оттеночными значениями «восторга, восхищения» (*И мальчишеские ... лица <...> завистливо глядели на летчика <...>* [17]).

В заромбовой зоне словарной статьи лексикографических источников в качестве примера приводится устойчивое разговорное сочетание *на зависть* в значении «так (такой), что можно позавидовать» [21]. Писательница использует данную конструкцию (форму-идиому) в тексте для создания экспрессии, передачи мыслей, чувств работницы редакции с «голубенькими стеклянными глазками» [16] — глупой, кокетливой, недоброй женщины, за внешним дружелюбием которой скрывается зависть, равнодушие, стремление как можно больнее ранить главную героиню Сашу, намекнув ей на существование у Поливанова любовницы: *Так она одевается ну всем на зависть* [16].

Полисемант *мечта* используется в текстах в значении «предмет желаний, стремлений» (<...> *сбудется детская давнишняя мечта: лететь, спасти, выручить!* [17]). Глагол *мечтать* выступает в значении «представлять в воображении» [21] (*Там умели работать и учиться, дружить и мечтать <...>* [15]), в том числе в форме деепричастия *мечтая* — «сильно желать чего-л., стремиться к чему-л.» [21] (<...> *училась днем и ночью, мечтая только об одном, стремясь к одному: скорее на фронт* [17]), деепричастия *размечтавшись* — «предаться мечтам, увлечься мечтами» [36] (*Дядя Сурен <...>, размечтавшись, написал имя девушки, за которой он ухаживал в юности <...>* [17]), наречия *мечтательно* — «состояние того, кто мечтает» (<...> *говорил он мечтательно и умолкал* [17]). По справедливому замечанию В.В. Леденевой, лексема *мечта* вербализует «идею наличия высокой цели для желаний», что указывает на ее целевую составляющую в концептуальном содержании. Слово *мечта* называет мысленный образ, не имеющий границ, в том числе и ирреальный [25, с. 6].

В произведениях Ф.А. Вигдоровой околядерные единицы — вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» — несут смысловую нагрузку (положительно-оценочную или отрицательно-оценочную), указывают на прагматические, педагогические установки писательницы, выражают гедонистическую оценочность [25, с. 5], связанную со стремлением человека к лучшему, однако в значениях вербализаторов отмечается дифференцирующий аксиологический компонент и отрицательного характера.

На периферии полевой структуры концепта «ЖЕЛАНИЕ» находятся слова, в значениях которых «желание» — гипосема: *рад* («готовность», «желание»: *Я рад бы вскочить и пойти своим ходом* [19]); частица *бы* с нулевой формой связки *быть* указывает на условие для совершения действия: если бы Семен Карабанов после падения с лошади мог передвигаться самостоятельно, без помощи воспитанников, он бы непременно поднялся и пошел); *подарок* («предмет, вещь, которую по собственному желанию безвозмездно дают, преподносят, дарят кому-нибудь с целью доставить удовольствие, пользу» [36]. *Это тебе подарок* [19]; *Ты бы послал девочкам в Москву какой подарочек <...>* [16]). Автор использует слово с суффиксом субъективной оценки *-ек*, образующим в узусе имена существительные с уменьшительно-ласкательным значением, чтобы указать на доброжелательное отношение Веры Григорьевны к дочкам Поливанова, ее желание порадовать их чем-нибудь приятным. Речь характеризует героиню как простую женщину.

Использование писательницей в текстах ирреального наклонения указывает на дополнительные оттеночные смыслы в общей оптативной семантике предложений (*предложили бы преподавать* — значение предположительности, *послал бы подарочек* — значение обусловленности, совет, *рад бы вскочить* — значение условия, гипотетическая готовность, основанная на желании).

Средства вербализации концепта «ЖЕЛАНИЕ» в текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой входят в состав околядерной зоны концепта «ЖЕЛАНИЕ» и периферийной, актуализируя семы ‘сильное желание’, ‘большое желание’, ‘удовольствие’, ‘хочется’, ‘стремление’, ‘неохотно’, ‘указание на лицо, которое озвучивает желания’, ‘готовность, желание предоставить что-либо’, ‘обращение к кому-нибудь для удовлетворения желаний’, ‘чувство досады’, ‘предмет желаний’, ‘мысленный образ’, ‘готовность’. Экспликативы концепта «ЖЕЛАНИЕ» используются писательницей для портретной характеристики героев; с их помощью она стремилась подчеркнуть многогранность человеческой личности, которой свойственно стремление как к высоким целям, так и приземленным, будничным желаниям. Герои Лида, Король, Вера Григорьевна, Семен Карабанов, Андрей, Поливанов, Леша, Татьяна Сергеевна, Саша воплощают искренние, бескорыстные, сокровенные желания (помощь товарищу; воспитание и обучение детей; забота о родных и близких людях). Противоположны им персонажи, которые имеют эгоистичные, потребительские желания: хозяйка квартиры, Виктор Якушев, Зина Костенко, Слава Сизов, Репин.

В произведениях встречаются герои, у которых отсутствует желание чего-либо, например, действия: учительница Клавдия Васильевна не хочет принимать какие-либо воспитательные меры к Сене Винтовкину, перекладывая ответственность за Сенью на учителей, воспитателей детского дома.

Стоит отметить, что одной из особенностей концептосферы Ф.А. Вигдоровой является дуалистическое строение концепта «ЖЕЛАНИЕ», что проявляется при изображении персонажей, которые сочетают в себе добрые желания с негативными (Виктор Якушев, Король, Слава Сизов, Репин), низменными, страстными (Поливанов), в силу чего подчеркивается несовершенство человеческой природы.

Заключение

Анализ слов с семантикой ‘желания’, вербализующих концепт «ЖЕЛАНИЕ», показал, что они представлены различными частями речи с преобладанием глагольной лексики, прежде всего группами однокоренных слов (*желание — пожелание — желать — пожелать — желая, мечта — мечтать — мечта — размечтавшись — мечтательно, зависть — завистливо*), синонимических рядов с семантикой ‘желательности’, дифференцируются по степени интенсивности признака желания.

Ирреальное наклонение (*предложить бы, послать бы, рад бы*) вносит дополнительные оттеночные смыслы предположительности, обусловленности, условия в общую оптативную семантику предложений в текстах 1950-1960 гг. Ф.А. Вигдоровой.

Экспликативы концепта «ЖЕЛАНИЕ» входят в состав идиолекта писательницы, характеризуют социальную жизнь 1920-1950 гг. в связи с показом в произведениях устремлений людей этого времени, их пассионарности, демонстрируют педагогические, аксиологические, прагматические установки писательницы. Вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» отражают особенности концептосферы Ф.А. Вигдоровой — истинного патриота, человека духовно-нравственного, готового помочь каждому, как и ее герои,

транслирующего мысль о возможности духовного преображения людей, об их стремлении к высоким, светлым идеалам добра, что нашло отражение в художественных текстах 1950-1960 гг.

Литература

1. Алтабаева Е.В. Оптативные предложения в современном русском языке: учеб. пособие. 2003. Мичуринск. 164 с.
2. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2003. М. 35 с.
3. Алтабаева Е.В. Концепт «желание» в художественной прозе Е. Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. В XIII кн. / Под ред. Н.Н. Комлик. 2004. Тамбов; Елец. Кн. XIII. С. 217-223.
4. Алтабаева Е.В. Концепт *желание* как лингвофилософская категория // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. Тамбов. № 4. С. 109-119.
5. Алтабаева Е.В. Градация желания в оптативных предложениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. С. 5-8.
6. Алтабаева Е.В. Концепт ЖЕЛАНИЕ: когнитивные основания и концептуальные характеристики [Электронный ресурс] // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г., Челябинск. Т. 2 / [редкол.: д. филол. н., проф. Л.А. Нефедова (отв. ред.) и др.]. 2008. Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ». С. 3-6. URL: http://cognitive-conference.narod.ru/konfer/konfer_2008_T2.doc (дата обращения: 03.01.2023).
7. Алтабаева Е.В. Интерпретация национально-культурного концепта 'желание' в лирико-философской прозе В.В. Розанова [Электронный ресурс] // Картина мира в славянских языках. 2009. М.: МГУ. С. 256-257. URL: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/2.pdf> (дата обращения: 03.01.2023).
8. Алтабаева Е.В. Концепт «ЖЕЛАНИЕ» в русской ментальности // Язык и ментальность в диахронии. Материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых. 2017. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС». С. 328-333.
9. Алтабаева Е.В. Концептуальная ситуация желания в логическом аспекте // Русистика и компаративистика. Сборник научных трудов по филологии. 2019. М.: ООО «Книгодел». С. 199-210.
10. Алтабаева Е.В. Концепт «ЖЕЛАНИЕ» в языке и концептосфере романа Е.И. Замятина «Мы» (к 100-летию создания произведения) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных статей. 2021. М.: ООО «ФЛИНТА». С. 16-25.
11. Алтабаева Е.В. Оптативность в русском языке: комплексное описание. Монография. 2021. М.: Издательство «Московский педагогический государственный университет». 200 с.
12. Алтабаева Е.В. Выразительные возможности оптативных предложений в пространстве замятинского текста // Лекантовские чтения — 2021. Материалы Международной научной конференции. 2021. М.: Издательство «Московский государственный областной университет. МГОУ». С. 235-240.
13. Апресян Ю.Д. Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды. 1995. М.: Восточная литература. С. 434-452.

14. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения в современном русском языке // Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. 1976. М.: Наука. С. 229-283.
15. Вигдорова Ф.А. «Дорога в жизнь» [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/br/?b=29505&r=1](https://www.litmir.me/br/?b=29505&r=1) (дата обращения: 03.01.2023).
16. Вигдорова Ф.А. «Любимая улица» [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/br/?b=55021&r=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&r=1) (дата обращения: 03.01.2023).
17. Вигдорова Ф.А. «Семейное счастье» [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/br/?b=55152&r=1](https://www.litmir.me/br/?b=55152&r=1) (дата обращения: 03.01.2023).
18. Вигдорова Ф.А. «Черниговка» [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/br/?b=29504&r=1](https://www.litmir.me/br/?b=29504&r=1) (дата обращения: 03.01.2023).
19. Вигдорова Ф.А. «Это мой дом» [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/br/?b=29507&r=1](https://www.litmir.me/br/?b=29507&r=1) (дата обращения: 03.01.2023).
20. Грива О.Е., Попова Л.В. Модальные модификации предложений с именным сказуемым (на примере модификатора *хотеть* и связки *казаться*) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 6 (93). С. 55-62.
21. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] // РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. 1999. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы. URL: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (дата обращения: 03.01.2023).
22. Колосова М.В. Лексические средства выражения желательности в английском и русском языках (сопоставительный анализ): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2013. М. 19 с.
23. Колесникова С.М. Градуальная семантика составного сказуемого // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 5. С. 5-10.
24. Кравцова В.Д., Гераськова М.М. Желательность как структурно-содержательный компонент авторской модальности в поэзии Андрея Дементьева // Современный ученый. 2022. № 6. С. 204-208.
25. Леденева В.В. Средства вербализации концепта «ЖЕЛАНИЕ» в эпистолярных текстах Н.С. Лескова // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы. Материалы Всероссийской научной конференции. 2015. Орел: Издательство: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. С. 178-185.
26. Леденева В.В. Слова *желание* и *жажда* в контексте писем Н.С. Лескова // Русистика и компаративистика: сб. научн. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. X. 2015. Вильнюс: ЛЭУ. С. 75-85.
27. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. 2002. М.: Издательство МГОУ. С. 102-113.
28. Лекант П.А. Модальная парадигма глагольных односоставных предложений в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 42-48.
29. Мастерских С.В. Описание сущности концепта «ЖЕЛАНИЕ» // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 205-207.
30. Мастерских С.В. Ментальные характеристики английских глаголов концепта «ЖЕЛАНИЕ» // Когнитивные исследования языка. 2018. Тамбов. № 34. С. 168-172.
31. Орлова О.Е. Модальное значение нежелательности действия в структуре безличного предложения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2008. М. 326 с.
32. Орлова О.Е. Безличные предложения с модально-субъективными значениями желательности — нежелательности и возможности — невозможности действия, репрезентируемыми глагольными формами в составе главного члена // Вестник Московского

государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. С. 23-30.

33. Орлова Н.Н. Модальное имя с семантикой желательности в системе средств категории оптативности: дисс. ... канд. филол. наук. 2008. Тамбов. 185 с.

34. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. 1997. М.: Школа «Языки русской культуры». 824 с.

35. Родионова И.Г. Предложения со значением ирреального условия в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 91-100.

36. Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАЧЕНА> (дата обращения: 03.01.2023).

37. Шашкова В.Н. Функционально-семантическая зона оптативности в семантико-синтаксической реализации // Филологический аспект. 2020. № 4 (60). С. 102-108.

References

1. Altabaeva E.V. Optativnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie. 2003. Michurinsk. 164 p. (In Russ.).

2. Altabaeva E.V. Kategoriya optativnosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2003. Moscow. 35 p. (In Russ.).

3. Altabaeva E.V. Kontsept «zhelanie» v khudozhestvennoi proze E. Zamyatina // Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy. V XIII kn. / Pod red. N.N. Komlik. 2004. Tambov; Elets. Kn. XIII, pp. 217-223 (In Russ.).

4. Altabaeva E.V. Kontsept zhelanie kak lingvofilosofskaya kategoriya // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2007. Tambov. № 4, pp. 109-119 (In Russ.).

5. Altabaeva E.V. Gradatsiya zhelaniya v optativnykh predlozheniyakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2007, pp. 5-8 (In Russ.).

6. Altabaeva E.V. Kontsept ZhELANIE: kognitivnye osnovaniya i kontseptual'nye kharakteristiki [Elektronnyi resurs] // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: sb. st. uchastnikov IV mezhdunar. nauch. konf., 25-26 apr. 2008 g., Chelyabinsk. T. 2 / [redkol.: d. filol. n., prof. L.A. Nefedova (otv. red.) et al.]. 2008. Chelyabinsk: ООО «Publ. REKPOL», pp. 3-6. Available at: http://cognitive-conference.narod.ru/konfer/konfer_2008_T2.doc (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).

7. Altabaeva E.V. Interpretatsiya natsional'no-kul'turnogo kontsepta 'zhelanie' v liriko-filosofskoi proze V.V. Rozanova [Elektronnyi resurs] // Kartina mira v slavyanskikh yazykakh. 2009. Moscow: MGU, pp. 256-257. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/2.pdf> (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).

8. Altabaeva E.V. Kontsept «ZhELANIE» v russkoi mental'nosti // Yazyk i mental'nost' v diakhnologii. Materialy I Vserossiiskogo nauchnogo seminar s mezhdunarodnym uchastiem dlya molodykh uchenykh. 2017. Vladimir: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «Tranzit-IKS», pp. 328-333 (In Russ.).

9. Altabaeva E.V. Kontseptual'naya situatsiya zhelaniya v logicheskom aspekte // Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnykh trudov po filologii. 2019. Moscow: ООО «Knigodel», pp. 199-210 (In Russ.).

10. Altabaeva E.V. Kontsept «ZhELANIE» v yazyke i kontseptosfere romana E.I. Zamyatina «My» (k 100-letiyu sozdaniya proizvedeniya) // Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe: sbornik nauchnykh statei. 2021. Moscow: ООО «FLINTA», pp. 16-25 (In Russ.).

11. Altabaeva E.V. Optativnost' v russkom yazyke: kompleksnoe opisanie. Monografiya. 2021.

Moscow: Publ. «Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet». 200 p. (In Russ.).

12. Altabaeva E.V. Vyrzitel'nye vozmozhnosti optativnykh predlozhenii v prostranstve zamyatinskogo teksta // Lekantovskie chteniya — 2021. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 2021. Moscow: Publ. «Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet. MGOU», pp. 235-240 (In Russ.).
13. Apresyan Yu.D. Khotet' i ego sinonimy: zametki o slovakh // Tom 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya: Izbrannye trudy. 1995. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 434-452 (In Russ.).
14. Arutyunova N.D. Bytiinye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke // Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. 1976. Moscow: Nauka, pp. 229-283 (In Russ.).
15. Vigdorova F.A. «Doroga v zhizn'» [Elektronnyi resurs]. Available at: [https:// www.litmir.me/br/?b=29505&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=29505&p=1) (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).
16. Vigdorova F.A. «Lyubimaya ulitsa» [Elektronnyi resurs]. Available at: [https:// www.litmir.me/br/?b=55021&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1) (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).
17. Vigdorova F.A. «Semeinoe schast'e» [Elektronnyi resurs]. Available at: [https:// www.litmir.me/br/?b=55152&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1) (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).
18. Vigdorova F.A. «Chernigovka» [Elektronnyi resurs]. Available at: [https:// www.litmir.me/br/?b=29504&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=29504&p=1) (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).
19. Vigdorova F.A. «Eto moi dom» [Elektronnyi resurs]. Available at: [https:// www.litmir.me/br/?b=29507&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=29507&p=1) (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).
20. Griva O.E., Popova L.V. Modal'nye modifikatsii predlozhenii s imennym skazuemym (na primere modifikatora khotet' i svyazki kazat'sya) // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 6 (93), pp. 55-62 (In Russ.).
21. Evgen'eva A.P. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. [Elektronnyi resurs] // RAN, In-t lingvistikh. issledovaniy. 4-e izd., ster. 1999. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy. Available at: <http://small-academic-vocabulary/fc/slovar-211-25.htm#zag-74085> (Accessed: 03.01.2023).
22. Kolosova M.V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya zhelatel'nosti v angliiskom i russkom yazykakh (sopostavitel'nyi analiz): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2013. Moscow. 19 p. (In Russ.).
23. Kolesnikova S.M. Gradual'naya semantika sostavnogo skazuemogo // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 5, pp. 5-10 (In Russ.).
24. Kravtsova V.D., Geras'kova M.M. Zhelatel'nost' kak strukturno-soderzhatel'nyi komponent avtorskoj modal'nosti v poezii Andreya Dement'eva // Sovremennyye uchenyye. 2022. № 6, pp. 204-208 (In Russ.).
25. Ledeneva V.V. Sredstva verbalizatsii kontsepta «ZhELANIE» v epistolyarnykh tekstakh N.S. Leskova // Pisateli-orlovtsy v kontekste otechestvennoi kul'tury, istorii, literatury. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. 2015. Orel: Publ.: Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgeneva, pp. 178-185 (In Russ.).
26. Ledeneva V.V. Slova zhelanie i zhazhda v kontekste pisem N.S. Leskova // Rusistika i komparativistika: sb. nauchn. st. / Gl. red. M.B. Loskutnikova. Vyp. X. 2015. Vil'nyus: LEU, pp. 75-85 (In Russ.).
27. Lekant P.A. K voprosu o modal'nykh raznovidnostyakh predlozheniya // Lekant P.A. Ocherki po grammatike russkogo yazyka. 2002. Moscow: Publ. MGOU, pp. 102-113 (In Russ.).
28. Lekant P.A. Modal'naya paradigma glagol'nykh odnosostavnykh predlozhenii v russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2006. № 1, pp. 42-48 (In Russ.).
29. Masterskikh S.V. Opisanie sushchnosti kontsepta «ZhELANIE» // Vestnik Tyumenskogo

Куличева Е.В.
Вербализаторы концепта «ЖЕЛАНИЕ» в прозе 1950-
1960 гг. Ф.А. Вигдоровой
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 65–77.

Kulicheva E.V.
Verbalizers of the Concept «DESIRE» in Prose of 1950-
1960 by F.A. Vigdorova
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 65–77.

gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 4, pp. 205-207 (In Russ.).

30. Masterskikh S.V. Mental'nye kharakteristiki angliiskikh glagolov kontsepta «ZhELANIE» // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018. Tambov. № 34, pp. 168-172 (In Russ.).

31. Orlova O.E. Modal'noe znachenie nezhelatel'nosti deistviya v strukture bezlichnogo predlozheniya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2008. Moscow. 326 p. (In Russ.).

32. Orlova O.E. Bezlichnye predlozheniya s modal'no-sub"ektivnymi znacheniyami zhelatel'nosti — nezhelatel'nosti i vozmozhnosti — nevozmozhnosti deistviya, reprezentiruemymi glagol'nymi formami v sostave glavnogo chlena // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2014, pp. 23-30 (In Russ.).

33. Orlova N.N. Modal'noe imya s semantikoi zhelatel'nosti v sisteme sredstv kategorii optativnosti: diss. ... kand. filol. nauk. 2008. Tambov. 185 p. (In Russ.).

34. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. 1997. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 824 p. (In Russ.).

35. Rodionova I.G. Predlozheniya so znacheniem irreal'nogo usloviya v «Povesti o zhizni» K.G. Paustovskogo // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2021. № 3 (26), pp. 91-100 (In Russ.).

36. Ushakov D.N. Tolkovyi slovar' [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАЧЕНА> (Accessed: 03.01.2023) (In Russ.).

37. Shashkova V.N. Funktsional'no-semanticheskaya zona optativnosti v semantiko-sintaksicheskoi realizatsii // Filologicheskii aspekt. 2020. № 4 (60), pp. 102-108 (In Russ.).

Информация об авторах

Куличева Евгения Вячеславовна, кандидат филологических наук, докторант, кафедра современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, факультет русской филологии, ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

Information about the authors

Evgenia V. Kulicheva, PhD in Philology, Doctoral Student, Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Faculty of Russian Philology, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

Получена 01.06.2023

Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023

Accepted 15.06.2023

Китаеведение в России в середине XIX в.: по материалам собрания и архива К.А. Скачкова из фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки

Вишневская Е.Э.

ФГБУ «Российская государственная библиотека», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3688-9967>, e-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

В статье рассматривается развитие китаеведения в России в середине XIX в., основные вехи биографии одного из крупнейших исследователей Китая данного периода — К.А. Скачкова и других участников Русской православной духовной миссии, документы которых отложились в его архиве, дается обзор архивного фонда и собрания рукописных книг К.А. Скачкова, которые хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Ключевые слова: китаеведение в России, XIX в., К.А. Скачков, рукописи, архивный фонд, рукописные книги, Отдел рукописей РГБ.

Для цитаты: *Вишневская Е.Э.* Китаеведение в России в середине XIX в.: по материалам собрания и архива К.А. Скачкова из фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90. DOI:10.17759/langt.2023100207

Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century: According to K.A. Skachkov's Collection and Archive from the Funds of the Manuscript Department of the Russian State Library

Evgenia E. Vishnevskaya

Russian State Library, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3688-9967>, e-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

The article examines the development of Sinology in Russia in the middle of the 19th century, the main milestones in the biography of one of the largest researchers in China of this period — K.A. Skachkov and other participants in the Russia Orthodox Spiritual Mission, whose documents were deposited in his archive, an overview of the archival fund and collection of manuscript books by K.A. Skachkov, which are stored in the Manuscript Department of the Russian State Library.

Keywords: Sinology in Russia, XIX century, K.A. Skachkov, manuscripts, archival fund, manuscript books, Manuscript Department of the RSL.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

For citation: Vishnevskaya E.E. Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century: According to K.A. Skachkov's Collection and Archive from the Funds of the Manuscript Department of the Russian State Library. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90. DOI:10.17759/langt.2023100207 (In Russ.).

В фондах Отдела рукописей хранятся уникальные архивные документы, рукописные книги, карты и альбомы, собранные русским ученым и дипломатом, консулом в Тяньцзине, Чугучае и Шанхае, одним из крупнейших исследователей Китая XIX в. — Константином Андриановичем Скачковым (1821-1883).

Знакомство с Китаем К.А. Скачков начал в составе тринадцатой Русской православной духовной миссии (1850-1858 гг.) — РДМ в Пекине. Русская православная духовная миссия имела дипломатическую, политико-экономическую функцию, играла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, была центром культурного и научного изучения Китая, подготовки будущих русских синологов. РДМ была уникальна еще и тем, что фактически это было единственное постоянное представительство иностранного государства из всех европейских стран в столице Китая. Деятельность первых русских миссионеров подготовила почву для перехода исследований о Китае на качественно новую ступень, показала необходимость более глубокого изучения языка и культуры этой страны.

Первая православная миссия во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским) была отправлена в Пекин в 1714 г. Далее состав миссии сменялся примерно каждые 8-10 лет. Русское китаеведение создавалось трудами прошедших эту школу будущих переводчиков, ученых, преподавателей, дипломатов: И.К. Россохина¹ (отправлен в 1729 г.), А.Л. Леонтьева² (в 1743 г.), А.С. Агафонова³ (в 1772 г.), А.Г. Владыкина⁴ (в 1781 г.), С.В. Липовцева⁵ (в 1794 г.), З.Ф. Леонтьевского⁶ (в 1821 г.) и др.

С 1805 года, в связи со все возрастающим интересом со стороны Академии наук к изучению Китая, в состав миссии, кроме лиц духовного звания, ведущих миссионерскую деятельность, и студентов, занимавшихся изучением китайского и маньчжурского языков, стали включать врачей, которые лечили не только членов миссии, но и знатных китайцев. А с 1821 г. в Китай начали отправлять также художников и астрономов.

¹ Россохин Иларион Калинович (1707 или 1717-1761) — переводчик с китайского языка при Академии наук и преподаватель восточных языков в академической гимназии.

² Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716-1786) — участник Российской духовной миссии в Пекине, штатный переводчик миссии, один из основателей российского китаеведения.

³ Агафонов Алексей Семенович (1746-1792) — участник шестой духовной миссии, впоследствии — переводчик с китайского и маньчжурского языков в Коллегии иностранных дел.

⁴ Владыкин Антон Григорьевич (1757-1812) — участник седьмой Русской духовной миссии в Китае, российский ученый-востоковед, синолог, переводчик.

⁵ Липовцов (Липовцев) Степан Васильевич (1770-1841) — участник восьмой духовной миссии, русский востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук по отделу восточных литератур и древностей.

⁶ Леонтьевский Захар Федорович (1799-1874) — китаевед. Преподавал китайский язык в коммерческом училище в Санкт-Петербурге. Труды по истории Китая.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

Одним из первых ученых, не только оставивших заметный след в русском китаеведении, но и получивших общеевропейскую известность, стал архимандрит Иакинф (Н.Я. Бичурин)⁷, который опубликовал 14 книг по истории, географии и культуре народов Китая, Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Дальнему Востоку. Многие его фундаментальные труды дошли до нас только в рукописях. О. Иакинф возглавлял девятую духовную миссию в Пекине в 1808-1821 годах.

В 1849 г. в Китай отправилась тринадцатая духовная миссия, которую возглавил будущий создатель китайско-русского словаря архимандрит Палладий (П.И. Кафаров)⁸. В число участников этой миссии вошел молодой ученый и астроном — Константин Андрианович Скачков.

В Пекин миссия прибыла 27 сентября 1850 г. Приехав на место, К.А. Скачков занялся строительством магнитно-метеорологической обсерватории и стал ее первым директором. Молодой ученый, закончивший Ришельевский лицей, был одним из лучших учеников известного астронома А.Н. Савича⁹ и был назначен по его рекомендации. Начал он с постройки здания обсерватории, которое было готово к отъезду предыдущей двенадцатой миссии, а также заказа необходимого оборудования. Наблюдения в обсерватории проводились каждый час, результаты он регулярно пересылал в Санкт-Петербург заведующему обсерваторией Академии наук А.Я. Купферу. С этого времени К.А. Скачков регулярно вел дневники.

Одновременно он начал изучать китайский язык, знание которого было необходимо для долговременного пребывания в Китае и работа над которым предполагала многолетние упорные занятия. Тяжелые бытовые условия, отсутствие хороших учителей, плохое питание — вот неполный перечень трудностей, которые предстояло преодолеть молодому ученому. Исключительное трудолюбие помогло ему добиться серьезных результатов. В конце 1854 г. он записал: «Я занимаюсь 17 часов в сутки, значительные успехи в китайском языке. Только с этого года я стал переводить без пособия китайца» [5]. В эти же годы ученый начал всесторонне изучать страну, в которой работал, и собирать библиотеку на китайском и маньчжурском языках.

В Отделе рукописей РГБ хранится уникальный архивный фонд К.А. Скачкова № 273, включающий 288 ед. хр., или более 15 тыс. листов, хронологический охват — [1726]-1881 гг. Документы, составившие этот фонд, а также часть его библиотеки была принесена в дар Московскому Публичному и Румянцевскому музею Каролиной Фоминичной Скачковой, вдовой К.А. Скачкова, в 1884 г. Одной из интереснейших частей этого фонда являются дневники.

Дневники К.А. Скачкова, охватывающие, с некоторыми перерывами, двадцатипятилетний период (1850-1875 гг.), описание которых имеется в «Отчете МПРМ за 1883-1885 гг.», для историков представляют несомненный интерес. Из них особую ценность имеют «Мой дневник» (июнь 1851 — март 1856 г.); «Дневник с сентября 1851 по январь 1853 г. и декабрь 1862 г.» и «Мой политический дневник» (январь 1854 — июнь 1855 г.). Интересную информацию содержат «Мой парижский дневник» (1857-1858 гг.), «Дневник 1860-1861 гг. о

⁷ Иакинф (Бичурин Никита Яковлевич) (1777-1853) — архимандрит Русской православной церкви, востоковед и путешественник, один из основоположников российской синологии.

⁸ Палладий (Кафаров Петр Иванович) (1817-1878) — архимандрит Православной Российской церкви, один из основоположников российской академической синологии. Создатель китайско-русского словаря, популяризовавшего кириллическую транскрипционную систему китайского языка.

⁹ Савич Алексей Николаевич (1810-1883) — русский астроном, академик Императорской академии наук.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

китайской торговле», «Наше путешествие через Суэц» (1867 г.). «Дневник 1874-1875 гг.» (в Петербурге и за границей), «Шанхайский дневник» (1876 г.) и «Путевые записки по поездке по Китаю». Материалы «Моего дневника», «Моего политического журнала» и рукописи «Мои статьи» занимают около 1500 страниц архивного фонда собирателя.

С того времени, когда К.А. Скачков стал понимать китайский язык, он начал изучение сельского хозяйства Китая, перевел с китайского и изучил основные труды по этой теме, которая чрезвычайно занимала молодого ученого. Значительная часть его рукописей (около 2000 листов), посвящена этому предмету. В архиве сохранилась работа «Китайское сельское хозяйство» в 2 частях: описание сельскохозяйственных культур и их обработки, цветоводства и плодоводства, имущественно-земельных отношений. К.А. Скачков подробно охарактеризовал различные виды цветов и плодовых деревьев, сельскохозяйственные орудия. Часто он делал их зарисовки на полях или специально для этого нанимал художников-китайцев.

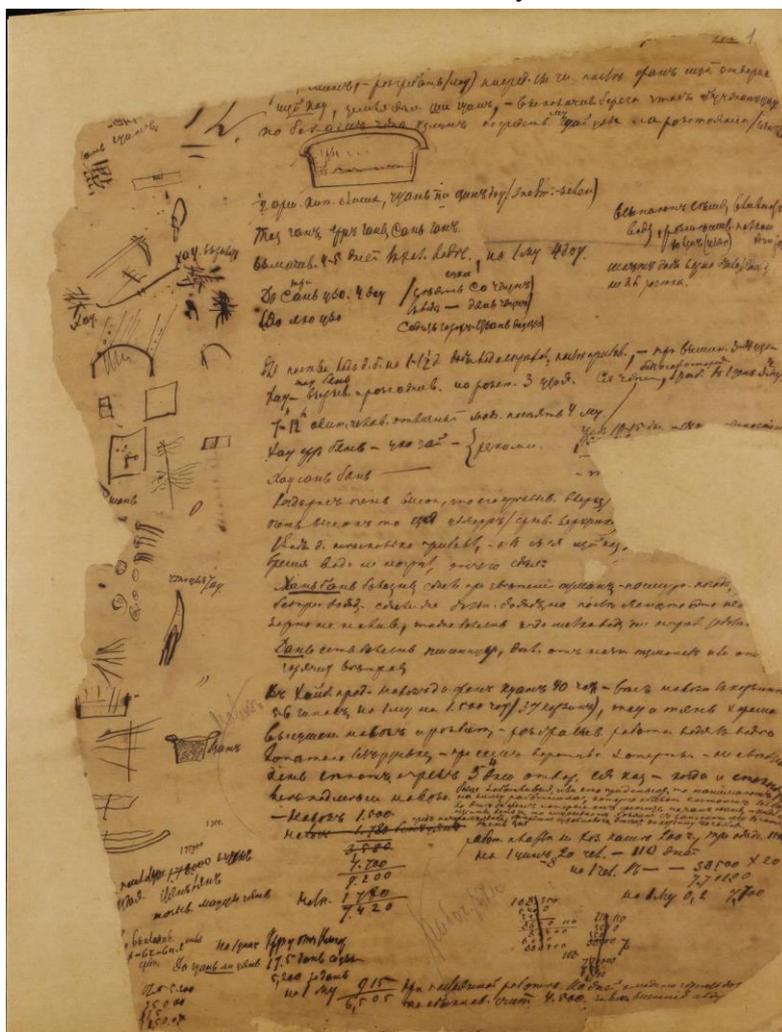

Рис. 1. Дневник К.А. Скачкова «Китайское сельское хозяйство». Часть 1-я — описание сельскохозяйственных культур и их обработки, имущественно-земельных отношений. Автограф с рисунками. ОР РГБ. Ф. 273. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

В итоге ученый пришел к выводу, что китайское сельское хозяйство может быть образцом для рационального хозяйства не только в России, но и в Европе.

Свои статьи по сельскому хозяйству он публиковал в России и был признан ведущим специалистом в данном направлении. «...Скачков оказал нашему отечеству столько же заслуг в отношении к ознакомлению нас с китайскими полезными растениями, как никто из бывших до него в Китае...» [1], отмечалось в предисловии редакции к его статье «О деревьях, на которых китайцы разводят диких шелковичных червей». Интересные с его точки зрения растения он присылал в Россию, пытаясь приспособить к российским условиям. С 1850-х годов он стал признанным специалистом по сельскому хозяйству Китая, был избран членом многих научных обществ.

К.А. Скачков глубоко интересовался китайским шелководством и даже отправил в Петербург коконы и статью о способе ухода за шелкопрядом, описания ясеня и дуба, рисунки шелкопряда, семена деревьев и образчики материи из их сырца. Однако его усилия не были оценены по достоинству, и описание этой новой породы шелкопрядов было сделано в Париже аббатом Перни и названо его именем.

В дневниках К.А. Скачкова дается описание Пекина и его окрестностей, поездок в горы, природы, достопримечательностей. Там же содержится интереснейший материал и по другим вопросам: легенда о тайном обществе «Байляньцзяо» или «Обществе Белого Лотоса», положившим начало многим китайским буддийским или даосским религиозным братствам; информация о денежном рынке (курс серебра и т. п.); сообщение о казни человека, выданного маньчжурами за вождя тайпинов Хун Да-цюаня; подробности о деятельности антиманьчжурских элементов в Пекине и т. д.

К.А. Скачков подробно записал сведения о технологии производств Китая, астрономии, обычаях и т. д. Он старательно изучил китайскую кустарную промышленность: работу шелковых, бумажных фабрик; изготовление обоев; посетил свечной, известковый, индиговый, кирпичный, кожевенный заводы. Его интересовали горшечное производство, окраска материй и многие другие технологические процессы.

Рукописи ученого описывают разведение виноградников, борьбу с саранчой, вопросы животноводства и орошения, пути сообщения, торговлю (особенно — торговлю чаем), ярмарки; в них отражено изучение науки и культуры Китая: история географических открытий, астрономия, философия, медицина.

В дневниках уделено внимание китайскому искусству: живописи, музыке, театру: дано подробное описание состава актеров и оркестрантов. В рукописи «Обычаи в Китае» [3], начатой в январе 1854 г., ученый описал свадебные обряды, обряд похорон, одежду китайцев и т. д.

В архиве собраны различные планы и карты: планы Пекина, карты, схемы Китая и т.д. Представлены иллюстрации к китайским произведениям, жанровые зарисовки, акварели.

В разных частях рукописного наследия К.А. Скачкова, чаще на отдельных листах, исписанных карандашом, содержатся несистематизированные дневниковые записи вплоть до 70-х годов XIX в. Много внимания и сил в этот период К.А. Скачков уделял составлению китайско-русского словаря.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

Отдельная тема, интересовавшая ученого — ход «тайпинского восстания» — великой крестьянской, антифеодальной войны в Китае 1850-1864 гг., Северный поход тайпинов. В рукописи «Мой политический журнал» (январь 1854 г. — май 1856 г.) записи о тайпинах есть почти на каждой странице.

В 1853 г. группа тайпинских войск под командованием Ли Кай-фана, Линь Фэн-сяна и Цзи Вэнь-юаня отправилась из Нанкина в Северный поход с целью захватить Пекин и окончательно ликвидировать власть маньчжурского правительства в Китае. В дневнике К.А. Скачкова даны характеристики чиновников, администрации — злоупотребления, казнокрадство, взяточничество. Есть записи о генералах, министрах и других ставленниках маньчжурской династии.

К.А. Скачков отметил, что «инсургенты» — гражданские повстанческие отряды, противостоящие властям, убивают чиновников, сжигают кумирни¹⁰, а народ милуют [6]. Записи о тайпинском восстании находятся не только в «Моем политическом журнале». Их можно найти и в рукописи «Мои статьи», в «Сборнике официальных документов» и в папках под другими названиями. Частично они расположены между другими материалами. Дневники К.А. Скачкова, посвященные восстанию тайпинов, были опубликованы в 1958 г. в Издательстве восточной литературы [20].

Из других рукописей фонда представляют интерес «Отчет о торговле Китая с Европой, Америкой и русской торговле в Ханькоу» (1852-1880 гг.) [7], «Переводы и сокращения из китайских историков», «История китайской философии. Сэту. 1862 г.» [4], отзывы об ученых трудах И.И. Захарова¹¹, переписка дипломатического характера, донесения в министерство иностранных дел, отчеты русских консулов, рисунки, плакаты, чертежи и др.

В архиве К.А. Скачкова отложились также рукописи других членов Пекинской духовной миссии: врача С.И. Базилевского¹², архимандрита Иакинфа (Н.Я. Бичурина), архимандрита Аввакума (Д.С. Честного)¹³, архимандрита Даниила (Д.П. Сивиллова)¹⁴, архимандрита Палладия (П.И. Кафарова), М.Д. Храповицкого¹⁵ и др. Рукописи Аввакума (1500 листов) касаются повседневных дел миссии, содержат характеристики ее членов, описания обрядов и быта жителей Пекина, работы по тибетскому и китайскому языкам, выписки из правительственных указов и докладов, из пекинских газет и др.

¹⁰ Кумирня — небольшая языческая молельня с кумирами (идолами).

¹¹ Захаров Иван Ильич (1814-1885) — русский дипломат, доктор маньчжурской словесности, профессор Санкт-Петербургского университета, автор «Полного маньчжурско-русского словаря».

¹² Базилевский Степан Иванович — врач, участник 13-ой духовной миссии в Китай в 1849-1859 гг. Собрал интереснейшие коллекции рыб и растений.

¹³ Аввакум (Честной Дмитрий Семенович) (1801-1866) — архимандрит Русской православной церкви, российский востоковед, миссионер, дипломат.

¹⁴ Даниил (Сивиллов Дмитрий Петрович) (1798-1871) — священнослужитель Православной Российской Церкви, миссионер, синолог, первый заведующий кафедрой китайского языка в Казанском университете.

¹⁵ Храповицкий Михаил Данилович (1823-1860) — официальный переводчик на китайский и маньчжурский языки российско-китайского Тяньцзиньского договора 1858 г.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

Даниил после возвращения из Китая служил профессором китайского языка Казанского университета, и большая часть его рукописей находится в Казани; но и в фонде К.А. Скачкова хранится около 3500 листов (в том числе переводы китайских классических книг и исторических трудов «Сы Шу», «История династии Чжоу» и др.).

Самым известным трудом М.Д. Храповицкого являются «Материалы для истории уголовного законодательства в Китае», являющиеся переводом всех «Трактатов о наказаниях», содержащихся в китайских официальных династийных хрониках.

В 1857 г. здоровье К.А. Скачкова серьезно ухудшилось. По настоянию начальника миссии П.И. Кафарова и врача С.И. Базилевского он возвратился в Россию. Однако уже в 1859 — вновь отправился в Китай, поскольку был назначен, против своего желания, русским консулом в Чугучаке. В 1863 г. он вернулся в Петербург, был переводчиком, участвовал в работе Русского географического общества, в 1865 и 1866 гг. читал в Вольном экономическом обществе курс лекций о сельском хозяйстве Китая. В 1865 г. К.А. Скачкова избрали членом Русского археологического общества и в том же году — членом «Societe d'Ethnographie Oriental et American».

В 1867 г., в связи с бурно развивавшейся торговлей между Россией и Китаем, возникла необходимость посредничества в отношениях русского купечества и китайцев. К.А. Скачкова назначили консулом в Тяньцзинь, а с 1870 г. — консулом в открытых китайских портах. В этот период он посетил Западную Европу, в 1879 г. вернулся в Шанхай. По Тяньцзиньскому русско-китайскому трактату 1858 г. Россия получила право торговать в открытых для иностранцев портах Китая (Шанхай, Нинбо, Фучжоу-фу, Сямэнь, Гуандун, Тайвань-фу, Цюньчжоу на о. Хайнань), и до конца XIX в. ее политика по отношению к Китаю отличалась от политики западных государств тем, что Россия никогда не применяла силу в отношениях с Китаем, а только дипломатию.

Рис. 2. Визитная карточка К.А. Скачкова (Кун Цитин). ОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 23. Л. 2.

За долгие годы своего пребывания в Китае К.А. Скачков хорошо изучил и полюбил эту страну. С большим уважением он относился к народу Китая, к его истории, науке, философии. В 1879 г. ученый и дипломат навсегда покинул Китай, а 26 марта 1883 г. его не стало.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

К.А. Скачков был прогрессивным деятелем русского китаеведения — таким, как Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев¹⁶, П.И. Кафаров, которые внесли большой вклад в науку, помогли своими трудами установлению дружеских отношений русского и китайского народов.

Уникальное собрание рукописных книг К.А. Скачкова, которое на сегодняшний день насчитывает 368 ед. хр., было принесено в дар Московскому публичному и Румянцевскому музею в 1873 г. Оно включает документы по истории литературы, в нем широко представлены письменные источники по астрономии, математике, биологии, медицине, земледелию, ремеслу и промыслам, инженерному делу, путям сообщения и транспорту, а особенно — литература, документальные материалы и карты, характеризующие водное хозяйство и гидротехнику Китая XV — XIX вв.

С самого начала своего пребывания в Пекине К.А. Скачков начал собирать китайскую литературу. Книги поступали в дар от других членов Духовной миссии, от китайских ученых и чиновников. Несколько очень редких и ценных сочинений по китайской астрономии он получил от дяди китайского императора, около половины книг по астрономии — от руководителя миссии — архимандрита Палладия. Приобретал он книги в процессе распродажи ценнейших библиотек китайских ученых (библиотеки Сюй Суна, Яо Юань-чжи, Яо Вэнь-тяня), несколько списков было подготовлено по его заказу писцами-китайцами. Пополнению его библиотеки способствовали личные знакомства с губернатором и другими чиновниками в Чугучаке, куда он был назначен консулом в 1859 году.

Возвратившись на родину в 1863 г., К.А. Скачков попытался продать свою китайскую библиотеку Министерству народного просвещения, затем Азиатскому музею Академии наук, но безуспешно. В 1873 г. ее купил иркутский купец А.Л. Родионов, который имел торговые дела в Ханькоу и поэтому знал ученого. А.Л. Родионов пожертвовал библиотеку Румянцевскому музею. Рукописная ее часть образовала ф. 274 — собрание К.А. Скачкова, хранящееся ныне в Отделе рукописей РГБ; печатная библиотека хранится в Центре восточной литературы РГБ.

Хронологический охват собрания — XVIII в. — первые две трети XIX в., за исключением рукописи «Альбом рисунков, изображающих возделывание и обработку риса» [10], датированного XV-XVII вв. Датировка китайских рукописей представляет значительные трудности, так как определить дату списка в пределах даже одного столетия, по китайской бумаге, без филиграней, очень сложно. Значительную помощь в этом оказывают печати бывших владельцев и авторов, по которым можно определить приблизительную хронологию создания и бытования рукописи.

Собрание К.А. Скачкова состоит из двух частей: первая (большая) часть собрана главным образом в 1848-1859 гг., в годы пребывания ученого в Пекине; вторая часть (Синьцзянская коллекция) — преимущественно в 1859-1863 гг. в Чугучаке.

Первая часть имеет 12 разделов.

Законодательные акты. Официальные документы и материалы. Раздел включает Свод законов юаньской династии, рукописные списки которого публиковались в Японии и Китае;

¹⁶ Васильев Василий Павлович (1818-1900) — русский ученый-синолог, буддолог, санскритолог. Академик Петербургской АН, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

законы китайского правительства для Монголии; документы, относящиеся к подавлению племен гурка — группы народностей (джатов) тибетского и индийского происхождения, населяющих предгорья Непальских Гималаев, и непало-тибетских событий 1790-1792 гг.; документы о британском вторжении в Китай и др.

Далее следуют **рукописи по истории Китая** периода ранее XII в. — XIX вв., описание Монголии, Бирмы, России, отношений Китая с этими странами. Наиболее ценными являются рукописи Хан Ши-цзюнь. Дополнения к истории чжурчжэньского царства Цзинь [8], а также сборники по истории Южных Сунов и чжурчжэньского нашествия, в которые включены редкие сочинения Синь Ци-цзи [9].

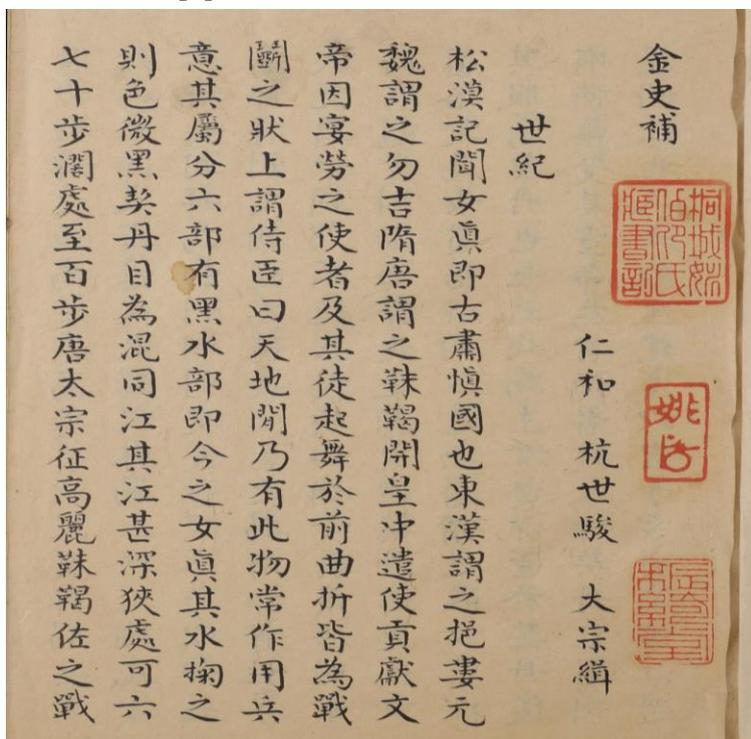

Рис. 3. Дополнения к истории Цзиней. Сочинение Хан Ши-цзюня. Кон. XVIII — нач. XIX вв.
ОР РГБ. Ф. 274. № 20. Л. 1.

Этнографический раздел. Особого внимания достойны шесть уникальных альбомов с превосходно исполненными рисунками, пять из них изображают жизнь и быт не китайских народов Юго-Западного Китая, а один датируется временем династии Мин и изображает возделывание и обработку риса [11].

Историко-географические сочинения. Карты и атласы. Раздел содержит рукописи с описанием морских берегов, судоходства, береговой обороны, сухопутных коммуникаций. Это — самая крупная и по научному значению, наиболее ценная часть собрания. Особо следует отметить подраздел «Историко-географические сочинения. Карты и атласы» — 66 единиц карт. Только две из них найдены в печатном воспроизведении.

Раздел «**Экономика**» включает рукописи о водном хозяйстве, путях сообщения, производстве и употреблении чая, содержит описание фарфора, кулинарии и торговли.

Вишневецкая Е.Э.

Китаеведение в России в середине XIX в.: по материалам собрания и архива К.А. Скачкова из фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.

Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century: According to K.A. Skachkov's Collection and Archive from the Funds of the Manuscript Department of the Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

Наибольшее научное значение принадлежит девяти рукописям — спискам с работ XVI–XIX вв., посвященных водному хозяйству. Тексты о чае, фарфоре и кулинарии большей частью имеют печатные аналоги. В конце раздела — рукописи со сведениями о ценах на ткани, меха, часы, бумагу, украшения, о ставках внутренних таможенных пошлин — «Тяньцзиньском тарифе 1859 г.» [12].

Описание пограничных округов, сведения о военном флоте, порядке построения войск, предметов воинского снаряжения и т.д. находится в разделе «Военное дело». Большинство рукописей этого раздела не опубликованы.

Художественная литература. Наиболее интересны — 24-томный сатирический и нравоучительный роман Цао Цюй-цзина под названием «Хотите — верьте, хотите — нет!» (XVIII в.), а также две театральные пьесы «Сияет звезда богатства» [16] и «Благополучие на небе, на земле и у людей» [17], не имеющие печатных аналогов.

Энциклопедии, справочники, библиография. Наибольший интерес представляют три текста, списанных из впоследствии утраченных томов «Юн-лэ да дянь» — одной из крупнейших энциклопедий в истории человечества (сборник фрагментов и полных текстов книг, собранных по темам и сюжетам). Тексты представлены в списках ученых Вэн Фан-тана, и Сюй Суна. Один фрагмент из трех сохранился только в собрании К.А. Скачкова. Из других редких текстов этого раздела необходимо упомянуть энциклопедию Хэ Сань-вэя (династия Мин) [19] и энциклопедию Чжан Цунь-шэня (1623) в 40 цзюанях [18].

Философия. Религия. В разделе представлены труды по буддизму, даосизму, магии, исламу и христианству. Большинство рукописей имеют печатные аналоги.

Редкие сочинения по медицине, труды по астрономии, космогонии, астрологии, по математике, алхимии представлены в разделе «Естественные науки».

Рис. 4. Цзи нань ту. Карта крайнего юга. 1717-1731 гг. ОР РГБ. Ф. 274. № 116. Л. 13.

В разделе «Языкознание» представляют интерес словари: маньчжурский словарь с китайскими переводами и толкованиями на маньчжурском языке [13], китайско-маньчжурские фразеологические словари чэньюев [14], тайско-китайский и бирманско-китайский словари XVII или XVIII вв. [15]

В раздел «Разное. Сборники. Альбомы» включены рукописи разнообразнейшего содержания, многие из которых не опубликованы ни в каких печатных изданиях. Рукописи содержат редкие тексты о водном хозяйстве, памятниках древности, топонимике, подавлении восстаний, военных походах и даже списки лиц, выдержавших государственные экзамены в 1808 г.

Рис. 5. Картины с изображением юньнаньских инородцев. Вторая пол. XVIII — первая пол. XIX в. ОР РГБ. Ф. 274. № 56. Л. 20.

Вторая часть собрания — «Синьцзянская коллекция» — также имеет систематизацию по следующим разделам:

1. Историко-географические, административные и экономические описания;
2. Карты и атласы Синьцзяна;
3. Доклады чиновников и официальные документы;
4. Движение населения;
5. Торговля;
6. Пути сообщения;
7. Налоги и повинности;
8. Войско. Топонимика. Путешествия.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

В этой части собрания — 47 единиц хранения, в том числе 32 редких и уникальных. Датируются они кон. XVIII — второй пол. XIX вв. В этот раздел входят также 11 карт и атласов Синьцзяна и целая серия выписок из архива канцелярии чугучакского губернатора, содержащая сведения о движении населения, торговле, путях сообщения, фиске, администрации.

Научное описание собрания К.А. Скачкова было начато в 1937 г. ученым-китаистом В.Н. Казиным и продолжено А.И. Мелналкснисом, опубликовавшим свой труд в 1974 г. в издательстве «Наука» [2]. В 2009 г. году в дополнение к существующему фонду № 274 Б.Л. Рифтиным¹⁷ было выявлено и описано еще 32 рукописи, также вошедшие в собрание К.А. Скачкова.

В настоящее время интерес к собранию по-прежнему остается высоким. В читальном зале Отдела рукописей Российской государственной библиотеки с ним постоянно работают исследователи из Китая: из Университета Пекина и Шаньдуня, ученые института Востоковедения РАН, готовятся совместные проекты по его описанию и популяризации.

На современном этапе, как и в XIX в., Россия продолжает исторические традиции культурного сотрудничества с Китаем. Непрерывный процесс расширения взаимодействия и взаимовлияния культур России и Китая является фундаментом для развития российско-китайских отношений и взаимовыгодного сотрудничества. При этом важную роль в изучении Китая продолжают играть материалы, собранные К.А. Скачковым.

Литература

1. Журнал сельского хозяйства. Т. III. № 7. 1862. М. С. 33.
2. Мелналкснис А.И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К.А. Скачкова. 1974. М.: Наука. 277 с.
3. ОР РГБ. Ф. 273. К. 5. Ед. хр. 9-10. К. 6. Ед. хр. 1.
4. ОР РГБ. Ф. 273. К. 8. Ед. хр. 4.
5. ОР РГБ. Ф. 273. К. 11. Ед. хр. 5. Л. 526.
6. ОР РГБ. Ф. 273. К. 12. Ед. хр. 1. С. 179.
7. ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. К. 15. Ед. хр. 1.
8. ОР РГБ. Ф. 274. № 20.
9. ОР РГБ. Ф. 274. № 25, 27.
10. ОР РГБ. Ф. 274. № 51.
11. ОР РГБ. Ф. 274. № 51.
12. ОР РГБ. Ф. 274. № 159.
13. ОР РГБ. Ф. 274. № 236.
14. ОР РГБ. Ф. 274. № 239, 240.
15. ОР РГБ. Ф. 274. № 244.
16. ОР РГБ. Ф. 274. № 246.
17. ОР РГБ. Ф. 274. № 247.

¹⁷ Рифтин Борис Львович (1932-2012) — советский и российский филолог-китаист, один из крупнейших специалистов по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии.

Вишневецкая Е.Э.
Китаеведение в России в середине XIX в.: по
материалам собрания и архива К.А. Скачкова из
фондов Отдела рукописей Российской
государственной библиотеки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 78–90.

Vishnevskaya E.E.
Sinology in Russia in the Middle of the 19th Century:
According to K.A. Skachkov's Collection and Archive
from the Funds of the Manuscript Department of the
Russian State Library
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 78–90.

18. ОР РГБ. Ф. 274. № 258.

19. ОР РГБ. Ф. 274. № 259.

20. Скачков К.А. Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца. 1958. М.:
Издательство восточной литературы. 360 с.

References

1. Zhurnal sel'skogo khozyaistva. T. III. № 7. 1862. Moscow, p. 33 (In Russ.).
2. Melnalksnis A.I. Opisanie kitaiskikh rukopisnykh knig i kart iz sobraniya K.A. Skachkova. 1974. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russ.).
3. ОР РГБ. Ф. 273. К. 5. Ed. khr. 9-10. К. 6. Ed. khr. 1 (In Russ.).
4. ОР РГБ. Ф. 273. К. 8. Ed. khr. 4 (In Russ.).
5. ОР РГБ. Ф. 273. К. 11. Ed. khr. 5. L. 526 (In Russ.).
6. ОР РГБ. Ф. 273. К. 12. Ed. khr. 1. S. 179 (In Russ.).
7. ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ed. khr. 3. К. 15. Ed. khr. 1 (In Russ.).
8. ОР РГБ. Ф. 274. № 20 (In Russ.).
9. ОР РГБ. Ф. 274. № 25, 27 (In Russ.).
10. ОР РГБ. Ф. 274. № 51 (In Russ.).
11. ОР РГБ. Ф. 274. № 51 (In Russ.).
12. ОР РГБ. Ф. 274. № 159 (In Russ.).
13. ОР РГБ. Ф. 274. № 236 (In Russ.).
14. ОР РГБ. Ф. 274. № 239, 240 (In Russ.).
15. ОР РГБ. Ф. 274. № 244 (In Russ.).
16. ОР РГБ. Ф. 274. № 246 (In Russ.).
17. ОР РГБ. Ф. 274. № 247 (In Russ.).
18. ОР РГБ. Ф. 274. № 258 (In Russ.).
19. ОР РГБ. Ф. 274. № 259 (In Russ.).
20. Skachkov K.A. Pekin v dni taipinskogo vosstaniya. Iz zapisok ochevidtса. 1958. Moscow: Publ. Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 360 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Вишневецкая Евгения Эдуардовна, кандидат исторических наук, заведующая Отделом рукописей, Российская государственная библиотека, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3688-9967>, e-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

Information about the authors

Evgenia E. Vishnevskaya, PhD in History, Head of the Manuscript Department, Russian State Library, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3688-9967>, e-mail: VishnevskayaEE@rsl.ru

Получена 01.06.2023

Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023

Accepted 15.06.2023

Поэтизация топика жанра видения в визионерской поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...» (1734)

Петров А.В.

МОУ «СОШ № 38 им. В.И. Машковцева», г. Магнитогорск, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Колесникова О.Ю.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (ФГБОУ ВО МГТУ им. Г.И. Носова), г. Магнитогорск, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: 373foxy@mail.ru

В статье рассматриваются генетические и типологические связи между силлабической поэмой писателя петровского времени Петра Буслаева «Умозрительство душевное...» и средневековым жанром видения. Основным объектом исследования является топика жанра и его эсхатологически-танатологический мотивный комплекс. Цель работы заключается в анализе «переходной» поэтики произведения, возникающей на стыке двух жанровых систем — Средневековья и раннего Нового времени. Феномен визионерства Буслаев преобразует из бытийного в художественный: посредством принципа-процесса поэтизации качество достоверности в средневековом видении замещается в барочной поэме вымыслом и условностью; каноническая топика — аллегорической образностью и риторическими приемами и т. д. Рождается первая в нашей поэзии визионерская метафизическая поэма — жанр, в котором русские писатели будут пытаться узреть «духовными очами» «иной мир» и те невидимые Силы, которые его населяют.

Ключевые слова: жанр видения, визионерская метафизическая поэма, Петр Буслаев, топика, поэтизация, танатология, «иной мир», барокко.

Для цитаты: Петров А.В., Колесникова О.Ю. Поэтизация топика жанра видения в визионерской поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...» (1734) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99. DOI:10.17759/langt.2023100208

Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)

Aleksey V. Petrov

Secondary Educational School № 38 named after V.I. Mashkovtsev, Magnitogorsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

Olga Yu. Kolesnikova

Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

The article examines the genetic and typological connections between the syllabic poem of the writer of Peter's time Petr Buslaev «Spiritual Vision...» and the medieval genre of vision. The main object of the study is the topoi of the genre and its eschatological and thanatological motif complex. The purpose of the work is to analyze the «transitional» poetics of the writing arising at the junction of two genre systems — the Middle Ages and early Modern Times. The phenomenon of visionary Buslaev transforms from the existential into the artistic: through the principle-process of poetization, the quality of authenticity in the medieval vision is replaced in the Baroque poem by fiction and convention; canonical topoi — allegorical imagery and rhetorical techniques, etc. The first visionary metaphysical poem in our poetry is being born — a genre in which the Russian writers will try to see with «spiritual eyes» the «afterlife» and those invisible Forces that inhabit it.

Keywords: genre of vision, visionary metaphysical poem, Petr Buslaev, topoi, poetization, thanatology, afterlife, baroque.

For citation: Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu. Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99. DOI:10.17759/langt.2023100208 (In Russ.).

Степень разработанности проблемы. Постановка задач

Последнее, по-видимому, крупное произведение русской силлабики — барочная поэма Петра Буслаева «Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой, изданное в Москве 1734, генваря в 20 день чрез усерднейшаго слугу ея Петра Буслаева» [16, с. 288-299] — примечательно во многих отношениях. Достоинства его заслуженно были отмечены литераторами XVIII — первой половины XIX в. (В.К. Тредиаковский, Н.И. Новиков, Н.М. Карамзин, К.С. Аксаков и др.); фрагментарные наблюдения над его формой и содержанием были сделаны в 1970-1980-е гг. [3, с. 451-459; 11]; углубленное изучение поэмы начинается в 2000-е гг. [1, с. 196-212; 7; 17; 18]. Современных исследователей интересуют два вопроса:

- 1) «общий» — историко-литературный: место «Умозрительства душевного» в контексте литературы барокко и русского литературного процесса 1720-1730-х гг.;
- 2) «частный» — поэтологический: специфика и формы выражения авторского «я» в автопримечаниях П. Буслаева к тексту поэмы и их функции.

На удивление, вне фокуса исследовательского внимания остались жанровая природа «Умозрительства душевного» и ее генезис. В этом произведении осмысляется танатологически-эсхатологический комплекс идей и проблем (см. о нем [19]), и, соответственно, его жанровая природа многослойна и восходит к целому ряду архаических и средневековых жанров, трактующих вопросы смерти и посмертного бытия [19, с. 12-16]. Среди них — житие, плач/заплачка, «слово на смерть/погребение», эпитафия, элегия «на смерть», синодик. Все они привносят в «Умозрительство душевное» собственную топику

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

и/или мотивику. Однако центральным жанром, на который ориентируют название поэмы, ее сюжет и топики, является, по нашему мнению, видение.

Интерес к жанру видения и к танатологически-эсхатологической тематике в литературе заметно возрос в нашей науке в последние два десятилетия. Среди немалого числа современных ученых, обращавшихся к указанной научной проблематике, наиболее авторитетными для нас являются И.В. Дергачева, В.В. Мильков и А.В. Пигин [4; 5; 14; 19].

В данной статье нас будут интересовать те генетические и типологические связи, которые существуют между жанром видения, а именно его топикой, и поэтикой нового, формирующегося в русской литературе жанра — визионерской метафизической поэмы (см. [12; 13]). Поскольку «Умозрительство душевное» — произведение переходного периода, то речь пойдет о «диалоге» двух типов жанровых систем — средневекового и новоевропейского (барокко), а следовательно, о «принципах-процессах». Данный термин введен в науку В.А. Луковым и И.В. Вершининым в рамках развивавшегося ими историко-теоретического метода и обозначает «*категории, которые передают представление о становлении, формировании, развитии принципов литературы, усилении некой тенденции*» [9, с. 60]. Один из таких принципов-процессов — «поэтизация», под которой мы понимаем «перевод» с одного «языка культуры» на другой, в случае с «Умозрительством душевным» — с языка прозаического жанра древнерусской письменности на язык барочной поэмы Нового времени.

Наши задачи состоят в том, чтобы

- 1) выделить в поэме топику жанра видения;
- 2) обнаружить приемы и способы ее поэтизации, т.е. трансформации-перевода в поэтическую форму, а также художественные результаты этого процесса в рамках жанра визионерской поэмы.

В понимании термина «топос» мы опираемся на работу немецкого филолога Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948). В ней он определяет топосы как «*отвлеченные темы, способствующие желаемому развитию или изменению мысли*» [8, с. 157]; «тематический каталог»; «предписанные формулы» для развития той или иной темы, находящиеся в определенном месте текста [8, с. 169-170].

Репрезентация авторского «я»

«Умозрительство душевное» состоит из двух частей, каждая по девять главков, по 100 двустиший (всего в поэме 400 строк), а также из прозаических автокомментариев. В первой части Буслаев натуралистически описывает предсмертную агонию баронессы М.Я. Строгоновой — ее мучения в мире земном, ее смерть и похороны; параллельно, в соответствии с христианской дихотомической картиной мира [4, с. 58; 5; 19, с. 21-34], он изображает пребывание «души Марии» в «ином мире». Вторая часть поэмы имеет название «О возшествии души ея в небо с следующими добродетельми» и, по сути, целиком представляет из себя видение: восхождение души Марии на небо по «лестнице» и предстояние, вкуче с пятью ее Добродетелями, перед насельниками того света. Хотя слово «рай» в поэме не используется ни разу, его многочисленные словесно-образные эквиваленты не оставляют сомнения в том, что именно туда попадает душа Марии.

Все эти визионерские картины увидены, по сюжету, «душевыми очами» автора, родственников М.Я. Строгоновой и всех собравшихся при ее кончине. Иными словами, автор описывает коллективное видение:

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

*Душ своих очи остро все тогда раскрыли.
Телесны от слез слепы, душевны ж смотрили.*

Здесь мы имеем дело с двумя топосами жанра видения, связанными с характером достоверности духовидческого рассказа и степенью вовлеченности в него самого духовидца: 1) основу видения всегда составляют «подлинные рассказы реальных лиц о своем мистическом опыте»; 2) типичная форма повествования в видении — от лица самого визионера либо от некоего доверенного лица; тексты могут быть написаны также от 3-го лица [14, с. 163-165]. В «Умозрительстве душевном» эта топика подвергается трансформации — поэтизации.

Древнерусский книжник, вероятно, сделал бы героем-визионером саму М.Я. Строганову, ибо это ее, праведницы, душа поднимается на небеса и ведет разговоры со Христом и насельниками рая. П. Буслаев, учившийся в Славяно-греко-латинской академии в конце 1720-х гг. и служивший некоторое время диаконом в Кремлевском Успенском соборе, наверняка был знаком с апокрифическими эсхатологическими и визионерскими текстами («Книга Еноха», «Видение пророка Исайи», «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Житие Василия Нового» и др.) (см. о них [4, с. 45-81; 5; 19, с. 21-121]). Однако как автор барочной поэмы он создает сюжет, более близкий житийной литературе, хотя и не имеющий прямых аналогов в средневековой словесности. Такая задача требовала как минимум нового подхода к репрезентации и формам выражения авторского «я».

В средневековых видениях личность автора внешне в тексте никак не проявляется, отсутствует в них и «авторская рефлексия» [14, с. 165], тем не менее коллективное духовидчество жанру не известно. П. Буслаев использует форму повествования от 3-го лица и местоимение «все», при этом очевидно, что он сам является одним из визионеров и уже как автор берет на себя функцию рассказчика об увиденном. В.Б. Зусева-Озкан считает, что П. Буслаев «не репрезентирует себя в качестве поэта, создателя читаемого нами произведения. Таковым он предстает только в автокомментарии, и то косвенно, в третьем лице – отстраненно называя себя “автор”» [7, с. 196-197]. Действительно, формы «я-повествования» в «Умозрительстве душевном» нет — но ведь это и не лирика в привычном нам понимании, и не лирическая поэма. Поэтом Петра Буслаева делает не форма повествования, не саморепрезентация, а, во-первых, вырабатываемый им авторский стиль [2, с. 208]; во-вторых, обращение к художественному вымыслу и многочисленным риторическим приемам (ср. в примечаниях: «зде автор измышленно описует», «описуется зде поэзии измышлением», «анлегорично называется», «так и поетам сия описывать обычай есть», «чрез фигуру поэзии гиперболе» и т. п.).

Вопрос же о том, был ли П. Буслаев духовидцем, остается открытым. Полагаем, что перед нами литературный прием — «измышление» визионерского опыта, например, с целью выразить свою благодарность почившей покровительнице и ее детям в поэтической форме — пока еще не оды или панегирика, но более привычного для бывшего диакона духовного жанра.

Календарное приурочение видения

П. Буслаев сохраняет в поэме топос календарного приурочения видения, однако отказывается от церковного календаря как меры измерения времени. Жанровая традиция обычно соотносит дату видения с каким-либо церковным праздником (Пятидесятница, Успение, Чистый понедельник и др.); в «Умозрительстве душевном» сохранена общая привязка даты смерти М.Я. Строгановой к христианской эре; в примечаниях даны отсылки к

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

астрономии и к римской традиции:

*По рождестве Христове сие дело стало,
Как солнце свой круг тогда обтекало
Тысяща седмсот тритцать третий, днем то было:
Девятой луны число девятое плыло;
А полночь десять часов как уж удалялась,
Только что десятая минута являлась.*

Можно заметить здесь числовую символику — цифры «9» и «10». Используются они П. Буслаевым в соответствии с библейской традицией: «9» — как сакральное число, не привязанное к конкретным смыслам и значениям; «10» — как «число окончания» (времени жизни баронессы) [1, с. 1387; 10, Т. 3, с. 106-107; 15, с. 407-408]. В поэме это именно числовая образность, объединенная к тому же поэтическим приемом олицетворения и детализацией, до минут, астрономического времени, что не встречается в средневековых видениях.

Причины и цели посещения «того света»

Основных причин/целей посещения потустороннего мира в видениях две:

- 1) нравственное исправление визионера — грешника, укрепление его в истинной вере;
- 2) желание узнать о посмертной судьбе родственников, духовно близких людей, знакомых или врагов [4, с. 66; 5; 14, с. 171-172].

В «Умозрительстве душевном» представлена вторая мотивировка: М.Я. Строганова, как считается, покровительствовала П. Буслаеву и потому может быть отнесена к духовно близким ему людям. Он сам, родственники и приближенные баронессы сразу после ее смерти воочию удостоверяются, что за свою праведную жизнь она (ее душа) «жизнь в небе получила».

Состояние визионера. Выход души из тела

Визионер может находиться в состоянии сна, в состоянии экстаза либо — редкий случай — пребывать «одновременно в двух мирах, земном и потустороннем», наблюдать «тот свет» наяву [14, с. 173]. Именно этот случай представлен в «Умозрительстве душевном», с учетом, напомним, коллективного характера видения. В 1-й части все присутствующие видят душу умирающей баронессы, а также Ангелов «душевными очами». Мотив выхода души из тела относится к топике видений [14, с. 175-176]. Новым, по сравнению с иконографией видений, является описание П. Буслаевым души в белой одежде:

*Здрава ж душа одета в платье была белом,
Бутто бы по победе к торжеству готова.*

Белый цвет здесь является, скорее всего, символом праведной жизни баронессы и торжества Жизни над Смертью, а также связан с белыми/светлыми одеждами святых на иконах и Ангелов, как они описаны в апокрифах. Ангел Смерти, который вливает «смертоносное питье» в уста «Марии в плоти», жанру видения неизвестен. Его место там может занимать Смерть, как то происходит, например, в «Житии Василия Нового»; ср. в монологе старицы Феодоры: «И потом налила чашу, непонятно что было в ней, и дала испить мне. И так была горька, что наступил час отринуть мне душу, и выскочила она из тела» (цит. по [4, с. 67]). Выход души из тела и физическая смерть М.Я. Строгановой становятся по сюжету причиной прекращения видения («Тогда душевны ума зрак у всех закрылся»). Бывшие уже визионеры начинают оплакивать усопшую и оказываются охвачены

страшным горем. Они как бы «просыпаются» (ср.: «пришед в память»), что похоже на «обмирание» и на выход из него [20], однако, в отличие от авторов средневековых видений, П. Буслаев не описывает данного состояния. В свои права здесь вступают законы других фольклорных и литературных жанров, прежде всего плача по покойнику, слова на смерть/погребение, элегии и драмы. Описание всеобщих рыданий, предельная гиперболизация выражаемых эмоций, многочисленные аллегории и риторические приемы — все это находит прямые типологические и историко-литературные параллели в драматургии и прозе 1720-1730-х гг. [3, с. 451-459].

Проводники по «тому свету». Загробное воздаяние

Данная топка имеет непосредственное отношение к проблемам эсхатологии и сотериологии — важнейшим в христианском вероучении и в жанре видения [14, с. 176-177]. Как пишет И.В. Дергачева, «особенность древнерусской эсхатологии заключалась, прежде всего, в ее интересе к индивидуальной человеческой судьбе, к жизни, смерти и спасению конкретной личности» [4, с. 82]. У П. Буслаева индивидуальное спасение его героини не просто выдвигается на первый план, но полностью заслоняет судьбы «всего мира». Этим, в частности, объясняется, почему в поэме нет картин Страшного (Всеобщего) Суда («большой эсхатологии»), ада и наказания грешников, — картин, очень распространенных в апокрифах.

Как таковых «душепроводителей» у «души Марии» в поэме П. Буслаева нет, поскольку, в сущности, нет самого путешествия на «тот свет» и полагаемых по канонам жанра «мытарств». Душа баронессы сразу предстает перед Христом и Богородицею, минуя «частный суд» («малая эсхатология»), и принимается ими в «вечную жизнь» за то, что, «живущи в мире, мира страсти все попрапа», страдала от болезней и «соблюла веру». Подобное представление — о том, что душа праведника возносится на небо, где удостоивается вечного покоя и блаженства, утверждается в христианстве уже в первые века его существования [4, с. 33; 19, с. 23, 25].

Вместо проводников по «тому свету» у души Марии есть предстатели — пять ее добродетелей: крепость веры, чистая совесть, милость (милосердие), пост (постничество), Божественная любовь. Все они обращаются ко Христу, «представляя» Ему душу Марии, и просят принять ее на Небеса, говоря, что добрыми делами Марии украшена «вся лествица» «до превечного царства горняго Сиона». Пять Добродетелей М.Я. Строгановой изображены как аллегорико-эмблематические образы — происходит их поэтизация. Они персонифицированы и визуально напоминают богинь античной мифологии с различными их атрибутами: «воинским убранством», «златыми одеждами», «крилами», «мечом остро обоюдным», «мерой правой», «рогом с цветами», «жезлом железным» и пр. Вероятно также, что на их «портреты» повлияла и христианская иконография.

В ответ на их просьбы Христос принимает душу Марии «со свитою всею» на Небо — свершается воздаяние за добро, соделанное на земле, а сама М.Я. Строганова причисляется к лику святых:

*Тогда вси ангели и вси святии приступили,
К своему ея лику присовокупили.*

Описание Рая («того света»)

С христианским догматом о посмертном воздаянии напрямую связаны представления о рае и аде как местах загробного существования/пребывания душ; обозначаются эти места

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

образной формулой тот свет [6, с. 42]. В хронотопе «Умозрительства душевного» присутствует только рай. Христианские представления о его «устройстве» были разнородными; рай мог быть как «мысленным» (т. е. находиться вне времени и земного пространства), так и «чувственным», «земным» [4, с. 123-134; 19, с. 21-103]. У П. Буслаева рай — «мысленный», и многие детали и словесные формулы в его описании вполне традиционны [14, с. 178–182]: Бог пребывает «вверху», «в эмпирейских сферах»; к «небесну граду» идет «лествица»; там находится «престол» Господень; раю предшествуют «врата» и др.

Заключение

Феномен соприкосновения с трансцендентным, хорошо известный средневековым книжникам, но воспринимавшийся ими сквозь призму того или иного жанрового канона, оказался лично и индивидуально пережит писателем петровской эпохи. Став свидетелем мучительной смерти своей покровительницы, баронессы М.Я. Строгановой, Петр Буслаев выразил обретенный им экзистенциальный опыт в поэтической форме. Писать житие он, по видимому, не решился и обратился к другому популярному, но менее каноническому жанру — видению. Возникшую при этом «бытийную» проблему — визионерства — П. Буслаев преодолел по преимуществу художественными средствами, в частности, с помощью вымысла, аллегорико-эмблематической образности и поэтизации топики видения и ряда других жанров.

Литература

1. Большой библейский словарь / Уолтер Элуэлл, Филип Камфорт; [пер.: Рыбакова О.А.]. 2005. СПб.: Библия для всех. 1503 с.
2. Бухаркин П.Е. История русской литературы XVIII века (1700-1750-е годы). 2013. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 488 с.
3. Демин А.С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В.П. Гребенюк. 2003. М.: Языки славянской культуры. 760 с.
4. Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. 2004. М.: Кругъ. 351 с.
5. Дергачева И.В. Топосы иного мира в «Житии Василия Нового» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 33-43. DOI: 10.17759/langt.2016030404
6. Елеонская Е.Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. 1994. М.: Индрик. С. 42-50.
7. Зусева-Озкан В.Б. К истории русской поэтической наррации: прозаический автокомментарий в поэмах П. Буслаева «Умозрительство душевное» и М. Амелина «Веселая наука» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 192-207.
8. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье. Т. I / Пер., коммент. Д.С. Колчигина. 2020. М.: Издательский Дом ЯСК. 560 с.
9. Луков В.А. Предромантизм. 2006. М.: Наука. 683 с.
10. Мень А., прот. Библиологический словарь: В 3 т. 2002. М.: Фонд им. Александра Меня.
11. Панченко А.М. Буслаев Петр // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А-И). 1988. Л.: Наука. С. 136.
12. Петров А.В. Духовидческие стихи С.С. Боброва на кончину императрицы Екатерины II // Libri Magistri. 2015. Вып. 2. С. 18-26.
13. Петров А.В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических»

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслая «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

стихотворениях русских поэтов конца XVIII — начала XIX вв. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 3 (32). С. 108-129.

14. *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности / Научный редактор Е.М. Юхименко. 2006. СПб.: Дмитрий Буланин. 430 с.

15. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. 2001. М.: Междунар. отношения. 560 с.

16. Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А.М. Панченко. 1970. Л.: Сов. писатель. 424 с.

17. *Сазонова Л.И.* Авторский комментарий в структуре произведения (Поэма «Умозрительство душевное» Петра Буслая) // Литературоман(н)ия: к 90-летию Юрия Владимировича Манна: сб. ст. 2019. М.: Изд-во РГГУ. С. 502-511.

18. *Сошкин Е.* «Умозрительство душевное...» Петра Буслая в системе поэтики барокко // XVIII век. Сб. 23. 2004. СПб.: Наука. С. 56-69.

19. Танатологическая тема в русской словесности XI-XXI вв. / Воропаев В.А., Дергачева И.В., Конявская Е.Л., Мильков В.В. 2021. М.: Индрик. 464 с.

20. *Толстая С.М.* Обмирание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 3. (К-П). 2004. М.: Междунар. отношения. С. 462-464.

References

1. Bol'shoj biblejskij slovar' / Walter Jeluwell, Filip Kamfort; [per.: Rybakova O.A.]. 2005. Saint Petersburg: Biblija dlja vseh. 1503 p. (In Russ.).
2. Buharkin P.E. Istorija russkoj literatury XVIII veka (1700-1750-e gody). 2013. Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. 488 p. (In Russ.).
3. Demin A.S. Drevnerusskaja literatura: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Ilariona do Lomonosova / Otv. red. V.P. Grebenjuk. 2003. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 760 p. (In Russ.).
4. Dergacheva I.V. Posmertnaja sud'ba i «inoj mir» v drevnerusskoj knizhnosti. 2004. Moscow: Krug. 351 p. (In Russ.).
5. Dergacheva I.V. Toposes of another world in «the Life of Basil the Younger» [Elektronnyj resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2016. Vol. 3, no. 4, pp. 33–43. DOI: 10.17759/langt.2016030404 (In Russ.).
6. Eleonskaja E.N. Predstavlenie «togo sveta» v skazochnoj tradicii // Eleonskaja E.N. Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov. 1994. Moscow: Indrik, pp. 42-50 (In Russ.).
7. Zuseva-Ozkan V.B. K istorii russkoj pojeticheskoj narracii: prozaicheskij avtokommentarij v pojemah P. Buslaeva «Umozritel'stvo dushevnoe» i M. Amelina «Veselaja nauka» // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2022. T. 65, pp. 192-207 (In Russ.).
8. Kurcius Je.R. Evropejskaja literatura i latinskoe Srednevekov'e. T. I / Per., komment. D.S. Kolchigina. 2020. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK. 560 p. (In Russ.).
9. Lukov V.A. Predromantizm. 2006. Moscow: Nauka. 683 p. (In Russ.).
10. Men' A., prot. Bibliologicheskij slovar': V 3 t. 2002. Moscow: Fond im. Aleksandra Menja (In Russ.).
11. Panchenko A.M. Buslaev Petr // Slovar' russkih pisatelej XVIII veka. Vyp. 1 (A-I). 1988. Leningrad: Nauka, p. 136 (In Russ.).
12. Petrov A.V. Duhovidcheskie stihi S.S. Bobrova na konchinu imperatricy Ekateriny II // Libri Magistri. 2015. Vyp. 2, pp. 18-26 (In Russ.).
13. Petrov A.V. «Mif tvorenija» v «metafizicheskikh» i «fiziko-teologicheskikh» stihotvorenijah

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топик жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

russkikh pojetov konca XVIII — nachala XIX vv. // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2011. № 3 (32), pp. 108-129 (In Russ.).

14. Pigin A.V. Videnija potustoronnego mira v russkoj rukopisnoj knizhnosti / Nauchnyj redaktor E.M. Juhimenko. 2006. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 430 p. (In Russ.).

15. Pohlebkin V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i jemblematiki. 2001. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija. 560 p. (In Russ.).

16. Russkaja sillabicheskaja poezija XVII-XVIII vv. / Vstup. stat'ja, podgot. teksta i primech. A.M. Panchenko. 1970. Leningrad: Sov. pisatel'. 424 p. (In Russ.).

17. Sazonova L.I. Avtorskij kommentarij v strukture proizvedenija (Pojema «Umozritel'stvo dushevnoe» Petra Buslaeva) // Literaturoman(n)ija: k 90-letiju Jurija Vladimirovicha Manna: sb. st. 2019. Moscow: Publ. RGGU, pp. 502-511 (In Russ.).

18. Soshkin E. «Umozritel'stvo dushevnoe...» Petra Buslaeva v sisteme pojetiki barokko // XVIII vek. Sb. 23. 2004. Saint Petersburg: Nauka, pp. 56-69 (In Russ.).

19. Tanatologicheskaja tema v russkoj slovesnosti XI-XXI vv. / Voropaev V.A., Dergacheva I.V., Konjavskaja E.L., Mil'kov V.V. 2021. Moscow: Indrik. 464 p. (In Russ.).

20. Tolstaja S.M. Obmiranie // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' v 5 t. / Pod obshej red. N.I. Tolstogo. T. 3. (K-P). 2004. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, pp. 462-464. (In Russ.).

Информация об авторах

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования, МОУ «СОШ № 38 им. В.И. Машковцева», г. Магнитогорск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Колесникова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (ФГБОУ ВО МГТУ им. Г.И. Носова), г. Магнитогорск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: 373foxy@mail.ru

Information about the authors

Aleksey V. Petrov, Doctor in Philology, Associate Professor, Teacher of Additional Education, Secondary Educational School № 38 named after V.I. Mashkovtsev, Magnitogorsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Olga Yu. Kolesnikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Literature, Institute of Humanitarian Education, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: 373foxy@mail.ru

Получена 01.06.2023
Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023
Accepted 15.06.2023

Экспрессивная функция сегментных единиц поэтического текста: универсальные и национально-специфические признаки

Величкова Л.В.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@rambler.ru

Воропаева И.В.

Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9885-6525>, e-mail: voropaeva05@mail.ru

В настоящей работе рассматривается система экспрессивных средств поэтического текста. Поэтический текст относится к традиционным объектам лингвистики, разработаны механизмы для его лингвистического анализа. В настоящее время интерес представляет восприятие поэтического текста, таким образом, он становится объектом психолингвистики. Цель настоящей работы — выявить соотношение формальных признаков поэтического текста в фонологическом аспекте с передачей эмоционального настроения в восприятии текста. Объектом исследования являются звучащие поэтические тексты, предметом — единицы сегментного уровня в их экспрессивной функции. Новизна подхода заключается в соединении структурного (фонологического) анализа с психолингвистическими данными в области теории эмоциональности, что позволяет предложить механизм исследования звукоизобразительных возможностей поэтического текста исходя из частотности дифференциальных признаков фонем. Авторы опираются на концепцию Е.Н. Винарской о наличии базовых эмоций. Производится психолингвистический эксперимент на восприятие ряда звучащих немецких поэтических текстов носителями немецкого и русского языков. Лингвистическая часть эксперимента включает фонетическую нотацию поэтических текстов, произведенную аудиторами-фонетистами. После этого проводится анализ данных психолингвистической части эксперимента в соотношении с данными лингвистической части для определения корреляции ассоциируемой эмоции и частотности реализации фонологических признаков гласных фонем по локализации (ряд и тембровые характеристики гласных) и полнотонности (краткий-открытый-ненапряженный и долгий-закрытый-напряженный). Анализ данных носит сопоставительный характер в отношении двух групп информантов: носителей немецкого и русского языков. Сопоставительный аспект исследования позволяет выделить универсальные и национально-специфические признаки восприятия и соотнесения его с

Величкова Л.В., Воропаева И.В.
Экспрессивная функция сегментных единиц
поэтического текста: универсальные и национально-
специфические признаки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 100–114.

Velichkova L.V., Voropaeva I.V.
Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic
Text: Universal and Nationally Specific Features
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 100–114.

базовыми эмоциями. Универсальным является тот факт, что комплексы фонологически релевантных признаков участвуют в качестве знаков в создании эмоционального образа слова. Национально-специфическим — частотность реализации тех или иных признаков в соответствии с ассоциируемой эмоцией в восприятии носителями немецкого и русского языков.

Ключевые слова: поэтический текст, экспрессивные средства, сегментные единицы, дифференциальные признаки гласных фонем, метро-ритмические параметры, звукоизобразительность, базовые эмоции, универсальные и национально-специфические признаки.

Для цитаты: *Величкова Л.В., Воропаева И.В.* Экспрессивная функция сегментных единиц поэтического текста: универсальные и национально-специфические признаки [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 100–114. DOI:10.17759/langt.2023100209

Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic Text: Universal and Nationally Specific Features

Lyudmila V. Velichkova

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail: luvel1@rambler.ru

Irina V. Voropaeva

Voronezh State University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9885-6525>, e-mail: voropaeva05@mail.ru

The article focuses on the system of expressive means of poetic text. There are two ways how to research the poetic text: the first is based on the linguistic approach while the second is based on the perception of the emotional mood of the poetic text. The aim of the research is to identify the correlation between the formal features of the poetic text in the phonological aspect and the way its emotional mood is conveyed and perceived in the text. The object of the research is sound poetic texts. The subject is the elements of the segmental level in their expressive function. The novelty of the approach is as follows: there is an attempt to combine the structural (phonological) analysis with the psycholinguistic data in the field of the theory of emotionality, which allows us to offer the mechanism of research of the sound-pictorial possibilities of a poetic text, based on the frequency of differential signs of phonemes. The authors rely on E.N. Vinarskaya's basic emotions concept. A psycholinguistic experiment on the perception of sounding German poetic texts by native speakers of German and Russian is carried out. The linguistic part of the experiment includes phonetic notation of poetic texts by phonetic auditors. After that the received data of the psycholinguistic and linguistic parts of the experiment is analyzed for the correlation of the associated emotion and the frequency of realization of phonological features of vowel phonemes by localization (row and timbral characteristics of vowels) and fullness (short-open-unstressed and long-

closed-unstressed). The analysis of the data is comparative in relation to two groups of informants in German and Russian. The comparative aspect of the study allows us to identify universal and nationally specific signs of perception and correlate it with the basic emotions. Universal feature is the fact that the complexes of phonologically relevant features function as signs in shaping the emotional image of a word. Nationally specific feature reflects the frequency of realization in accordance with the associated emotion in the perception of German and Russian speakers.

Keywords: poetic text, expressive means, segmental units, differential features of vowel phonemes, metrical and rhythmical features, sound-imagery, basic emotions, universal and nationally specific features.

For citation: Velichkova L.V., Voropaeva I.V. Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic Text: Universal and Nationally Specific Features. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 100–114. DOI:10.17759/langt.2023100209 (In Russ.).

Введение

Поэтический текст является объектом целого ряда областей гуманитарного знания. Вряд ли будет преувеличением сказать, что этот тип текста как никакой другой вызывает интерес различных наук, применяющих к исследованию многообразные методы анализа. Р. Якобсон заметил: «Лингвист, которого интересуют любые языки, может и должен включить поэзию в сферу своих исследований» [11, с. 228]. О поэтическом тексте с точки зрения его воздействия можно найти достаточно обширную литературу, не носящую строго научный характер, но содержащую наблюдения и описания, опирающиеся именно на восприятие поэтического текста. В этих источниках доказательством какого-либо тезиса служит само впечатление наблюдателя. Сделать своего рода обзор исследований поэтического текста в полную меру вряд ли возможно, однако, обратившись к наиболее известным работам таких исследователей как Виноградов В.В., Барт Р., Бураго С.Б., Эткинд Е.Г., Гончаров Б.П., Лотман Ю.М. и др., а также к ряду современных работ таких авторов как Леонтьев А.А., Винарская Е.Н., Пищальникова В.А., Иванова В.Ю., и зарубежных — Б. Нойбер (B. Neuber), М. Хаазе (M. Naase) и др. можно условно выделить два направления:

- первое — это исследования, основанные на лингвистическом подходе;
- второе — исследования, исходящие из восприятия эмоционального настроения поэтического текста, при этом анализу подвергается семантика в аспекте восприятия.

В лингвистическом направлении выделяется структурный подход, разработавший анализ формальных признаков стихотворного текста. Поэтический текст рассматривается как система, в которой форма максимально подчинена реализации замысла текста. Возникает термин «психопоэтика», который употребляется в отношении порождения и восприятия художественных текстов, а именно поэтических художественных текстов. При этом «цель психопоэтики — не установление содержания художественного текста, а выявление представлений о характере речевой деятельности автора текста» [6, с. 457].

Для настоящего исследования интерес представляет соотношение формальных признаков поэтического текста в фонологическом аспекте с передачей эмоционального настроения в восприятии текста. Таким образом, в анализе соединяется системный аспект формальных

признаков сегментного и супraseгментного уровней с психолингвистическим подходом. Данная проблематика затрагивалась нами ранее [2; 7] и требует дальнейшего рассмотрения. Термин *сегментные единицы* возник намного позднее, он представляется удобным, так как в некоторых случаях позволяет избежать рассмотрения вопроса об отношении этих единиц к уровню языка или речи. Рассматривая фонологические признаки текста, мы обращаемся к системе языка; говоря об эмоциональности, переходим в область психолингвистики. В этой работе мы имеем дело со звучащими текстами поэзии, включая в рассмотрение закономерности исследования, относящиеся к фонетике и речеведению. Нашей задачей является анализ параметров звучащего поэтического текста с позиций этих трех научных направлений. Сопоставительный аспект исследования позволяет выделить универсальные и национально-специфические признаки объектов. Говоря об эмоциональности звучащего поэтического текста в восприятии, мы рассматриваем экспрессивную функцию его единиц. Чтобы подчеркнуть особенность этой функции сегментных единиц, в отличие от единиц других уровней языка, мы применяем термин «звукоизобразительность».

В работах Р. Якобсона, Р. Ньютона, М. Флаковски-Янкович, Е.Н. Винарской «звукоизобразительность» рассматривается как явление эмоциональной выразительности речи. В первую очередь наш интерес вызывает структурный, фонологический подход к исследованию эмоциональности звучащего текста, в том числе поэтического. *«При любом анализе поэтической звуковой ткани необходимо последовательно учитывать фонологическую структуру данного языка»* [11, с. 225]. Здесь важен вывод о том, что фонема как сумма дифференциальных признаков своей реализацией в речи является компонентом экспрессивных средств речи.

Е.Н. Винарская выделяет звукоизобразительность как паралингвистическое средство выразительности и говорит о важности *«осознания лингвистических закономерностей выражения эмоциональных состояний в процессе коммуникации в речи и использования языковых средств в этих процессах»* [1, с. 34]. Тем самым подчеркивается значимость обращения к звукоизобразительности. Концепция Е.Н. Винарской позволяет нам отнести звукоизобразительность к системе коммуникативно-познавательных знаков, которые *«хранятся в памяти носителя данной языковой культуры в виде эмоционально выразительных комплексов, восходящих к раннему речевому онтогенезу, таких, как младенческие крики, гуление, лепет, которые становятся паралингвистическими звуковыми жестами (вокализации, псевдослова), а затем элементами сегментного и супraseгментного уровней данного языка»* [1, с. 35]. Эти комплексы имеют знаковый характер и относятся к базовым при развитии речи в раннем онтогенезе, то есть носят универсальный характер. Их дальнейшее развитие приобретает национально-специфические черты под влиянием социокультурных условий.

Для аспекта нашего рассмотрения важна мысль Е.Н. Винарской о том, что художественный образ поэтического текста представляет собой единую систему, состоящую из черт «единичного, особенного и всеобщего». «Единичное» составляет основу образа: это внешние признаки, речь, параметры голоса, интенсивность звука, тембровые характеристики. «Особенное» определяется как характерные для эпохи и соответствующие социальной среде черты, которые *«отражаются в личности персонажа»* [1, с. 30]. «Всеобщее» в художественном образе *«проявляется в виде авторских размышлений о героях, их особенностях, о времени»* [1, с. 30]. *«Искусство создания художественных образов заключается в актуализации в сознании читателя или слушателя лингвистическими*

средствами этой системы экстралингвистических образных отношений, которые и разбудят его эмоции» [1, с. 31].

В развитии речевых жанров каждой национальной культуры можно проследить образование комплекса экспрессивных средств речи. Ларин Б.А., занимаясь исследованиями поэтического текста, заметил: *«Поэтическая речь является наиболее древней формой художественной речи, которая возникла из заклинаний и напевов, сопровождавших магические обряды в мифологическую эпоху. У поэта же мастерство словесных эффектов отличается и имеет совсем иное назначение, чем во всех остальных типах речи» [4, с. 389].*

Звукоизобразительность выполняет функцию эмоциональной выразительности поэтического образа, создаваемого лингвистическими средствами. Она выражается в определенной последовательности звуковых жестов (по Е.Н. Винарской), к которым относятся, например, вокализации. *«Именно поэтическая речь, являясь типизированной формой эмоционально окрашенной речи, представляет собой уникальный материал для исследования лингвистических средств передачи эмоциональных состояний, в том числе и на уровне экспрессивной функции параметров звучащей речи» [9, с. 95].*

Методы исследования

Восприятие стихотворной формы предполагает восприятие комплекса ее составляющих: фонетическую и содержательную стороны. Фонетическую составляющую образуют метр, ритм, компоненты интонации, прежде всего, и мелодика. Особую проблему представляет собой сочетание метрической схемы стиха со стихотворным ритмом и речевым ритмом данного языка. Эта проблема требует отдельного рассмотрения [15]. Необходимая для настоящего исследования информация состоит в том, что немецкая поэзия, как и русская, основана на классических метрах, пришедших в европейские литературы из античной поэзии. При этом каждая поэтическая культура отдавала предпочтение тем или иным метрам в разные периоды, стихотворный ритм обретал свою специфику в соотношении с речевым ритмом данного языка. Речевой ритм представляет собой сочетание ударных и безударных слогов по определенным закономерностям. Ритмико-мелодическая картина звучащего поэтического текста складывается в значительной степени посредством реализации гласных звуков, или вокалов. Поэтому в настоящем исследовании мы обращаемся к гласным звукам. Так как мы обозначили в качестве ведущих тезисов не только психолингвистический, но и фонологический аспект, то предметом нашего исследования являются единицы сегментного уровня, а именно фонологические признаки системы вокализма. Частотность их реализации мы рассматриваем в качестве знака эмоционального порождения и восприятия звучащего поэтического текста, а также, возможно, проявлением индивидуального стиля поэта.

В нашем исследовании мы задаемся следующими вопросами: Частотность реализации каких фонологических признаков гласных фонем немецкого языка — количественных (долгота/краткость) или качественных (напряженность/ненапряженность; открытость/закрытость и локализация) — в большей степени выполняет функцию эмоциональной выразительности звучащего поэтического текста? Возможно ли выявить закономерность в частотности реализации тех или иных комплексов признаков гласных и эмоциональном восприятии звучащего поэтического текста при исследовании звукоизобразительности? Вопрос о роли количественного параметра гласных ученые рассматривают в связи с метром в стихосложении (Lanz, 1931; Unbegaun, 1956; Newton, 1981; Flakowski-Jankovič, 1993). Ученые отметили, что *«изменение длительности звучания*

гласного выполняет функцию экспрессивного воздействия на эмоциональную сферу слушающего» [12, с. 390].

М. Флаковски-Янкович на примерах поэтических текстов выделяет четыре экспрессивные сферы, ассоциирующиеся в восприятии через признаки вокалов с определенными эмоциональными состояниями или понятиями. Исследователь объединяет гласные, которые реализуются в ударных позициях, в следующие группы:

- А: радость — [ɪ, i:, e:, o:, a:, ʌ]; свет, солнце — [ɪ, i:, ɔ]; доверие — [ɪ, y:]; позитивность — [ɪ, i:, e:, o:];
- В: сила — [y, ε:, ø:, œ, ʌ]; выражение звучания — [ɪ, u:, ɔ, ʌ];
- С: тишина — [ɪ, o:]; цвет — [ɪ, i:, y:, ʏ, ε, œ, ɔ, o:, a:, ʌ];
- D: темнота, холод — [ɔ, o:, a:, ʌ, u, u:]; неприятность — [ε:, a:, ʌ, u:].

Позитивно эмоционально окрашенная экспрессивная группа А представлена в большей степени гласными переднего ряда, или I — подобными. В терминологии Е.Н. Винарской — это И-тембры. В группе А наблюдаются и гласные среднего (А-тембры) и заднего ряда (О-, У-тембры), но в меньшей степени. Группа В выражена А-, И- тембрами. Группа С представлена двумя экстремальными вариантами. Первая подгруппа — тишина — только двумя гласными: [ɪ, o:], или И-вокализациями, т.е. мажорной тоникой, и О-вокализациями, т.е. минорной тоникой. Вторая подгруппа представлена большим разнообразием гласных звуков, которые в большинстве своем относятся к мажорным А-, И-тембрам, или гласным переднего и среднего рядов. Группу D образуют гласные заднего ряда, или минорные О-, У-тембры. Распределяя гласные звуки по экспрессивным группам, М. Флаковски-Янкович замечает, что *«все время необходимо помнить о том, что звуковая ткань стиха представляет собой переплетение множества звуков и их соединений» [12, с. 391].*

Нас интересуют смысловозначительные признаки гласных фонем по полнозвучности: «долгий-закрытый-напряженный» и «краткий-открытый-ненапряженный», согласно классификации Майнхольда/Штока (1982) [13] и по локализации, или ряду: передний, средний, или И, А-тембры соответственно, и задний ряд, или О-, У-тембры [1]. Мы обращаемся к фонеме в понимании ее Н.С. Трубецким [10] как пучок дифференциальных признаков и считаем, что комплексы дифференциальных признаков участвуют в качестве знаков в создании эмоционального образа слова, а частотность их реализации коррелирует определенным образом с эмоциональным восприятием.

В настоящем исследовании, обратившись к звучащим поэтическим текстам на немецком языке, мы хотим проверить тезисы Е.Н. Винарской о том, что гласные переднего ряда, или А-, И-тембры, ассоциируются в восприятии с проявлением положительной эмоциональности, интерпретируются слушателем как проявление базовой эмоции «радость» и являются, соответственно, маркерами мажорного настроения. Гласные заднего ряда, или О-, У-тембры, ассоциируются с отрицательной эмоциональностью, интерпретируются слушателем как проявление базовых эмоций «гнев/страх» и «горе» и являются показателями минорного настроения. Данная гипотеза была проверена Е.Н. Винарской на поэтических текстах на русском языке. Корпус исследования включает 10 стихотворений немецких поэтов: «Der Brief» (Heinrich Heine), «Frühling» (Heinrich Seidel), «Er ist's» (Eduard Mörike), «Der römische Brunnen» (Conrad Ferdinand Meyer), «Ich bin mir meiner Seele» (Theodor Storm), «Wandrer's Nachtlid» (Johann Wolfgang von Goethe), «Liebeslied» (Bertolt Brecht), «Der Bach hat leise

Melodien» (Rainer Maria Rilke), «Vorfrühling» (Rainer Maria Rilke), «Liebeslied» (Rainer Maria Rilke). Были использованы аудиозаписи стихотворений на немецком языке из сборника «Hausschatz deutscher Dichtung» в рецитации профессиональными немецкими чтецами. Стихотворения были отобраны из указанных сборников методом сплошной выборки. Содержание не являлось критерием отбора. Участникам эксперимента — носителям немецкого и русского языков — были предложены различные по тематике стихотворения. Аудиозаписи стихотворений на немецком языке были предъявлены для прослушивания 6 испытуемым носителям немецкого языка и 6 испытуемым носителям русского языка, 3 из которых являлись студентами-германистами и 3 человека разных родов деятельности, не имеющих отношения к немецкому языку. Эксперимент состоял из психолингвистического и лингвистического этапов. Психолингвистическая часть эксперимента включала в себя выполнение следующих задач: определить эмоциональность стихотворения как «+», «-», «0»; соотнести ее с конкретной эмоцией. В рамках статьи мы не можем привести примеры анализа всех стихотворений. Ограничимся некоторыми из них.

Результаты

Стихотворение № 1. «Der Bach hat leise Melodien» von Rainer Maria Rilke («Ручей, как музыка сквозь сон», Р.М. Рильке). Текст стихотворения взят из книги «Рильке Р.М. Стихотворения» [8, с. 12] и сборника аудиозаписей «Hausschatz deutscher Dichtung».

Как показано в табл. 1 и 2, эмоциональность стихотворения «Der Bach hat leise Melodien» была оценена участниками эксперимента в обеих языковых группах как отрицательная и ассоциируется в восприятии с эмоциями «грусть», «печаль» и «тоска», которые относятся к эмоциональной модальности «горе» (по Е.Н. Винарской).

Таблица 1

Эмоциональность / эмоции «Der Bach hat leise Melodien» von R.M. Rilke при восприятии носителями русского языка

№ информанта	Эмоциональность	Эмоции
1	–	Печаль (горе)
2	–	Грусть (горе)
3	–	Тревога (страх)
4	–	Тоска (горе)
5	–	Печаль (горе)
6	–	Грусть (горе)

Таблица 2

Эмоциональность / эмоции «Der Bach hat leise Melodien» von R.M. Rilke при восприятии носителями немецкого языка

№ информанта	Эмоциональность	Эмоции
1	–	Меланхолия (горе)
2	–	Грусть (горе)
3	–	Печаль (горе)
4	–	Печаль (горе)
5	–	Одиночество (горе)
6	–	Грусть (горе)

Стихотворение № 2. «Liebeslied» von Bertold Brecht («Песня о любви», Бертольд Брехт). Текст стихотворения взят из сборника аудиозаписей «Hausschatz deutscher Dichtung».

Эмоциональность стихотворения «Liebeslied» von Bertold Brecht была оценена носителями русского и немецкого языков как положительная и ассоциируется у большинства информантов обеих групп с эмоциями «радость», «воодушевление», «счастье», «восторг», которые соотносятся с базовой эмоцией «радость» (по Е.Н. Винарской).

Подобным образом в рамках психолингвистической части эксперимента были проанализированы все выбранные для эксперимента звучащие поэтические тексты и данные информантов были занесены в таблицы.

Задача лингвистического этапа состояла в определении частотности реализации дифференциальных признаков гласных фонем по локализации и полнозвучности и тембровых комплексов согласно теории Е.Н. Винарской.

Аудиторам-фонетистам, сотрудникам Научно-методического центра фонетики факультета РГФ ВГУ под руководством профессора Величковой Л.В., были предъявлены аудиозаписи данных стихотворений с целью их фонетической маркировки: выделить паузы и отметить ударности. Наше внимание было сосредоточено на гласных в выделенных ударных слогах. С этой целью нами были построчно выписаны гласные и их фонетическая нотация в ударных слогах. Данные заносились в таблицы.

Аудитивный и фонологический анализ стихотворения «Der Bach hat leise Melodien» R.M. Rilke представлен ниже.

Таблица 3

Текст и фонетическая нотация гласных в ударных позициях в стихотворении «Der Bach hat leise Melodien» von R.M. Rilke

Текст стихотворения / выделение ударных слогов	Гласные звуки в ударной позиции	Комплексы дифференциальных признаков гласных фонем (транскрипция)
Der B ach hat leise Melo D Ien/ und f ern ist Staub und S TADT// Die W ipfel winken her und H IN/ Und m achen mich so M ATT//	a i e a i i a a	a i: ε a ɪ ɪ a a
Der W ald ist W ILD/ die W elt ist W EIT// mein H erz ist hell und G ROß// Es h ält die blasse E INsamkeit/ mein H aup t in ihrem S CHOOß//	a i / e ei e o ä ei au o	a ɪ / ε æ ε o: ε æ ə o:

Жирным шрифтом прописными буквами выделены дополнительные акценты, заглавными — основной акцент согласно фонетической маркировке аудиторов экспертов.

Далее, при помощи математического подсчета, мы проанализировали частотность реализации тембровых характеристик гласных в соответствии с рядом и комплексов дифференциальных признаков «долгий-закрытый-напряженный» и «короткий-открытый-ненапряженный». Доминирующие в нашем экспериментальном материале комплексы признаков гласных фонем выделены жирным шрифтом (Табл. 4).

Таблица 4

Частотность реализации фонологических признаков по ряду и полнозвучности для стихотворения «Der Bach hat leise Melodien» von R.M. Rilke

Е-, И- тембры или гласные переднего ряда	А-тембры или гласные среднего ряда	О-, У- тембры или гласные заднего ряда	долгий-закрытый-напряженный	краткий-открытый-ненапряженный
[i:] — 1 [ɪ] — 3 [ɛ] — 2	[a] — 5	[u:] — 1 [o:] — 1 [ɔ] — 3	[u:] — 1 [o:] — 1 [i:] — 1	[a] — 5 [ɛ] — 2 [ɪ] — 3 [ɔ] — 3
6	5	5	3	13

Как следует из фонетической нотации (Табл. 3, 4), отрицательная эмоциональность данного стихотворения (по данным психолингвистической части эксперимента) связана с частотностью реализации гласных переднего и среднего ряда, или Е-, И-, А-тембров, или маркерами мажорного настроения. По признаку «полнозвучность» выражается в реализации комплексов признаков «краткий-открытый-ненапряженный».

Аудитивный и фонологический анализ стихотворения «Liebeslied» von B. Brecht представлен ниже.

Таблица 5

Текст и фонетическая нотация гласных в ударных позициях в стихотворении «Liebeslied» von B. Brecht

Текст стихотворения / выделение ударных слогов	Гласные звуки в ударной позиции	Комплексы дифференциальных признаков гласных фонем (транскрипция)
Sieben R osen hat ein S TRAUCH//	o au	o: ə
S echs gehören dem W IND//	e i	ɛ ɪ
Aber eine bleibt/ dass auch	eɪ au	æ ə
ich noch E ine find '//	eɪ i	æ ɪ
Sieben M ale RUF ' ich dich//	a u	a: u:
S echsmal bleibe fort //	e o	ɛ ɔ
Doch beim siebten Mal/ versprich/	i a i	ɪ: a: ɪ
KOM me auf ein W ort//	o o	ɔ ɔ

Жирным шрифтом прописными буквами выделены дополнительные акценты, заглавными — основной акцент согласно фонетической маркировке аудиторов экспертов.

Доминирующие комплексы признаков гласных фонем выделены жирным шрифтом и представлены в табл. 6.

Таблица 6

Частотность реализации фонологических признаков по ряду и полнозвучности для стихотворения «Liebeslied» von B. Brecht

гласные переднего ряда	гласные среднего ряда	гласные заднего ряда	долгий-закрытый-	краткий-открытый-
------------------------	-----------------------	----------------------	------------------	-------------------

			напряженный	ненапряженный
[i:] — 1		[u:] — 1	[u:] — 1	[ɔ] — 3
[ɪ] — 3	[ɑ:] — 2	[o:] — 1	[o:] — 1	[ɪ] — 3
[ɛ] — 2		[ɔ] — 3	[ɑ:] — 2	[ɛ] — 2
			[i:] — 1	
6	2	5	5	8

Как следует из фонетической нотации (табл. 5, 6), положительная эмоциональность данного стихотворения (по данным психолингвистической части эксперимента) связана с частотностью реализации гласных переднего и среднего ряда, или Е-, И-, А-тембров, или маркерами мажорного настроения. По признаку «полнозвучность» выражается в реализации комплексов признаков «краткий-открытый-ненапряженный».

С целью обработки данных аудитивного и фонологического анализа были составлены подобные таблицы для всех стихотворений.

Далее нами был произведен сопоставительный анализ данных эмоционального восприятия (эмоциональности/эмоции) и данных аудитивного и фонологического анализа между обеими группами испытуемых. Задача сопоставительного анализа заключается в выявлении соотношения характера эмоционального восприятия с частотностью реализации фонологических признаков гласных по полнозвучности, ряду и тембровым характеристикам.

Обсуждение

Данные анализа для наглядности и удобства их интерпретации были занесены в таблицы. Жирным шрифтом были выделены доминирующие комплексы признаков гласных фонем.

Таблица 7

Реализация признаков гласных фонем при восприятии носителями русского языка эмоциональной модальности «радость»

Стихотворение	Локализация: ряд/тембр	Полнозвучность
Er ist's (E. Mörike)	Средний ряд/А-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Frühling (H. Seidel)	Передний ряд/И-, Е-тембр	Долгий-закрытый-напряженный
Liebeslied (B. Brecht)	Передний ряд/И-, Е-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Der Brief (H. Heine)	Передний ряд/И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный

Таблица 8

Реализация признаков гласных фонем при восприятии носителями немецкого языка эмоциональной модальности «радость»

Стихотворение	Локализация: ряд/тембр	Полнозвучность
Er ist's (E. Mörike)	Средний ряд/А-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Frühling (H. Seidel)	Передний ряд/И-, Е-тембр	Долгий-закрытый-напряженный

Vorfrühling (R.M. Rilke)	Передний ряд/И-, Е-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Der Brief (H.Heine)	Передний ряд/И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Liebeslied (B. Brecht)	Передний ряд/И-, Е-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Der römische Brunnen (C.F. Meyer)	Задний ряд/У-тембр Передний ряд/И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный

Таблица 9

Реализация признаков гласных фонем при восприятии носителями русского языка эмоциональной модальности «горе»

Стихотворение	Локализация: ряд/тембр	Полнозвучность
Der römische Brunnen (C.F. Meyer)	Задний ряд/У-тембр Передний ряд/И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Ich bin mir meiner Seele (Th. Storm)	Передний ряд/Е-, И-тембр Средний ряд/А-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Wandrer's Nachtlid (J.W. von Goethe)	Передний ряд/Е-, И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Der Bach hat leise Melodien (R.M. Rilke)	Средний ряд/А-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Liebeslied (R.M. Rilke)	Передний ряд/Е-, И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Vorfrühling (R.M. Rilke)	Передний ряд/И-, Е-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный

Таблица 10

Реализация признаков гласных фонем при восприятии носителями немецкого языка эмоциональной модальности «горе»

Стихотворение	Локализация: ряд/тембр	Полнозвучность
Wandrer's Nachtlid (J.W. von Goethe)	Передний ряд/Е-, И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Liebeslied (R.M. Rilke)	Передний ряд/Е-, И-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Der Bach hat leise Melodien (R.M. Rilke)	Средний ряд/А-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный
Ich bin mir meiner Seele (Th. Storm)	Передний/Е-, И-тембр Средний ряд/А-тембр	Краткий-открытый-ненапряженный

Анализ данных эмоционального восприятия звучащих поэтических текстов в обеих группах информантов показал, что положительная и отрицательная эмоциональность коррелирует с частотностью реализации гласных переднего и среднего ряда, или А-, Е-, И-тембрами, т.е. мажорными тембровыми характеристиками, и с частотностью реализации комплекса признаков «краткий-открытый-ненапряженный» на базе данного корпуса исследования.

Выводы

Фонологически релевантные признаки гласных фонем, а именно характеристика по ряду и связанные с этим признаком тембровые характеристики и полнзвучность (комплексы: «краткий-открытый-ненапряженный» и «долгий-закрытый-напряженный») являются маркерами восприятия звучащего поэтического текста в определенном эмоциональном ключе. Удалось также выявить доминирующие тенденции относительно частотности реализации указанных признаков в соответствии с ассоциируемой эмоцией на данном корпусе исследования.

Анализ данных психолингвистической части эксперимента показал, что звучание большинства стихотворений на немецком языке было воспринято в обеих группах информантов однозначно с отрицательной эмоциональностью вне зависимости от содержательного аспекта. При этом эмоциональность интерпретировалась как реализация эмоций «печаль», «тоска», «горе», что соответствует базовой эмоции «горе» (по Е.Н. Винарской).

Анализ данных лингвистической части эксперимента показал следующее. Базовая эмоция «горе» связана с реализацией гласных переднего и среднего ряда, или с частотностью реализации А-, И-мажорных тембральных характеристик. Доминирующей тенденцией является частотность реализации комплексов «краткий-открытый-ненапряженный». Полученные данные не подтверждают на материале немецкого языка теорию Е.Н. Винарской, согласно которой, при выражении отрицательной эмоциональности, относящейся к «*регрессивной зоне умеренной субъективности*» [1, с. 48], доминируют О-, У-тембры, или гласные заднего ряда.

Базовая эмоция «радость», относящаяся к «*прогрессивной зоне умеренной субъективности*» [1, с. 48], реализуется через частотность гласных переднего (И-тембр) и среднего (А-тембр) ряда. Доминирующей является тенденция к частотности реализации признаков «краткий-открытый-ненапряженный». Эти данные соответствуют теории эмоциональности Е.Н. Винарской.

Таким образом, мы подтвердили теорию Е.Н. Винарской на данном корпусе частичным образом в том, что «*эмоционально выразительные жесты*» [1, с. 48], которыми являются тембровые характеристики, а именно А-, И-тембры, бессознательно интерпретируются слушателем как проявление положительной эмоциональности, а О-, У-тембры интерпретируются слушателем как проявление отрицательной эмоциональности.

Исходя из структурного подхода, можно принять во внимание данные Научно-методического центра фонетики на факультете романо-германской филологии Воронежского государственного университета об экспрессивной функции согласных фонем в немецком поэтическом тексте [5; 3]. Эти данные в дальнейшем будут сопоставлены с полученными в описанном эксперименте. Ведущую роль гласных в организации метро-ритмической картины поэтического текста нельзя не признавать, можно говорить о том или ином соотношении дифференциальных признаков данного языка при выражении данного эмоционального состояния и системы базовых эмоций в целом.

В заключение хотелось бы высказать вытекающее из проведенного эксперимента предположение, что частотность реализации гласных в поэтическом тексте происходит не произвольно, но в соответствии с системой экспрессивных средств данного языка, в первую очередь, дифференциальных признаков гласных фонем в этой функции. Можно

Величкова Л.В., Воропаева И.В.
Экспрессивная функция сегментных единиц
поэтического текста: универсальные и национально-
специфические признаки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 100–114.

Velichkova L.V., Voropaeva I.V.
Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic
Text: Universal and Nationally Specific Features
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 100–114.

предполагать, что в поэтический дар автора входит бессознательное ощущение этой системы родного языка на фоне базовых эмоций. Анализ в данном направлении позволяет выявить систему и механизм воздействия поэтического текста и приблизиться к объяснению того явления, который носит название «звукосимволизм» и раньше долгое время не относился к объектам научных исследований. Схема же распределения гласных в отдельном поэтическом тексте, частотность реализации определенных комплексов дифференциальных признаков гласных фонем может соотноситься с рядом факторов, таких как жанр и индивидуальный стиль поэта.

Сопоставительный аспект исследования позволяет выделить универсальные и национально-специфические признаки восприятия и соотнесения его с базовыми эмоциями. Универсальным является тот факт, что комплексы фонологически релевантных признаков участвуют в качестве знаков в создании эмоционального образа слова. Национально-специфическим — частотность реализации тех или иных признаков в соответствии с замыслом автора и ассоциируемой эмоцией в восприятии носителями немецкого и русского языков.

Литература

1. *Винарская Е.Н.* Выразительные средства текста: учеб. пособие. 2003. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 171 с.
2. *Воропаева И.В.* Звукоизобразительность поэтической речи: универсальность и национально-специфические черты // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции (Воронеж, 16-19 декабря 2020) / Под ред. Л.Г. Кузьминой, Н.А. Фененко. 2021. Воронеж: Издательство «Истоки». С. 127-135.
3. *Иванова В.Ю.* Сегментные и супraseгментные средства выразительности поэтического текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2006. Воронеж. 18 с.
4. *Ларин Б.А.* Филологическое наследие. 2003. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 948 с.
5. *Лотышева И.А.* Количественные параметры исследования выразительности поэтического текста (на материале поэзии Гизелы Шток, Фридерике Майрекер, Керстин Хензель, Уллы Хан): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2004. Воронеж. 18 с.
6. *Пищальникова В.А.* Психопэтика текста // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. 2021. М.: Институт языкознания-ММА. С. 455-461.
7. Психоллингвистическое изучение звучащей речи / Л.В. Величкова [и др.] // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. 2021. М.: Институт языкознания-ММА. С. 517-526.
8. *Рильке Р.М.* Стихотворения. 1998. М.: ОАО Издательство «Радуга». 320 с.
9. *Тимофеев Л.И.* Основы теории литературы: учеб. пособие для вузов. 5-е изд., испр. и доп. 1976. М.: Просвещение. 448 с.
10. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. 2-е изд. 2000. М.: Аспект-Пресс. 351 с.
11. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». 1975. № 16. С. 193-230.
12. *Flakowski-Janković M.* Klangstrukturen und inhaltliche Aussage in lyrischer Dichtung. 1993.

Величкова Л.В., Воропаева И.В.
Экспрессивная функция сегментных единиц
поэтического текста: универсальные и национально-
специфические признаки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 100–114.

Velichkova L.V., Voropaeva I.V.
Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic
Text: Universal and Nationally Specific Features
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 100–114.

Frankfurt am Main: Hector. 420 s.

13. Hirschfeld U., Stock E. Sprechwissenschaftliche Phonetik // Einführung in die Sprechwissenschaft: Phonetik, Rhetorik, Sprechkunst. 2013. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag. S. 27-80.

14. Hirschfeld U., Stock E. Positionen und Probleme sprechwissenschaftlicher Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation // Phonetische und rhetorische Aspekte der interkulturellen Kommunikation. 2016. B. 7. Vol. 7. Berlin: Frank&Timme Verlag. S. 13-23.

15. Stock E., Velichkova L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. 2002. Frankfurt a/M., Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. 206 s.

References

1. Vinarskaya E.N. Vyrazitel'nye sredstva teksta: ucheb. posobie. 2003. Voronezh: Publ. Voronezh. gos. un-ta. 171 p. (In Russ.).

2. Voropaeva I.V. Zvukoizobrazitel'nost' poeticheskoi rechi: universal'nost' i natsional'no-spetsificheskie cherty // Yazykovaya kartina mira v usloviyakh mul'tilingvizma i mul'tikul'turalizma: perevodcheskii, lingvisticheskii i didakticheskii aspekty. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Voronezh, 16-19 dekabrya 2020) / Pod red. L.G. Kuz'minoy, N.A. Fenenko. 2021. Voronezh: Publ. «Istoki», pp. 127-135 (In Russ.).

3. Ivanova V.Yu. Segmentnye i suprasegmentnye sredstva vyrazitel'nosti poeticheskogo teksta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2006. Voronezh. 18 p. (In Russ.).

4. Larin B.A. Filologicheskoe nasledie. 2003. Saint Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta. 948 p. (In Russ.).

5. Lotysheva I.A. Kolichestvennyye parametry issledovaniya vyrazitel'nosti poeticheskogo teksta (na material poezii Gizely Shtok, Friderike Maireker, Kerstin Khenzel', Ully Khan): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. 2004. Voronezh. 18 p. (In Russ.).

6. Pishchal'nikova V.A. Psikhopoetika teksta // Rossiiskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966-2021): kollektivnaya monografiya / Nauch. red. I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova. 2021. Moscow: Institut yazykoznaniya-MMA, pp. 455-461 (In Russ.).

7. Psikholingvisticheskoe izuchenie zvuchashchei rechi / L.V. Velichkova et al. // Rossiiskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966-2021): kollektivnaya monografiya / Nauch. red. I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova. 2021. Moscow: Institut yazykoznaniya-MMA, pp. 517-526 (In Russ.).

8. Ril'ke R.M. Stikhotvoreniya. 1998. Moscow: OAO Publ. «Raduga». 320 p. (In Russ.).

9. Timofeev L.I. Osnovy teorii literatury: ucheb. posobie dlya vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. 1976. Moscow: Prosveshchenie. 448 p. (In Russ.).

10. Trubetskoi N.S. Osnovy fonologii. 2-e izd. 2000. Moscow: Aspekt-Press. 351 p. (In Russ.).

11. Jakobson R.O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv». 1975. № 16, pp. 193-230 (In Russ.).

12. Flakowski-Janković M. Klangstrukturen und inhaltliche Aussage in lyrischer Dichtung. 1993. Frankfurt am Main: Hector. 420 s.

13. Hirschfeld U., Stock E. Sprechwissenschaftliche Phonetik // Einführung in die Sprechwissenschaft: Phonetik, Rhetorik, Sprechkunst. 2013. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag. S. 27-80.

14. Hirschfeld U., Stock E. Positionen und Probleme sprechwissenschaftlicher Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation // Phonetische und rhetorische Aspekte der interkulturellen

Величкова Л.В., Воропаева И.В.
Экспрессивная функция сегментных единиц
поэтического текста: универсальные и национально-
специфические признаки
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 100–114.

Velichkova L.V., Voropaeva I.V.
Expressive Function of the Segmental Units of the Poetic
Text: Universal and Nationally Specific Features
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 100–114.

Kommunikation. 2016. В. 7. Vol. 7. Berlin: Frank&Timme Verlag. S. 13-23.
15. Stock E., Veličkova L. Sprechrythmus im Russischen und Deutschen. 2002. Frankfurt a/M.,
Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. 206 s.

Информация об авторах

Величкова Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры
немецкой филологии, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ),
г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-mail:
luvel1@rambler.ru

Воропаева Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой
филологии, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО ВГУ), г. Воронеж,
Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9885-6525>, e-mail:
voropaeva05@mail.ru

Information about the authors

Lyudmila V. Velichkova, Doctor in Philology, Professor, Department of German Philology,
Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>, e-
mail: luvel1@rambler.ru

Irina V. Voropaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of German Philology,
Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9885-6525>, e-
mail: voropaeva05@mail.ru

Получена 01.06.2023
Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023
Accepted 15.06.2023

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURE

Студенческий опыт и отношение к самостоятельному изучению языка: пример Аддис-Абебского университета науки и технологий

Абебе Б. Абабо

Аддис-Абебский университет науки и технологий, г. Аддис-Абеба, Эфиопия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9903-2050>, e-mail: ababokiya@gmail.com

Антенех К. Анимав

Аддис-Абебский университет, г. Аддис-Абеба, Эфиопия

Цель данного исследования — проанализировать опыт и отношение студентов первого курса к самостоятельному изучению английского языка. Рассматривалась реальная деятельность студентов — как в классе, так и вне его — с точки зрения того, как они воспринимают самостоятельное изучение языка, насколько они готовы взять на себя ответственность за обучение и какова их мотивация изучать английский язык самим. 313 студентов заполнили анкету, составленную по результатам наблюдений за классом и обсуждений в фокус-группах. Количественные данные из анкет были проанализированы с помощью SPSS. Данные, собранные в ходе наблюдений и фокус-групповых дискуссий, обрабатывались с помощью качественного тематического анализа. Результаты показали, что студенты заинтересованы в изучении английского языка и в какой-то степени проявляют самостоятельность в обучении. Несмотря на их мотивированность и стремление к самостоятельному изучению языка, некоторые аспекты рассматривались как их ответственность. Преподаватели должны учитывать чувство автономии и ответственности студентов.

Ключевые слова: самостоятельное изучение языка, обязательства, практика.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Аддис-Абебского университета.

Благодарности: Авторы признательны сотрудникам и студентам кафедры английского языка Аддис-Абебского университета науки и технологий за уделенное время для участия в проекте. Кроме того, авторы хотели бы поблагодарить Аддис-Абебский университет за поддержку и финансирование данного исследования.

Для цитаты: *Абабо А.Б., Анимав А.К.* Студенческий опыт и отношение к самостоятельному изучению языка: пример Аддис-Абебского университета науки и технологий [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 115–128. DOI:10.17759/langt.2023100210

Students' Practices and Perceptions of Autonomous Language Learning: the Case of Addis Ababa Science and Technology University

Abebe B. Ababo

Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9903-2050>, e-mail: ababokiya@gmail.com

Anteneh K. Animaw

Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia

This study aimed to investigate freshmen students' practices and perceptions of autonomous English language learning. The study investigates the actual language learning activities students carry out inside and outside the classroom with a view to determining their perceptions towards autonomous language learning, their readiness to take responsibility for their learning, and their motivation level of learning English autonomously. 313 students participated in the survey questionnaire where classroom observations and FGDs were used for triangulation. The obtained quantitative data from the questionnaire were analyzed using SPSS. The data collected through observations and FGDs were analyzed qualitatively using thematic analysis. Evidence from the results indicated that students were motivated to learn English and their behavior demonstrated that they were autonomous learners to some extent. Even though they were motivated and participated in autonomous language learning activities, there were only a few aspects that the students considered as their own responsibilities. Teachers should aware of students how to learn autonomously and share responsibility.

Keywords: autonomous language learning, responsibilities, practices.

Funding: The reported study was funded by Addis Ababa University.

Acknowledgements: The authors are grateful to AASTU English Language Department staff and students for taking the time to be part of this study. The authors also would like to thank Addis Ababa University for supporting and funding this research.

For citation: Ababo A.B., Animaw A.K. Students' Practices and Perceptions of Autonomous Language Learning: the Case of Addis Ababa Science and Technology University. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 115–128. DOI:10.17759/langt.2023100210

Introduction

The development of autonomy and independence in today's learners has become essential as a response to the numerous changes which have taken place in recent times. Some of the changes include the emergence of ICT and its personal, educational and social applications, the unprecedented availability of information, the impact of globalization, political, economic, and pedagogical developments worldwide, expansion in student enrolment, responding to new technologies, responding to the changing learner needs, and the increasing need for communication

between people from different parts of the world [12]. Learner autonomy has been found as a good quality of learners, and it is one of the elements that lead to successful learning. In language education, the theory and practice of learner autonomy refer to, broadly, a capacity for independent action that learners can develop in the process of learning, and which they can possess to varying degrees and express in various behavioral modes [8].

Even though definitions of autonomy have varied, they have usually included central features such as students taking responsibility for their learning because all learning can in any case only be carried out by the students themselves and also they need to develop the ability to continue learning after the end of their formal education and taking ownership (partial or total) of many processes [15; 6]. Little (1991) stresses that when responsibility for the learning process is given to the learner, the barriers to learning which are often found in traditional teacher-led educational structures will not arise. Autonomy is considered as a multidimensional concept which takes different context of learning and usually accepted as essentially implying particular skills and behaviors and particular methods of organizing teaching and learning process [3; 2].

Littlewood (1999) proposes a distinction between two levels of self-regulation: proactive and reactive autonomy. Proactive autonomy regulates the direction of activity and the activity itself while reactive autonomy regulates the activity once the direction has been set. Proactive autonomy will be achieved when learners are able to take charge of their learning, determine their objectives, select methods and techniques, and evaluate what they have acquired [9; 13]. However, in reactive autonomy learners don't need to create their own direction, but it enables learners to organize their resources autonomously in order to achieve their goal under the direction that has been initiated once [15].

Accordingly, in this study context of autonomous English language learning was seen as the capacity of students confidently and independently organize learning materials, students' commitment to use additional learning methods and resources, students' readiness to self-regulate and cooperate to learn individually or in groups by themselves, and the capacity to use available environmental opportunities and guidance from their instructors to achieve the teaching-learning goals.

In Ethiopia, English is taught as a Foreign Language (EFL). It is not widely used in day-to-day communication but is taught as a subject from the first grade and serves as a medium of instruction in all secondary schools and in higher institutions. This can have implications for students' attitudes, motivation, and home-based independent learning [17]. Firstly, the fact that English is not used for immediate social interaction may determine the extent to which students like to learn this language. Secondly, learning English for purposes that are not immediate enough can influence the level and type of motivation students possess. Finally, parents, caretakers, and other family members cannot provide enough support to children in the early grades to prepare them to become independent EFL learners. These factors can determine whether students will become lifelong independent EFL learners or not [17]. In the context of all these potential hindrances, high school and university students are expected to engage in learning a variety of strategies. Therefore, English teachers have to play a pivotal role to enable students to develop independent learning. Students on their part should also engage constantly in independent English Language learning both in and outside the classroom.

The traditional way of teaching foreign languages, which emphasizes teaching instead of learning, severely prevented learners from thinking and learning independently. Learner-

centeredness, which is the new perspective, has changed the roles of learners and teachers in the classroom [1]. In today's language classroom, learners are expected to take more responsibility for their own learning, and teachers are expected to help learners become more independent inside and outside the classroom. These developments have brought the concept of learner autonomy in the field of language teaching [5; 2]. Learners need to be independent learners because learning by what teachers give is not enough and teachers should be able to cultivate learners' ability to do things individually and independently. This needs autonomous learning ability, which is the ultimate goal of language learning.

Context of the present study

Addis Ababa Science and Technology University (AASTU) is one of the two science and technology universities accredited to the specialization of science and technology in Ethiopia starting in 2010. To join the university, interested students who had the highest score took an entrance exam provided by the university, and those who fulfilled the criteria joined the university. Obviously, students who passed through these kinds of processes are expected to be autonomous learners. In Ethiopia, where English is learned as a foreign language, learners need to be autonomous because their environment provides few opportunities to actually use English in daily life. Learners need to learn and practice the language on their own, apart from classroom instruction, because classroom instruction may not be sufficient to make them effective in their learning. Autonomous language learning is a very essential ability that learners should develop.

In spite of its importance in facilitating learning, few local studies have been conducted on learner autonomy. Mesfin (2008) [16] conducted an assessment focusing on the practice of autonomous learning and identification of the problems encountered in practicing it with grade 11 students, and attempted to identify students' awareness with respect to their own roles, responsibilities, and strategy use in language learning. Cherinet (2019) [5] conducted an investigation on EFL freshmen students' and teachers' perceptions and practices of learner autonomy at Wolayta Sodo University. Murphy (2011) [18] also argues that due to the lack of a single universal theory of autonomy, the educational importance of developing autonomy can take a variety of forms, depending on learning context and learner characteristics.

This study was intended to examine the state of autonomous English language learning practices, and students' perceptions of autonomous learning. Because English is a medium of instruction and nearly all the teaching and learning and reference materials are provided in English, English language courses given to university students help them to improve their proficiency. This implies that language teaching practices alone by teachers in the class cannot make students English language learners unless the students are committed to being autonomous learners. On the other hand, today's world situation encourages out-of-class and independent learning. Hence, the main aim of this research was to investigate students' autonomous learning practices and students' autonomy-promoting aspects at Addis Ababa Science and Technology University.

Research Methodology

The research approach of this study was a mixed approach. Both quantitative and qualitative approaches were employed. In this study, the quantitative method depended on data gathered through questionnaires, whereas the qualitative method was based on data collected via observation and focus group discussion.

Research Participants and Samples

Freshmen pre-engineering students were the target population of the study because 'Communicative English Skills' is an English common course given for pre-engineering students. There were 36 sections having 45 students in each section. The total population of freshmen pre-engineering students was 1620 and the sample size was determined based on the sample size determination technique proposed by Krejcie and Morgan (1970) [11]. Accordingly, 313 students were selected for the survey where systematic random sampling was used for selecting each sample element from the students. Four EFL teachers were willing to open their doors for observation and their classrooms were observed for two consecutive days. From these observed sections, 24 students participated in the FGD. Finally, these four teachers were interviewed.

Data Collection Instruments

To elicit the data from participants (students) three data gathering instruments: questionnaire, observation and focus group discussion were used. The questionnaire was chosen because a questionnaire is believed to be a useful tool to gather data on a wide range of topics from a large number of respondents while observations were chosen to see the real interaction or phenomenon as it takes place naturally [7]. FGD is a structured discussion used to obtain in-depth information (qualitative data insight) from a group of people about a particular topic.

A questionnaire was designed to see freshmen pre-engineering students' practice and perception of autonomous English language learning at AASTU. The questionnaire for this study was adapted from a questionnaire provided by Chan V. et al [4]. The questionnaire was constructed to identify the activities and tasks students were involved in learning English autonomously, their perceptions towards their responsibilities and their teachers' responsibilities, and the level of students' motivation.

When observation is combined with other data-collecting tools, it allows for an interpretation of the situation which is being studied. Four teachers were selected on a voluntary basis. Each section was observed for two consecutive days. Each session was scheduled for 1 hour. The observation was conducted for eight periods altogether. In total, the classes were observed for eight hours. In addition to note-taking, a semi-structured checklist was constructed by the researcher in order to specify the tasks and activities. The purpose of the FGD was to gather in-depth information from students about their autonomous English language learning practices and their perception of autonomous English language learning (taking responsibility). Semi-structured questions were used to conduct the discussion with four groups. In each group, there were six students. The students who participated in the discussion were selected using a simple random sampling method. The follow-up focus group discussions were recorded and students' responses were transcribed and analyzed. The result was used as a counter-check of the data obtained from the students' questionnaire.

Result and Discussion

The main objective of this research was to investigate freshman students' perceptions and practices of autonomous English language learning in AASTU. The study used both quantitative and qualitative data. The quantitative data obtained from the survey questionnaire are presented in a tabular form with descriptive statistics and discussed according to the three main sections of the questionnaire, which were (a) students' autonomous language learning activities inside and outside the class; (b) students' perceptions of their responsibilities and the teacher's; and (c) students' motivation level. Results of the students' FGDs and classroom observations were also presented and

integrated with the survey result.

Students' Autonomous English Language Learning Activities Inside the Classroom

As one can observe from Table 4.1, in items 1-7 students were asked to identify how often they carried out the activities that indicated their autonomous English language learning practices inside the classroom. The responses of participants regarding the 'often/sometimes' and 'rarely/never' categories have been combined together to indicate a valid percentage of their answers. The major activities that students selected as they 'often' or 'sometimes' practiced include: noting down new information (93.9%), making notes and summaries of the lesson (81.8%), and discussing learning problems with classmates (81.5%). Most of the activities were practiced 'often' or 'sometimes' by the students except item 4, which is about making suggestions to the teacher where 80.8% of the students selected that they 'rarely' or 'never' practiced it.

Table 1

Students' autonomous English language learning activities inside the classroom (compiled from survey, 2022)

Item	Inside classroom activities	Often/Sometimes		Rarely/Never	
		Frequency	%	Frequency	%
1	I ask the teacher questions when I don't understand	180	57.5	133	42.5
2	I preview lesson before class (i.e. see summary, lesson...)	168	53.6	145	46.3
3	I note down new information	294	93.9	19	6.1
4	I make suggestions to the teacher	60	19.2	253	80.8
5	I take opportunities to take part in the activities that need to speak in English	208	66.4	105	33.6
6	I discuss learning problems with my classmates	255	81.5	58	18.5
7	I make notes and summaries of lesson	256	81.8	57	18.2

At observation time the students were observed when they take notes and refer to the meaning of a new word from their dictionary. Among the inside class activities, 'making suggestions to the teachers' was reported to be 'rarely' done. This result is the same with the findings of Chan V. et al [4]. This could be because of the previous culture that students' suggestions and comments usually had little effect on the teacher's decision, be it on the design of the course, classroom organization, activities, or assessment. Students were also observed when asking the teacher a question individually and then the teacher asked the whole class to let the others try to answer the question. As they also mentioned in FGD, students agreed that they are expected to complete what their teachers ordered them since the teacher monitors their work, and evaluates and gives value for their work at the end of the course. It was the teacher who dictated what happened in the classroom and they could only ask the teacher if they needed clarification. This, perhaps, conformed with the general impression that a student's previous learning experience and preference was largely teacher-centered and teacher-dominated.

Students' Autonomous English Language Learning Activities Outside the Classroom

More of the activities done for autonomous learning take place outside the classroom. From items 1-27, students were asked to identify their out-of-class autonomous learning activities.

Table 2

Students' autonomous English language learning activities outside the classroom (compiled from survey, 2022)

S/N	Outside classroom activities	Often/Sometimes		Rarely/Never	
		Frequency	%	Frequency	%
1	I read grammar books on my own.	183	58.4	130	41.5
2	I do assignments which are not compulsory.	161	51.5	152	48.6
3	I note down new words and their meanings.	236	75.4	77	24.6
4	I write in English for chatting with friends.	270	86.3	43	13.7
5	I read English notices.	259	82.8	54	17.3
6	I read English newspapers.	140	44.8	173	55.3
7	I send e-mails in English.	247	78.9	66	21.1
8	I read books or magazines written in English.	259	82.7	54	17.3
9	I watch English TV programs.	283	90.4	30	9.6
10	I listen to English radio.	152	48.6	161	51.4
11	I listen to English music.	250	79.9	63	20.1
12	I talk to the teachers outside the class in English.	63	20.1	250	79.9
13	I practice English recording my own voice outside the class.	75	24	238	76.0
14	I talk to foreigners in English.	184	58.8	129	41.2
15	I practice using English with friends.	188	60	125	39.9
16	I do grammar exercises.	245	78.3	68	21.7
17	I watch English movies without subtitles in your language.	276	88.1	37	11.8
18	I attend different seminars to improve my English.	88	28.1	225	71.9
19	I attend different training courses to improve my English.	102	32.6	211	67.4
20	I attend different conferences to improve my English.	64	20.4	249	79.6
21	I write a diary in English.	102	32.6	211	67.4
22	I use Internet in English.	299	95.5	14	4.5
23	I revise lessons and seek the reference books.	208	66.5	105	33.5
24	I do revision activities for my own sake even though it is not required by the teacher.	171	54.6	142	45.4
25	I attend self-study channels (e.g. e-learning).	143	45.7	170	54.3
26	I collect texts in English (e.g. articles, brochures, labels...).	177	56.5	136	43.5
27	I discuss with my teacher about my work.	72	23	241	77.0

Out of 27 outside classroom activities, there were 17 activities in which more than half of the respondents reported they 'often' or 'sometimes' engaged. The first top ten activities were:

- Using the internet in English (95.5%),
- Watching English TV programs (90.4%),
- Watching English movies without subtitles in their language (88.1%)
- Writing in English for chatting with friends (86.3%)

- Reading English notice (82.8%)
- Reading books or magazines written in English (82.7%)
- Listening to English music (79.9%),
- Sending e-mails in English (78.9%)
- Doing grammar exercises (78.3%)
- Noting down new words and their meanings (75.4%)

Students mentioned in the FGD that watching movies, listening to English music, and using the internet in English for different purposes were the practices that helped them to improve their English language even though it can't be sure they did it purposely to learn the language or not. Learning English vocabulary words and English grammar, practicing speaking English with their friends, and learning in a self-study center at a university were the practices that have a direct relation to studying or learning English; where the finding is similar with Chan V. et al 2002 finding [4]. This finding is reviewing and being prepared for class, attending a course and seminar provided by a university, and contacting teachers in order to discuss their work were less practiced even though they have a direct relation to studying or learning English. Some of the activities which are related to the study or learning of English appeared to be less widely practiced. It is uncertain whether some of the activities were all carried out for reasons of study. Talking to the teachers outside the class in English (20.1%) and attending different conferences to improve their English (20.4%) were the two least practiced activities. Students who participated in FGD have also said that they learn English more by watching movies and English YouTube channels and listening to different English music. As one student mentioned, the western entertainment industry attracted and forced them to learn English. Even though the students did not deny the importance of the teacher's guidance, everyone agreed that the English that is taught in the class only cannot make them learn English. They also mentioned that there are plenty of resources to learn English and the only thing that is needed from the students is their motivation to learn English.

In reactive autonomy, students will engage in fruitful independent study and organize their resources autonomously within a teacher-initiated direction [15]. But, evidence from this study did not support such an argument. The students' responses suggested that the kind of autonomous behavior that would seem to suit students' preferences did not seem to take place. One possible reason could be that these students had not yet received sufficient support from their teachers to learn autonomously, to function in such a direction. In addition, the practices that are 'rarely' or 'never' practiced are those that did not have a direct relationship with that course or it is possible to say that the teacher had no mechanism to check whether the students were doing those activities autonomously outside the class or not. This can also imply the reason for the practicability of those practices inside class was because the students might think they may be asked by their teacher or practicing those activities may help them during an exam. Pieces of evidence from the results for both the outside and inside-class activities and the FGD indicated that students' behavior demonstrated that they were involved in most of the autonomous language learning practices even though they did what they did unconsciously without understanding what is expected from autonomous learning.

Students' Perceptions Towards Language Learning Responsibilities

In order to answer the research question which investigates students' perceptions towards autonomous language learning and their responsibilities in English language learning, the students

were asked to indicate who is responsible for doing certain actions related to autonomous English language learning.

In items 1-21 in Table 3, students were asked to identify the actions that show their responsibility and their teacher's. As shown in Table, deciding what they learn outside class (85.9%), making sure that they make progress outside class (84.3%), looking for new opportunities to learn English (70.3%), and looking for other resources to learn English (57.5%) were the responsibilities that majority of the students considered as their own responsibilities only.

Table 3

Students' perceptions towards their and their teachers' responsibilities (compiled from survey, 2022)

S/N	Responsibility	Students'		Teachers'		Both teachers' and students'	
		Frequency	%	Frequency	%	Frequency	%
Planning							
1	Deciding the objectives of your English course	30	9.6	159	50.8	124	39.6
Learning process							
2	Deciding what you learn outside class	269	85.9	16	5.1	28	8.9
3	Deciding the textbook and materials you use in class	25	8.0	189	60.4	99	31.6
4	Choosing what activities to use to learn English in your English lesson	21	6.7	188	60.1	104	33.2
5	Deciding what you should learn next in your English lesson	19	6.1	229	73.2	65	20.8
6	Deciding how long to spend on each activity	60	19.2	145	46.3	108	34.5
7	Stimulating your interest in learning English	134	42.8	33	10.5	146	46.6
8	Making you work harder	129	41.2	32	10.2	152	48.6
9	Making sure you make progress during lessons	67	21.4	70	22.4	176	56.2
10	Making sure you make progress outside class	264	84.3	11	3.5	38	12.1
11	Looking for other resources to learn English	180	57.5	13	4.2	120	38.3
12	Looking for new opportunities to learn English	220	70.3	16	5.1	77	24.6
Evaluation							
13	Evaluating your learning	67	21.4	76	24.3	170	54.3
14	Identifying your strengths in learning English	133	42.5	36	11.5	144	46.0
15	Identifying your weaknesses in learning English	123	39.3	49	15.7	141	45.0
16	Evaluating the progress you have in learning English	69	22.0	60	19.2	184	58.8

17	Evaluating the outcomes of learning English	88	28.1	51	16.3	174	55.6
18	Evaluating the learning strategies	36	11.5	136	43.5	141	45.0
19	Evaluating the course	24	7.7	167	53.4	122	39.0
20	Analyzing what difficulty you actually have in learning English	121	38.7	41	13.1	151	48.2
21	Setting an action plan on how to solve learning problems or improve learning	94	30.0	53	16.9	166	53.0

The students considered as their responsibilities the ones which are related to outside class learning activities, and the searching of new opportunities and resources to learn English. The five actions that the majority of respondents felt the teacher should take responsibility for include: deciding what students should learn next in English lesson (73.2%), deciding the textbook and materials to use in class (60.4%), choosing what activities to use to learn English in English lesson (60.1%), evaluating the course (53.4%), and deciding the objectives of English course (50.8). This implies a tendency to be dependent on the teacher and their perception of teacher as the decision maker. However, evaluating the progress students have in learning English (58.8%), making sure you make progress during lessons (56.2%), evaluating the outcomes of learning English (55.6%), evaluating the learning (54.3%), and setting an action plan on how to solve learning problems or improving learning (53%) were the actions that majority of the students consider as both students and teachers were responsible for it. In addition, even though it was not the majority, the major percent of some actions like: making you work harder (48.6%), analyzing what difficulty you actually have in learning English (48.2%), stimulating your interest in learning English (46.6%), identifying your strengths in learning (46.0%), identifying your weaknesses in learning English (45.0%) and evaluating the learning strategies (45.0%) were also considered as the responsibility of both teachers and students. This result is different from previous studies [10; 4; 5] that considered dependence on the teacher as the reason for students' inability to be autonomous learners. The result of this study indicates that students consider most of the responsibilities as they are shared responsibilities. As they tried to justify the reason for sharing the responsibility, there were two reasons: first, they were afraid of taking full responsibility for their learning because they were not sure whether their decisions were right or not. That is why they want their teacher to assure them that their decisions are right. As one of the students mentioned in the discussion,

«Everyone can have a different goal, but the teacher has to set a goal that is general for all of us because everyone has a different goal that the teacher cannot help every student to achieve their goal. I plan or set a goal for what I am bad at. And some people may not know what they know and what they don't. So the teacher should give different assignments to different skills to test their skills and to discover what they are good at and what they are bad at».

Second, the students mentioned that their responsibilities were doing what is already planned on their module, doing the activities given there under the instruction of their teacher, and getting their grades under the evaluation of their instructor. This result also implies the reason for considering most of the responsibilities as they are shared responsibility of both teachers and students may be because they understand it is their effort that determines their success in language learning but the teacher is the decision maker.

It is justified that to be successful in acting autonomously, the confidence to take responsibility is the basic component [15]. Since the result of this study showed that the students considered as their responsibilities the ones which are related to outside class learning activities, and the searching of

new opportunities and resources to learn English, more of the responsibilities goes to the teacher even though the students understood they have shared responsibilities. Therefore, as the result showed, the responsibilities of the students were following what was stated in the module and the order of their instructor which means more of the responsibilities go to the teacher. This result is similar to some extent to the findings of Mesfin (2008) [16] which indicated a lack of the student's awareness of their teachers' roles towards their autonomous learning as if there is no clear understanding of one's responsibilities, it affects autonomous learning.

Level of Students' Motivation to Learn English Language

As summarized in Table 4, regarding the extent of students' motivation, the result indicates that students were reasonably motivated.

Table 4
Level of students' motivation to learn English language (compiled from survey, 2022)

Motivation level	Frequency	Percent
Highly motivated to learn English	97	31.0
Well-motivated to learn English	123	39.3
Motivated to learn English	79	25.2
Poorly motivated to learn English	11	3.5
Not motivated at all to learn English	3	1.0

The majority (95.5%) of students considered themselves as 'motivated', 'well-motivated or 'highly motivated'. The rest (3.5%) were 'poorly-motivated' and 1% was not motivated at all. In FGD students explained that they are motivated to learn English because they want to be competitive globally. Since English is an international language and they are higher education level students they all believe that learning English is not optional. In addition, most of them mentioned that the opportunity to get a scholarship nowadays is wide, and to be competitive everywhere in the world the major tool is English language. Even though students admitted they were motivated, they appeared to be less willing to make autonomous decisions (taking responsibility). This could be attributed to their expectation of the teacher's responsibilities and their lack of experience in learning autonomously.

Conclusions and Recommendations

This study has provided information on the activities that indicate the extent of AASTU students' autonomous learning practices and their awareness of taking responsibility. The students know that they have to be autonomous language learners at a higher education level. They took responsibility for the activities done outside the classroom, and they want to share most of the responsibilities with their teacher. From these results, it could be concluded that the students know they have to take more of the responsibilities for their language learning but they don't know the demarcation between their teachers' and their own responsibilities. This may imply that it needs to do more on module preparation, teachers' role, and students' classroom activities Teachers need to identify which areas of responsibilities to transfer to the students, where there is more scope for student involvement, and what contribution students could make in the whole language learning process.

Литература

1. Alonazi S.M. The role of teachers in promoting learner autonomy in secondary schools in Saudi Arabia // English Language Teaching. 2017. Vol. 10, no. 7, pp. 183-202. DOI:

10.5539/elt.v10n7p183

2. *Benson P.* Teaching and researching autonomy in language learning (Applied linguistics in action). 2001. Harlow: Longman. 260 p.
3. *Çakıcı D.* Autonomy in language teaching and learning process // *İnönü Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*. 2015. Vol. 16, no. 1, pp. 31-42. DOI: 10.17679/iuefd.16168538
4. *Chan V., Spratt M., Humphreys G.* Autonomous language learning: Hong Kong tertiary students' attitudes and behaviours // *Evaluation & Research in Education*. 2002. Vol. 16, no. 1, pp. 1-18. DOI: 10.1080/09500790208667003
5. *Chernet Z.W.* EFL freshmen students and teachers perception and practice of learner autonomy: the case of Wolyta Sodo university // *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 398-419. DOI: 10.29322/IJSRP.9.02.2019.p8652
6. *Cotterall S.* The pedagogy of learner autonomy: lessons from the classroom // *Studies in Self-Access Learning Journal*. 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 102-115. DOI: 10.37237/080204
7. *Creswell J.W.* Educational research: planning, conducting and evaluating quantitative and qualitative research / John W. Creswell. — 4th ed. 2012. Boston, MA: Pearson. 650 p.
8. *Hsieh H.C., Hsieh H.L.* Undergraduates' out-of-class learning: exploring EFL students autonomous learning behaviors and their usage of resources // *Education Sciences*. 2019. Vol. 9, no. 3. DOI: 10.3390/educsci9030159
9. *Holec H.* Autonomy and foreign language learning. 1981. Oxford: Pergamon. 53 p.
10. *Khreisat M.N., Mugableh A.I.* Autonomous language learning at tertiary education level in Saudi Arabia: students' and instructors' perceptions and practices // *International Journal of Arabic-English Studies (IJAES)*. 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 61-82. DOI: 10.33806/ijaes2000.21.1.4
11. *Krejcie R.V., Morgan D.W.* Determining sample size for research activities // *Educational and Psychological Measurement*. 1970. Vol. 30, no. 3, pp. 607-610. DOI: 10.1177/001316447003000308
12. *Lamb T., Reinders H.* Learner independence in language teaching: a concept of change // *An International Perspective on Language Policies, Practices and Proficiencies*. 2005. Belgrave: FIPLV, pp. 225-239.
13. *Little D.* Learner autonomy. 1. Definitions, issues and problems. 1991. Dublin: Authentik Language Learning Resources. 62 p.
14. *Little D.* Learner autonomy and second/foreign language learning // *The guide to good practice for learning and teaching in languages, linguistics and area studies*. 2003.
15. *Littlewood W.* Defining and developing autonomy in East Asian Contexts // *Applied Linguistics*. 1999. Vol. 20, no. 1, pp. 71-94.
16. *Mesfin E.* Learner autonomy in learning English: Mekelle Atse Yohannes preparatory school in focus. 2008. Addis Ababa: Addis Ababa University. 74 p.
17. *Metaferia T.F.* A study of independent reading in English as a foreign language (EFL) in Ethiopian schools. 2016. Pretoria: University of South Africa. 354 p.
18. *Murphy L.* Autonomy in context: a tale of two learners // *Fostering autonomy in language learning*. 2011. Gaziantep: Zirve University, pp. 17-27.

References

1. Alonazi S.M. The role of teachers in promoting learner autonomy in secondary schools in Saudi Arabia // *English Language Teaching*. 2017. Vol. 10, no. 7, pp. 183-202. DOI: 10.5539/elt.v10n7p183

Абабо А.Б., Анимав А.К.
Студенческий опыт и отношение к самостоятельному
изучению языка: пример Аддис-Абебского
университета науки и технологий
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 115–128.

Ababo A.B., Animaw A.K.
Students' Practices and Perceptions of Autonomous
Language Learning: the Case of Addis Ababa Science and
Technology University
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 115–128.

2. Benson P. Teaching and researching autonomy in language learning (Applied linguistics in action). 2001. Harlow: Longman. 260 p.
3. Çakıcı D. Autonomy in language teaching and learning process // İnönü Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi. 2015. Vol. 16, no. 1, pp. 31-42. DOI: 10.17679/iuefd.16168538
4. Chan V., Spratt M., Humphreys G. Autonomous language learning: Hong Kong tertiary students' attitudes and behaviours // Evaluation & Research in Education. 2002. Vol. 16, no. 1, pp. 1-18. DOI: 10.1080/09500790208667003
5. Chernet Z.W. EFL freshmen students and teachers perception and practice of learner autonomy: the case of Wolyta Sodo university // International Journal of Scientific and Research Publications. 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 398-419. DOI: 10.29322/IJSRP.9.02.2019.p8652
6. Cotterall S. The pedagogy of learner autonomy: lessons from the classroom // Studies in Self-Access Learning Journal. 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 102-115. DOI: 10.37237/080204
7. Creswell J.W. Educational research: planning, conducting and evaluating quantitative and qualitative research / John W. Creswell. — 4th ed. 2012. Boston, MA: Pearson. 650 p.
8. Hsieh H.C., Hsieh H.L. Undergraduates' out-of-class learning: exploring EFL students autonomous learning behaviors and their usage of resources // Education Sciences. 2019. Vol. 9, no. 3. DOI: 10.3390/educsci9030159
9. Holec H. Autonomy and foreign language learning. 1981. Oxford: Pergamon. 53 p.
10. Khreisat M.N., Mugableh A.I. Autonomous language learning at tertiary education level in Saudi Arabia: students' and instructors' perceptions and practices // International Journal of Arabic-English Studies (IJAES). 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 61-82. DOI: 10.33806/ijaes2000.21.1.4
11. Krejcie R.V., Morgan D.W. Determining sample size for research activities // Educational and Psychological Measurement. 1970. Vol. 30, no. 3, pp. 607-610. DOI: 10.1177/001316447003000308
12. Lamb T., Reinders H. Learner independence in language teaching: a concept of change // An International Perspective on Language Policies, Practices and Proficiencies. 2005. Belgrave: FIPLV, pp. 225-239.
13. Little D. Learner autonomy. 1. Definitions, issues and problems. 1991. Dublin: Authentik Language Learning Resources. 62 p.
14. Little D. Learner autonomy and second/foreign language learning // The guide to good practice for learning and teaching in languages, linguistics and area studies. 2003.
15. Littlewood W. Defining and developing autonomy in East Asian Contexts // Applied Linguistics. 1999. Vol. 20, no. 1, pp. 71-94.
16. Mesfin E. Learner autonomy in learning English: Mekelle Atse Yohannes preparatory school in focus. 2008. Addis Ababa: Addis Ababa University. 74 p.
17. Metaferia T.F. A study of independent reading in English as a foreign language (EFL) in Ethiopian schools. 2016. Pretoria: University of South Africa. 354 p.
18. Murphy L. Autonomy in context: a tale of two learners // Fostering autonomy in language learning. 2011. Gaziantep: Zirve University, pp. 17-27.

Информация об авторах

Абебе Белайинех Абабо, аспирант, преподаватель, кафедра английского языка, Аддис-Абебский университет науки и технологий, г. Аддис-Абеба, Эфиопия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9903-2050>, e-mail: ababokiya@gmail.com

Антенех Каса Анимав, доцент кафедры английского языка, преподаватель, Аддис-Абебский

Абабо А.Б., Анимав А.К.
Студенческий опыт и отношение к самостоятельному
изучению языка: пример Аддис-Абебского
университета науки и технологий
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 115–128.

Ababo A.B., Animaw A.K.
Students' Practices and Perceptions of Autonomous
Language Learning: the Case of Addis Ababa Science and
Technology University
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 115–128.

университет, г. Аддис-Абеба, Эфиопия

Information about the authors

Abebe Belayineh Ababo, PhD Candidate, Lecturer, Department of ELT, Addis Ababa Science and Technology University, Addis Ababa, Ethiopia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9903-2050>, e-mail: ababokiya@gmail.com

Anteneh Kasa Animaw, Assistant Professor of ELT, Lecturer, Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia

Получена 01.06.2023

Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023

Accepted 15.06.2023